ЕСТЕСТВЕННОЕ

НРАВОУЧЕНІЕ.

ОБЪ

ОБЯЗАННОСТЯХЪ

КЪ

САМОМУ СЕБѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1858.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 22-го Іюня 1835 года.

Цензоръ А. Никитенко.

БИБЛІОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
36411-45.

въ типографіи Н. Греча.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

§ 1. Обязанность къ самому себѣ и самоугодіе 1

Отдѣленіе 1. Обязанности по отношенію къ жизни.

§ 2. Непосредственное самоубійство 5
§ 3. Нравственное достоинство сего поступка 14
§ 4. Посредственное самоубійство 25
§ 5. О дерзости и искаженіи тѣла 36
§ 6. Предостерегательныя правила противъ самоубійства 39
§ 7. О воздержаніи 44
§ 8. Невоздержаніе 51
§ 9. Попеченіе о здоровьи вообще 55

Отдѣленіе 2. Обязанности личности.

§ 10. Достоинство человѣка 56
§ 11. О легкомысліи 58
§ 12. Объ униженіи 69
§ 13. О самообладаніи 72

Отдѣленіе 3. Обязанности человѣка, какъ существа, способнаго къ образованію себя.

§ 14. Сохраненіе собственныхъ силъ 77
§ 15. Объ общемъ, или нравственномъ образованіи . . . 82
§ 16. Объ особенномъ образованіи для опредѣленнаго какого нибудь званія 91

Отдѣленіе 4. Обязанности по отношенію къ собственному счастію.

§ 17. Источники человѣческаго бѣдствія 97
§ 18. Истинное блаженство 105
§ 19. О чести 113
§ 20. О честолюбіи 122
§ 21. Достоинство роскоши 131
§ 22. Нравственное употребленіе роскоши 138
§ 23. Нравственный взглядъ на общества 141
§ 24. Нравственное участіе въ обществѣ 146
§ 25. О семейственномъ счастіи 153

Стр.

§ 26. О зрѣлищахъ 159

§ 27. О нравственномъ достоинствѣ такихъ игръ, гдѣ преимущественно участвуетъ счастіе 171

§ 28. Объ особенной безнравственности игръ, которыми преимущественно управляетъ случай 182

§ 29. Взглядъ на пляску съ нравственной стороны 189

§ 30. О хозяйствѣ и бережливости 193

§ 31. Скупость 197

§ 32. Расточительность 201

****

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВОУЧЕНІЕ.

Объ обязанностяхъ къ самому себѣ.

§ 1.

Обязанность къ самому себѣ и самоугодіе.

Когда человѣкъ непосредственно разсматриваетъ самаго себя, какъ предметъ своихъ нравственныхъ дѣйствій; то обязанность, отсюда проистекающая, называется *обязанностію къ самому себѣ*. Одно *лице* не производитъ ни какой обязанности; она рождается только тогда, какъ человѣкъ сознаетъ свою зависимость отъ Бога; ибо, не руководясь идеею о Богѣ, онъ впадаетъ въ *самоугодіе*, или нравственное своевольство, ги-

бельное для всякой добродѣтели. Напротивъ, если онъ ясно сознаетъ свою зависимость отъ Бога; то ему открывается также, что онъ долженъ многое дѣлать, какъ *существо организованное, имѣющее личность, способное къ усовершенствованію самаго себя и къ наслажденію жизнію.* Совокупность таковыхъ дѣйствій составляетъ *рядъ обязанностей къ самому себѣ.*

Для того, чтобы поступать свободно и сообразно съ закономъ нравственнымъ, мы должны знать и хорошо обсуживать самихъ себя, должны испытывать свои силы и быть судіями собственныхъ поступковъ. Для избѣжанія погрѣшности, по словамъ *Цицерона*, должно всегда совѣтоваться съ самимъ собою и быть внимательнымъ къ самому себѣ (ad divers II. f.). Всякій изъ насъ часто различаетъ въ себѣ двоякую природу, и такимъ образомъ явно чувствуетъ обязанность къ самому себѣ, какъ *сообразное съ нравственнымъ закономъ отношеніе своей низшей, или чувственной, природы къ высшей, или разумной.* Очевидно, что это отношеніе есть *непосредственное;* ибо посредственно всѣ наши дѣйствія суть обязанности къ самимъ себѣ, такъ какъ они намъ же самимъ слу-

жатъ въ пользу, или во вредъ, и мы сами, по природѣ своей, Творцемъ премудро устроенной, всегда составляемъ средоточіе своего чувствованія, мышленія и хотѣнія. Человѣкъ живетъ прежде всего для самаго себя, а потомъ уже для другихъ; все, что онъ ни дѣлаетъ для нихъ, обращается ему же въ пользу, или во вредъ. Но здѣсь остается не яснымъ то, какимъ образомъ можетъ онъ въ одно время обязывать себя и быть обязаннымъ. Въ этомъ случаѣ не достаточно будетъ различать человѣка, какъ существо умственное (νοούμενοι), или свободно-разумное, и какъ явленіе (*Канта* Tugendlehre, § 65); потому что чувственность служитъ намъ только орудіемъ, или органомъ обязанности, и мы познаемъ самихъ себя, какъ существа умственныя, только во внутреннихъ явленіяхъ сознанія. Равнымъ образомъ, нѣтъ въ насъ двоякой природы и двоякой воли раздѣльно (см. § 51 сл.); но есть нераздѣльное единство, никогда не измѣняющееся, будетъ ли оно знать себя и управлять собою, или нѣтъ. Слѣдовательно обязанность къ самимъ себѣ возможна только въ такомъ случаѣ, если мы относимъ себя къ тому, что есть въ насъ высшее и совершенное, т. е. къ разуму, или, что означаетъ то же, *къ сознанію себя самихъ въ Богѣ*, образцѣ нашего мышленія, хотѣнія и дѣйствованія. Чѣмъ яснѣе представляемъ мы себѣ это отношеніе, тѣмъ очевиднѣе становится намъ и обязанность къ самимъ себѣ, осно-

ваніе которой заключается не въ насъ самихъ, а единственно въ идеѣ о Богѣ, въ насъ обитающей; мы пробуждаемся въ Богѣ, видимъ себя повсюду подъ Его правленіемъ, въ Его царствѣ; въ отношеніи къ свободному мышленію находимъ вездѣ правила для своихъ желаній и дѣйствій, и въ слѣдствіе сего чувствуемъ себя обязанными; потому что познаніе божественной истины для нашей воли имѣетъ внутреннюю силу обязательства. Если человѣкъ отвергаетъ это отношеніе къ волѣ Верховнаго Законодателя; то происходитъ *самоугодіе,* или нравственная необузданность воли, по *теоріи,* заключающаяся въ правилѣ: не признавать ни какого закона, кромѣ того, который мы сами себѣ предпишемъ; а на *практикѣ* обнаруживающаяся поступками, сообразными съ симъ правиломъ. Какъ эгоисты логическіе присвояютъ себѣ однимъ знаніе истины, а эстетическіе, — обладаніе вкусомъ; такъ точно эгоисты нравственные почитаютъ добромъ только то, что имъ добромъ представляется. Если же эта склонность дѣлается господствующею, что и должно здѣсь послѣдовать; то умозрительный эгоизмъ переходитъ просто въ эгоизмъ практическій, который, хотя часто и обольщаетъ себя чистыми нравственными началами, но упорно, повелительно и своекорыстно основываетъ все на своемъ *я* и на своихъ выгодахъ, и такимъ образомъ потрясаетъ нравственность въ самомъ ея основаніи. Болѣе или

менѣе, всѣ люди эгоисты; ибо любовь къ самимъ себѣ, служащая основаніемъ всей добродѣтели и находящаяся подъ вліяніемъ чувственныхъ пожеланій, необходимо превращается въ самоугодіе. Посему то въ Христіанскомъ нравоученіи и данъ великій законъ: любить Бога больше нежели самихъ себя и міръ. Поелику человѣкъ больше всего, его окружающаго, служитъ непосредственнымъ предметомъ нравственныхъ своихъ дѣйствій; то обязанности его къ самому себѣ, если не многочисленнѣе, такъ важнѣе обязанностей общественныхъ, и при всемъ разнообразіи сихъ послѣднихъ, большая часть изъ нихъ составляетъ только принаровленіе первыхъ. Впрочемъ можно ихъ раздѣлить на обязанности по отношенію къ своей *жизни*, своему *лицу*, *образованію* и *достиженію своего счастія*; въ этомъ порядкѣ мы отдѣльно будемъ говорить о каждомъ родѣ обязанностей къ самому себѣ, какъ положительно, такъ и отрицательно.

ОТДѢЛЕНІЕ 1.

Обязанности по отношенію къ жизни.

§ 2.

Непосредственное самоубійство.

Человѣкъ *прежде всего* долженъ печись о *сохраненіи* своей *жизни*, по-

тому что его добродѣтель и нравственная дѣятельность зависятъ отъ сего условія. Этой обязанности прямо противорѣчитъ *самоубійство*, или произвольное лишеніе себя жизни, какъ *непосредственное*, такъ *и посредственное*. Къ сему насилію, издавна защищаемому многими, часто подаютъ поводъ *неблагоразумные законы*, *худо-понятая свобода*, *неумѣренное честолюбіе*, *страхъ большихъ золъ*, *внутреннее расположеніе духа*, *ложный героизмъ*, а иногда *фанатизмъ нравственный* и *религіозный*.

Пещись о *сохраненіи* и *благосостояніи* нашей жизни велитъ намъ не только голосъ природы, но и разумъ; потому что наше постепенное нравственное образованіе предполагаетъ органическое бытіе. Изъ сего закона само собою выходитъ слѣдующее правило: *убѣгай самоубійства*, какъ явнаго и *непосредственнаго*, такъ скрытнаго, медленнаго и *посредственнаго*, постепенно разрушающаго твой организмъ. Вмѣстѣ съ криминалистами мы называемъ *самоубійствомъ преступленіе* человѣка, *свободно умерщвляющаго* самаго себя, съ тѣмъ только различіемъ, что они почитаютъ это дѣйствіе нарушеніемъ общественнаго договора, а мы

смотримъ на него, какъ на преступленіе противъ обязанности къ самимъ себѣ и противъ нравственнаго назначенія. Слова: *убійство*, *умерщвленіе* и *убіеніе* — всѣ выражаютъ прекращеніе жизни; только первое изъ нихъ означаетъ преимущественно насильственную смерть, между тѣмъ какъ другія могутъ означать также и постепенное разрушеніе тѣла безпорядочною жизнію. Впрочемъ *произвольная* рѣшимость и намѣреніе составляютъ существенный признакъ сего поступка; кто лишаетъ себя жизни въ пароксизмѣ горячки, въ припадкѣ меланхоліи и бѣшенства, того можно почесть несчастнымъ, но отнюдь не самоубійцею. Сама природа въ человѣкѣ сильно препятствуетъ сему преступленію, потому что любовь къ жизни составляетъ главное побужденіе нашего существа; *больной*, стократно призывавшій смерть, боится ея, когда она наконецъ къ нему приближается, и предпочитаетъ ей даже хворое свое существованіе (*Канта* Anthropologie § 214). Только въ человѣкѣ, имѣющемъ присутствіе духа и твердость воли, можетъ созрѣть намѣреніе заглушить въ себѣ голосъ природы и насильно прервать нить своей жизни; слабыя и робкія души весьма рѣдко способны къ сему преступленію; и между прочимъ, это такая черта, которая многихъ заставляла удивляться самоубійству, защищать, или по крайней мѣрѣ извинять его. И такъ прежде всего намъ надлежитъ обратить вни-

маніе на поводы и *побудительныя причины* къ сему неестественному поступку. Исторія и опытъ въ семъ случаѣ открываютъ намъ слѣдующія причины:

1) Самоубійство было въ *обыкновеніи* у нѣкоторыхъ народовъ. Такъ, во времена Александра Великаго, у Индѣйцевъ былъ законъ, чтобы женщины, по смерти своихъ мужей, или избирали себѣ презираемое всѣми состояніе вдовства, или сожигались на кострѣ своихъ супруговъ. Этимъ хотѣли предупредить то, чтобы жены не отправляли ядомъ мужей своихъ; потому что онѣ часто умерщвляли ихъ такимъ образомъ, желая вступить въ другое супружество по своей склонности (Діодор. Сиц. XIX, 33.). У Гренландцевъ, Ирокезовъ и и Сѣверо-Американскихъ Индѣйцевъ престарѣлые люди того и другаго пола умерщвляютъ себя и донынѣ, дабы не быть въ тягость своимъ дѣтямъ. Варварское звѣрство сего обыкновенія очевидно само собою и не требуетъ опроверженія.

2) Нѣкоторые изъ древнихъ и новыхъ философовъ вмѣняли человѣку въ *преимущество* предъ другими животными его свободу прекращать свою жизнь, когда угодно. «Знакъ поданъ — должно отступать (*τὸ ἀνακλητικὸν σημαίνει. Арріанъ*); въ комнатѣ душно — иду вонъ (*κάπνος ἔστι, ἀπέρχομαι. Антонинъ* V. 29.) Если не хочешь бороться; то бѣги и благодари Бога за то, что въ этой жизни ничто

удержать себя не можетъ (*Сенека*, de providentia C. 6, Epist. 12.). Если бы цѣлый народъ захотѣлъ лучше умереть, нежели жить; то ему всего бы лучше было массою положить конецъ дѣлу» (*Фризъ* Neue Kritik der Vernunft Th. III. S. 197.). Но свободу дѣлать что нибудь отнюдь нельзя считать позволеніемъ, а еще менѣе обязанностію; поелику въ противномъ случаѣ были бы нравственно позволительны всѣ пороки и преступленія. И у Катилины было также любимое правило: «позволительно все то, что намъ нравится» (Quidquid lubet, licet); но если допустить его, то исчезнетъ добродѣтель.

3) Часто выставляютъ *любовь къ чести* предлогомъ къ самоубійству. Говорятъ, что человѣкъ, лишая себя жизни, умираетъ героемъ, когда онъ обезчещенъ, или когда обстоятельства вынуждаютъ его унизить свое нравственное достоинство какимъ либо постыднымъ поступкомъ. Такъ умертвила себя *Лукреція*, дабы не пережить своего стыда (Liv. III. 58.); такъ лишилъ себя жизни младшій *Катонъ* Утическій, не желая попасть въ руки Цезарю (*Плутархъ* въ vita Catonis Cap. 69.); такъ въ Іудейской крѣпости Масадѣ, по возбужденію *Елеазара*, умертвили себя около тысячи Зеловъ съ женами и дѣтьми, дабы не подпасть власти Римскаго полководца Сильвы (ἐλευθερῶς καὶ καλῶς ἀποθανεῖν. *Іосифа* В. I. VII. 8.); такимъ же образомъ, во время гоненія Христіанъ

при Діоклитіанѣ, матери съ дочерьми бросались съ крышъ, или утопали въ рѣкахъ, дабы избѣжать посрамленія (*Коргольтъ* de persecutionibus ecclesiae primitivae. Kiel, 1689. S. 464.) Но и этотъ предлогъ справедливъ только по внѣшности. Никого нельзя принудить къ поступку безчестному и унизительному; всякая незаслуженная обида постыднѣе для виновника, нежели для оскорбляемаго, потому что безчеститъ человѣка не казнь, а самое преступленіе. Если бы было справедливо лишать себя жизни, когда другіе оскорбляютъ, или мучатъ насъ; то Апостоламъ Петру и Павлу, Поликарпу и друг. также надлежало бы себя предать смерти. Какъ опасно начало, починающее справедливостію отмщать за оскорбленіе чести собственною смертію! Допустивъ его, дѣти и всякіе преступники, подвергаемые наказанію для ихъ исправленія, считали бы долгомъ прекращать свою жизнь, дабы не потерпѣть ничего, по ихъ мнѣнію, противнаго чести. *Іеронимъ* считаетъ самоубійство позволительнымъ для женщинъ въ такомъ случаѣ, когда предстоитъ опасность ихъ цѣломудрію (perire non licet, *absque eo, ubi castitas periclitatur.* Adv. *Iovinian.* l. I. c. 12.); но мнѣніе его опровержено всѣми моралистами.

4) Весьма часто *страхъ какого нибудь большаго несчастія и страданія* подаетъ поводъ къ самоубійству. Такимъ образомъ лишила себя жизни *Теоксена* вмѣстѣ съ своими дѣтьми,

дабы не попасть въ руки Филиппу (Liv. XL. 4.); такъ *Пантея* хотѣла умереть на прупѣ своего супруга, убитаго въ сраженіи, не могши перенести его потери (*Ксенофонта* Cyropaed. l. VII. c. 3.); такъ многіе изъ Римскихъ Императоровъ, желая умереть славною смертію, прекращали жизнь свою въ темницахъ (morti decus quaerere. *Тацитъ*); такъ умертвилъ себя *Жирондистъ Клавьеръ*, дабы избѣжать гильотины (*Мерсье* Nouveau Paris t. IV. 57.); такъ *Мирабо* принялъ опіумъ, дабы прекратить мученіе своей болѣзни; такъ и благородный въ другихъ отношеніяхъ *Роландъ* закололъ себя кинжаломъ, когда казнь добродѣтельной его супруги и собственная опасность исполнили его страхомъ и скорбію (Biographie des ministres depuis 1789, Paris, 1825, pag. 481.) Вообще эта причина къ самоубійству дѣйствуетъ на людей слабыхъ духомъ и преступниковъ. Но и величайшее страданіе можетъ быть еще полезно для нравственности; это зной, полдень, во время котораго зрѣетъ небесный плодъ безсмертія.

5) Другіе лишаютъ себя жизни по причинѣ *душевнаго разстройства* отъ ипохондріи и меланхоліи, предполагая, что избавишься отъ него нѣтъ другаго средства, кромѣ добровольной смерти. Такъ умертвилъ себя *Крехъ*, извѣстный издатель Лукреція, желая умереть такъ какъ сочинитель онаго; равнымъ образомъ *Робекъ*, который, бывъ обращенъ въ христіан-

ство, опять отпалъ отъ него и былъ защит никомъ самоубійства (въ 1734 г.). Особенно часто убиваютъ себя молодые люди, когда напримѣръ, какая нибудь тайная скорбь лежитъ у нихъ на совѣсти, когда не приходятъ въ исполненіе ихъ честолюбивые планы, или когда они не надѣются имѣть довольно силы къ выполненію своихъ отважныхъ предпріятій (*Georgi* Vorbereitung zum freiwilligen Tode. Koenigsberg 1800). Всѣ сіи несчастливцы достойны сожалѣнія; но правило человѣка, больнаго душею, не можетъ быть принимаемо за правило, которому должны и другіе слѣдовать.

6) Иногда *чрезмѣрная чувствительность* и *фанатизмъ* были причиною самоубійства. Въ Милетѣ, этой столицѣ романовъ Греческихъ, однажды нѣсколько влюбленныхъ дѣвушекъ задумали повѣситься, потому что страсть ихъ была безнадежна (*Геллія* Net. XV. 10.) Извѣстные бродяги (Circumcellionen), Пунические фанатики третьяго вѣка, во время преслѣдованія Христіанъ, сперва приводили себя въ восторженное состояніе посредствомъ горячихъ напитковъ, а потомъ умерщвляли себя цѣлыми толпами, дабы избѣжать мученической смерти, которой боялись они часто понапрасну, или чтобы загладить стыдъ потерянаго цѣломудрія (*Θеодорита* fab. haeret. l. IV. c. 6.). Индѣйскій философъ *Калан*ъ велѣлъ построить себѣ костеръ и сожегъ себя на немъ, дабы сдѣлаться участникомъ въ блаженствѣ боговъ (*Діодор*,

Сиц. XIX, 107.). *Зенонъ*, основатель Стоической школы, повѣсился, потому что онъ, упавъ, вывихнулъ себѣ палецъ и это принялъ за голосъ земли, призывающей его въ свое нѣдро. (*Діоген. Лаерц.* p. 695. Longol.) Но нельзя оправдывать поступка человѣка, преданнаго суевѣрію и наскучившаго жизнію; поелику такой поступокъ всегда будетъ противенъ здравому смыслу; а что касается до женщинъ именно, то не можетъ извинить его ни какая страсть. (Memoires de Mad. *Жанлисъ.* Paris 1825. t. II, 21.).

7) Многіе умерщвляли себя *изъ геройскаго духа* и заставляли другихъ удивляться своему мужеству. Кто не уважаетъ храбраго Муція, который, сожегши себѣ правую руку, поступаетъ отважнѣе всякаго самоубійцы? Муцій дѣйствовалъ, какъ отважный мужъ, какъ храбрый воинъ; а Брутъ, умирая, увѣщеваетъ своихъ пововарищей, чтобы они не рѣшались на подобный поступокъ и подобную смерть (*Фрейнсгемія* Supplem. ad Livii l. CXXIV. c. 28). Христіанское ученіе внушало своимъ мученикамъ высокое мужество къ перенесенію мучительной смерти за истину; но не поселяло въ нихъ отчаяннаго присутствія духа лишать себя жизни. И такъ показанные примѣры могутъ только приготовить насъ къ нравственному взгляду на сіе дѣйствіе.

Bildersaal seltner Selbstmörder. Berlin, 1804.

Чирнера, Leben und Ende meckkwürdiger Selbstmörder. Weissenfels und Leipzig, 1805.

Гамборга, Ein Gedanke über Selbstmord und Selbstmörder. Kopenhagen, 1796.

Озіандера über den Selbstmord, seine Ursachen, Arten, Untersuchung, und die Mitter gegen denselben. Hannover, 1813. (У кого самоубійство случается чаще, у Католиковъ, или Протестантовъ? см. стр. 280 и слѣд.)

Штейдлина, Geschichte der Lehre von Selbstmorde. Halle, 1825.

§ 3.

Нравственное достоинство сего поступка.

Древніе мудрецы различно думали о нравственномъ достоинствѣ самоубійства, если оно не было слѣдствіемъ предшествовавшаго преступленія; равнымъ образомъ, изъ новѣйшихъ нравоучителей многіе думаютъ о семъ снисходительно и даже извиняютъ его. Но голосъ чувства не есть еще голосъ разума; объяснять какой либо поступокъ — еще не значитъ извинять, или совсѣмъ оправдывать его. Если мы въ какомъ либо поступкѣ не будемъ различать субъекпивнаго нравственнаго достоинства, о которомъ можетъ судить

шолько Богъ, отъ достоинства объективнаго; но не останется ни одного преступленія, которое бы могло быть суждено нашимъ нравоученіемъ. И такъ мы, ни мало не сомнѣваясь, назовемъ всякое умышленное самоубійство *противнымъ природѣ*, *благоразумію*, *справедливости*, *нравственности*, *религіи и Христіанскому ученію;* мы почитаемъ его за величайшее изъ преступленій, какое только можетъ свершить человѣкъ въ буйствѣ своемъ предъ Богомъ.

Исторія ученія о самоубійствѣ весьма удобно можетъ ввести насъ въ заблужденіе; ибо во всякомъ случаѣ, разсуждается ли здѣсь о совершенной обязанности къ самому себѣ, или объ отчетѣ за эту жизнь, который точнѣе понять и опредѣлить также не слишкомъ трудно, — во всякомъ случаѣ моралисты разногласятъ между собою. Философія Платона и Аристотеля не была защитницею самоубійства; Эпикурейцы, имѣя въ виду наслажденіе и безболѣзненность, совсѣмъ отвергнули бы его, если бы они руководствовались при семъ высшею идеею. Но рѣшительно стали защищать самоубійство Стоики; поелику они старались

побѣждать всякую склонность и смотрѣть съ уваженіемъ на самоубійство, въ которомъ отражается гордость и неповиновеніе человѣка предъ Богомъ и подобными ему людьми. (*Аррианъ* dissertatt. Epicteti lib. IV, во многихъ мѣстахъ). *Антонинъ, Тацитъ* и прежде ихъ *Сенека* говорятъ о семъ предметѣ опредѣленно; но послѣдній изъ нихъ иногда, противорѣча самому себѣ, говоритъ въ пользу испины (bono viro vivendum est, non quamdiu *juvat*, sed quamdiu *oportet*. Vita, dum superest, bona est; hanc mihi, vel acuta si sedeam cruce, sustine. Epist. 101 и 104.) *Цицеронъ* колеблется то на ту, то на другую сторону; но наконецъ и онъ соглашается съ мнѣніемъ, что эту жизнь можно оставить, какъ театральное зрѣлище (de fin. III. 18.). Въ новѣйшія времена *Робекъ* (exercitat. philos. de morte voluntaria. Rintel 1736. exercit secunda, Marburgi 1752. 4.) собралъ изъ древнихъ классиковъ всѣ причины, чтобы оправдать самоубійство; *Руссо*, въ своихъ достопримѣчательныхъ письмахъ, частію взвѣшиваетъ доводы *законности* и *противъ* законности сего поступка, и съ одной стороны смотритъ на смертоубійство, какъ на освобожденіе отъ скорбей жизни, а съ другой, сравниваетъ его съ глупостію лѣнивца, поджигающаго свой домъ, затѣмъ чтобы не убирать его. *Кантъ* (Tugendlehre S. 73.) и *Фихте* (Sittenlehre S. 356.), основываясь на началахъ мудрыхъ и справедливыхъ, объявляютъ самоубійство злодѣяніемъ и униженіемъ человѣка.

Напротивъ, другіе моралисты считали его позволительнымъ; на томъ основаніи, что все, прекрасное въ трагедіи, должно быть допускаемо и въ жизни дѣйствительной; во многихъ случаяхъ они щитали его поступкомъ невиннымъ, а въ нѣкоторыхъ даже обязанностію. По слабости, свойственной человѣку, нерѣдко и самъ мудрецъ падаетъ въ борьбѣ съ жестокою судьбою; помня это, мы должны жалѣть о каждомъ самоубійцѣ, какъ о несчастномъ, который насильно прервалъ нить своей жизни, можетъ быть, по естественному расположенію къ унынію и отвращенію къ жизни (Voltaire, Dictionnaire philosophique, въ сл. Caton), можетъ быть отъ разстроеннаго тѣлосложенія (*Bischoffs* Darstellung der Gallschen Schädellehre. Berlin, 1805, S. 56,), или наконецъ, можетъ быть, въ болѣзненномъ состояніи души и въ пылу разгорѣченнаго воображенія (*Elpizons* Freunde. Leipzig, 1808. S. 282 ff.). — Но при опредѣленіи нравственнаго достоинства какого нибудь свободнаго дѣйствія, не состраданіе и чувство должны рѣшать дѣло, а голосъ обязанности и точный взглядъ на наше назначеніе и нравственный порядокъ вещей, въ которомъ мы поставлены Провидѣніемъ. Тщетно нѣкоторые хотятъ извинить самоубійство тѣмъ, что причиною его, по ихъ словамъ, есть перевѣсъ чувственныхъ впечатлѣній надъ волею. Такіе примѣры есть у *Сегюра* въ его сочиненіи, исполненномъ картинъ величайшаго бѣдствія (Histoire

de Napoléon et de la grande armée. Troisiéme cdition. Paris, 1825, t. II, p. 472). Во время отступленія Маршала Нея при Ковно у одного Нѣмецкаго Полковника оторвало ногу Русскимъ ядромъ упавши, онъ взялъ пистолетъ и застрѣлился. Этотъ поступокъ совершенно понятенъ по связи всѣхъ обстоятельствъ; но несчастливецъ, о коемъ здѣсь говорится, могъ бы показать гораздо больше присутствія духа, если бы не захотѣлъ застрѣлиться. И такъ поступокъ все таки подлежитъ закону обязанности и суду по сему закону. Конечно, мы не можемъ опредѣлить въ какой степени поступокъ его обдуманъ и свободенъ; ибо самъ только дѣйствующій можетъ сознавать степень вмѣняемости своего поступка, и Богъ судитъ его по сему сознанію. Но такъ какъ онъ мыслилъ и дѣйствовалъ свободно, то и поспѣшная рѣшимость его не простительна; онъ самъ сознался бы въ томъ, если бы не дали ему исполнить его намѣренія и тѣмъ бы спасли его. Посему, при обсуживаніи нравственнаго достоинства сего поступка, мы должны помнить твердо отношеніе свободнаго дѣйствія къ закону; ибо, выставляя на видъ причины, побуждающія кого либо къ извѣстному дѣйствію, о которыхъ мы сами можемъ имѣть только одностороннее, эмпирическое понятіе, мы можемъ сдѣлаться защитниками всѣхъ грѣховъ, покровителями безнравственности. На семъ основаніи, мы сдѣлаемъ слѣдующія заключенія.

1) Всякое умышленное самоубійство *противно нашей природѣ*, потому что оно не согласно съ стремленіемъ къ самосохраненію, внушеннымъ человѣку самимъ его Творцомъ. Ни какое животное не умерщвляетъ само себя, даже при жесточайшемъ страданіи, хотя нѣкоторыя наблюденія заставляютъ усомниться въ этомъ (Osiander a. a. O. S. 172f.); какъ напримѣръ, по словамъ одного неизвѣстнаго писателя (Tableau général de la Russie moderne. Nouvelle edition. Paris, 1807, t. II, p. 106), олень, въ случаѣ нападенія на него россомахи, которая съ дерева бросается ему на спину и царапаетъ глаза, бьетъ себя головою съ набѣгу о ближайшее дерево до толѣ, пока не убьется до смерти; но и этотъ примѣръ показываетъ больше конвульсивное сопротивленіе боли и отчаянное защищеніе, нежели самоубійство. Ибо другія животныя ласкали своихъ щенковъ, которыхъ вырѣзали у нихъ изъ утробы, и такимъ образомъ со стономъ и воемъ, по инстинкту, оказывали еще материнскую любовь. Но въ человѣкѣ это инстинктообразное побужденіе къ самосохраненію есть не только нѣчто постоянное, и потому уже обязывающее его препобѣждать чувствованіе проходящаго страданія, но сверхъ того, переходя въ сознаніе, соединяется съ любовію къ нашей высшей духовной жизни и всему нашему бытію, какъ источнику нашего совершенства и счастія. Благоразумному человѣку

должны быть священны всѣ основные, существенные дары его природы; слѣдовательно и посему уже онъ долженъ считать унизительнымъ для себя самовольно выходить изъ круга живыхъ.

2) Самоубійца поступаетъ противно *благоразумію и разсудку;* поелику онъ, подобно человѣку сердитому, или боязливому, подвергаетъ себя навсегда гораздо большему злу, вмѣсто того, чтобы перенесть меньшее, или еще только воображаемое несчастіе. Жизнь, хотя бы она была самою бѣдственною, всегда лучше небытія и, при постоянной измѣнчивости обстоятельствъ, во время самыхъ-то жестокихъ страданій и должно ожидать себѣ радостной, свѣтлой будущности. Почти всѣ тѣ, кои въ отчаяніи хотѣли лишить себя жизни, но другими были отъ того удержаны, въ послѣдствіи времени раскаявались въ своемъ необдуманномъ намѣреніи, стыдились своего недостойнаго предпріятія и даже порицали оное. Древній поэтъ въ одномъ прекрасномъ мѣстѣ говоритъ, что самоубійцамъ и послѣ смерти свойственно желаніе снова увидѣть свѣтъ и терпѣливо сноситъ самую жестокую судьбу (quam vellent aethere in alto pauperiem durosque perferre labores! Virg. Aeneid VI, 435). Но такого поступка, который всегда память нашу предаетъ позору и сопровождаетъ тщетнымъ раскаяніемъ, отнюдь нельзя, не только защищать, но и извинять.

3) Поступокъ самоубійцы *противенъ справедливости*, потому что имъ нарушаются права отечества и вообще всего рода человѣческаго надъ умерщвляющимъ себя. Сему поступку или предшествуетъ какое нибудь преступленіе, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, всякой обязанъ подвергнуть себя законнымъ слѣдствіямъ своего преступленія, долженъ заплатишь свой долгъ, потерпѣть наказаніе, примириться съ закономъ и, если можно, стараться возвратишь себѣ честь гражданина. Напротивъ, въ послѣднемъ случаѣ, отцы, супруги, дѣти, друзья, самое государство въ правѣ требовать отъ всякаго благодарности, защиты, услугъ и надлежащаго употребленія его дарованій и силъ. Сія обязанность основывается на ясныхъ договорахъ съ сими человѣческими обществами и на долгѣ признательности къ нимъ за оказанныя благодѣянія, которыя часто не могутъ быть вознаграждены въ продолженіе цѣлой жизни. Вотъ почему въ древнія и новѣйшія времена въ образованныхъ государствахъ законодательство было строго въ отношеніи къ самоубійцамъ. Въ Римѣ, Тарквиній Гордый велѣлъ прибивать на крестахъ трупы самоубійцъ; удавившихся не погребали и оставляли повѣшенными на тѣхъ веревкахъ, коими они удавились (*Parentabatur suspensis oscillis*); а имѣніе всякаго самоубійцы обыкновенно поступало въ казну (*Wetstein* къ Матѳ. XXVIII, 5) Древнее каноническое право повелѣвало самоубійцъ зарывать въ зем-

лю не отпѣтыми и запрещало молишься за нихъ. Положительное право Пруссіи запрещаетъ погребать ихъ съ обыкновенною честію и наказываетъ смирительнымъ домомъ участниковъ въ семъ преступленіи (Th. II. T. t. 20, § 834). Даже Гуронцы не даютъ мѣста трупамъ самоубійцъ на своихъ кладбищахъ и не поминаютъ ихъ на ежегодныхъ празднествахъ въ честь усопшихъ (*Charlevoix* voyage dans l' Amérique septentrionale, t. III, p. 376. S.). Эта строгость вездѣ сохраняется, какъ опытомъ дознанное спасительное средство прошивъ покушеній на самоубійство; ибо худая или хорошая слава въ потомствѣ дѣйствуетъ весьма сильно на человѣка необразованнаго; а съ другой стороны есть довольно примѣровъ, что люди рѣшаются на самоубійство только тогда, когда они уже увѣрены въ сострадательности общества и надѣются получить честное погребеніе. Но приговоръ поступку, самыми законами почитаемому за тяжкое преступленіе, заключается уже въ общемъ голосѣ народа.

4) Посему самоубійство *противно нравственности* и *долгу*. Въ самомъ дѣлѣ, если подъ именемъ долга мы будемъ разумѣть необходимость дѣйствовать въ той сферѣ, которая назначена для разумной нашей дѣятельности; то безъ сомнѣнія эта сфера прежде всего представляется намъ въ здѣшнемъ мірѣ, поелику мы всегда находимъ въ немъ множество занятій, если хотимъ преуспѣвать въ нравственномъ

совершенствѣ. Самоубійца же, не только выходитъ изъ настоящаго круга дѣйствія, но лишаетъ свой разумъ всякой возможности обуздывать чувственныя свои склонности, разрушая свое тѣло, съ которымъ онѣ неразлучны. Слѣдовательно онъ дѣлаетъ для себя невозможнымъ исполненіе сего долга; вмѣсто того, чтобы заниматься данною ему урочною работою, онъ отнимаетъ у себя органъ своей внѣшней дѣятельности и подаетъ счетъ за свою жизнь прежде надлежащаго конца оной. Но кто умышленно уничтожаетъ условіе, безъ котораго нельзя ему исполнить своей обязанности, подъ непризнаніемъ надъ собою и самаго закона нравственнаго; тотъ преступаетъ предѣлы премудраго порядка, назначеннаго его дѣятельности десницею Вышняго.

5) По началамъ естественнаго Богословія, самоубійство должно считать *противнымъ Религіи*. Кто голосъ своей совѣсти считаетъ заповѣдію Бога; тотъ долженъ оставаться въ кругу своего дѣйствія дотолѣ, пока не будетъ воззванъ изъ него Верховнымъ Повелителемъ судьбы его. Еще Сократъ, въ книгѣ Платона *Федонъ*, учитъ: «Мы принадлежимъ не себѣ самимъ, но благому Владыкѣ (Δεσπότης ἀγαθὸς); онъ поставилъ насъ въ этомъ мірѣ на приличномъ мѣстѣ (φρουρά), коего мы не должны оставлять; слѣдовательно кто лишаетъ самаго себя жизни, того можно сравнить съ невѣрнымъ рабомъ, который убѣгаетъ отъ своего

господина, не смотря на то, что не можетъ избавиться отъ его наказанія.» Сципіонъ Африканскій обращается къ одному изъ потомковъ своихъ съ слѣдующими словами: кого Самъ Богъ не освободитъ изъ сей тѣлесной темницы, тотъ не найдетъ пути къ симъ горнимъ святынямъ (*Цицер.* Somn. Scip. c. III.). Всѣ народы, не слишкомъ изнѣженные, или упончившіеся въ мудрости мірской, смотрятъ на самоубійство какъ на дурной поступокъ, достойный сожалѣнія.

6) Во всякомъ случаѣ самоубійство *противно Христіанскому ученію* и отнюдь не согласно съ духомъ онаго. Если мы видимъ въ Ветхомъ Завѣтѣ примѣры самоубійства въ Ахитофелѣ (2 Царст. XVII, 23.) и Саулѣ (1 Цар. XXXI. 5.); если видимъ, что Іовъ проситъ себѣ у Бога смерти (III. 3 слѣд.): то сіе показываетъ только отступленіе отъ закона Моисеева (Исх. XX, 13). Также и въ Новомъ Завѣтѣ мы видимъ, что удавившемуся Іудѣ опредѣлено особое мѣсто, т. е. мрачное сѣдалище въ преисподней (ἅδης σκοτιώτερος — Дѣян. I. 25. Іоан. XIII. 27.). Всякой изъ насъ принадлежитъ не самому себѣ, но Богу; жизнь наша есть даръ Божій, и продолженіе ея точно опредѣлено; мы не можемъ располагать ею, какъ своею собственностію, потому что она только ввѣрена намъ; но должны ожидать того времени, въ которое Богу угодно будетъ прекратить ее; короче — жизнь и смерть наша состоятъ

въ волѣ Божіей. Но если Владыка міра хранитъ земное наше существованіе, не смотря на то, что всегда могъ бы прекратить оное; то очевидно, что по волѣ Его мы должны жить и дѣйствовать подобно Ему. Слѣдовательно, кто лишаетъ себя жизни, тотъ показываетъ симъ недовѣрчивость къ премудрости и благости Божіей, разрываетъ святой союзъ повиновенія и любви къ Творцу своему, и тѣмъ уничтожаетъ съ Нимъ единеніе, составляющее сущность истинной Религіи.

Crusius, Moraltheologie, Th. II. S. 106. f.
Phaedon von *Mendelssohn.* Fünfte Ausgabe. Berlin, 1814, S. 64. f.

Platners, Philosophische Aphorismen B. II, § 1001.

De Wette's, Vorlesungen über die Sittenlehre. Berlin, 1824, Th. II, S. 298. ff.

§ 4.

Посредственное самоубійство.

Посредственное самоубійство можетъ происходить отъ *поединка, безразсудной отважности, самоискаженія* и *неумѣренности.*

Поединкомъ называется бой двухъ человѣкъ, изъ коихъ одинъ защищаетъ

оскорбленную честь свою, съ тѣмъ, чтобы убить своего противника, или умереть самому. Поединокъ бываетъ или отъ имени цѣлыхъ народовъ и обществъ, или для удовлетворенія личной обиды. Въ томъ и другомъ случаѣ, онъ находилъ многихъ защитниковъ; но если судить безпристрастно, то онъ есть дѣйствіе, само по себѣ *суевѣрное, противное разуму, справедливости, выгодамъ и нравственности,* — дѣйствіе, естественно сопровождающееся убійствомъ или другаго, или себя самаго.

И во первыхъ, *въ поединкѣ* собственная жизнь подвергается опасности. Въ различныя времена у разныхъ народовъ различно смотрѣли на поединки. У самыхъ древнихъ народовъ были обыкновенія поединковъ, что доказывается многими примѣрами, собранными *Амеліемъ* (Memorial. c. XXII.), изъ коихъ извѣстнѣйшіе суть: примѣръ Париса и Менелая, Аякса и Гектора, по описанію Гомера; примѣръ Гораціевъ и Куріацієвъ, описанный Ливіемъ (Lib. I, cp. VIII, 10.) Также были примѣры поединковъ между частными лицами, какъ напримѣръ между Корацомъ и Діокситомъ (Diod. Sic. XVIII. 100.) и Римскими

гладіаторами. Но въ томъ и другомъ случаѣ сражались не за себя, или не за оскорбленіе чести, а съ тою цѣлію, чтобы окончить распрю между цѣлыми народами, или показать храбрость. Въ строгомъ смыслѣ нельзя оправдывать и такого вызова, и если бы надлежало рѣшить дѣло двухъ противныхъ сторонъ не войскомъ, а какимъ либо посредничествомъ; то благоразуміе требовало бы предоставить его другимъ постороннимъ лицамъ и такимъ образомъ окончить распрю обоихъ народовъ. Но кто былъ вызываемъ къ подобному бою, долженствовавшему прекратить цѣлую войну, тотъ, какъ воинъ, не могъ отъ него отказываться; онъ въ такомъ случаѣ не нарушалъ обязанности къ самому себѣ, но еще способствовалъ къ отвращенію большаго зла, которое послѣдовало бы отъ войны; слѣдственно, поступка его вообще нельзя назвать поединкомъ въ такомъ смыслѣ, какъ мы его здѣсь принимаемъ. И такъ къ полному понятію о поединкѣ надлежитъ прибавить слѣдующее: 1) *Предметъ сраженія* здѣсь всегда составляетъ *дѣло касающееся чести,* или личная обида, къ удовлетворенію которой считаютъ недостаточными мѣры правительства. Низшіе классы и всѣ вообще умные люди никогда не знаютъ поединковъ; они обыкновенно бываютъ между молодыми умниками, офицерами, дворянами и лицами высшаго круга, которые, кромѣ чести, происходящей отъ исполненія долга и закона,

полагаютъ еще другую честь въ томъ мнѣніи, которое между ними образовалось. Слѣдовательно, чѣмъ щекотливѣе въ какомъ нибудь классѣ понятія о чести, и чѣмъ больше благопріятствуетъ духъ народный и государственное устройство къ ея раздражительности, тѣмъ чаще могутъ быть поединки. Японцы, древніе Германцы и Кельты, по одному опасенію быть уличенными въ несправедливости (donner un démenti), вызывали на поединокъ. 2) *Орудіемъ поединка* всегда бываетъ какое нибудь *воинское оружіе.* Драки ремесленниковъ, бои фабричныхъ и другія подобныя ссшибки не могутъ быть названы поединками, не смотря на то, что здѣсь употребляются какія нибудь смертоносныя орудія и опасность можетъ быть велика. Наконецъ 3) *цѣль поединка* не заключается въ примиреніи противниковъ, или въ возобновленіи согласія между ними, хотя оно иногда случайно и слѣдуетъ за поединкомъ; ибо посредникамъ иногда удается примирить ихъ до сраженія, а иногда они не примиряются и послѣ онаго; весьма часто раненый или ранившій остается недоволенъ первымъ удовлетвореніемъ и вызываетъ противника на новый поединокъ; поелику думаетъ, что одна только смерть противника можетъ загладить нанесенную ему обиду. По сему цѣль поединка заключается только въ *низложеніи и уничтоженіи противника.* У Японцевъ сперва умерщвляетъ себя тотъ, кто

вызываетъ другаго на поединокъ, а потомъ уже долженъ умереть и вызванный, дабы доставить *полное удовлетвореніе* оскорбленному противнику (Voyages au Nord, tom. IV, p. 35 ff.) Этотъ судъ такъ странень и не понятенъ, что не удивительно, если мы не находимъ примѣра подобнаго удовлетворенія ни у Грековъ, ни у Римлянъ, которые впрочемъ имѣли очень утонченныя понятія о чести и храбрости. Въ Южной Америкѣ Испанцы вывели у себя это обыкновеніе (*Dupon*, Voyage dans l' Amérique méridionale. Paris, 1806, t. II, p. 218); а въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, кто захочетъ рѣшить поединкомъ какое либо дѣло, касающееся до чести, того почитаютъ за сумасброда и отдаютъ подъ законную опеку. Напротивъ у Французовъ, отличающихся національною раздражительностію касательно чести, поединки съ давнихъ временъ случались часто и донынѣ почитаются еще остаткомъ Нѣмецкой грубости (un reste de notre antique férocité germanique — какъ называетъ ихъ *Soulavie* въ Mémoires du maréchal duc de *Richelieu*. Paris, 1793, t. V, p. 30): храбрый рыцарь (Histoire du chevalier *Bayard*, Paris, 1807, t. II, p. 38 Sq) и простой солдатъ находятъ удовольствіе думать, что пятно, нанесенное чести, смывается только кровью противника; даже нерѣдко ссора начальниковъ имѣла слѣдствіемъ поединки цѣлыхъ полковъ, или по крайней мѣрѣ цѣлыхъ отрядовъ и партій (Histoire de la révolution fransçaise de 1789, par

deux amis de la liberté. Paris, 1792, t. VI, p. 244 sq.). Такимъ образомъ при Людовикѣ XII насмѣшка одного Французскаго офицера надъ храбростью Итальянцевъ, была причиною Барлетскаго поединка: по пятнадцати человѣкъ конныхъ со стороны Французовъ и Итальянцевъ сражались, и первые побѣждены были *и* послѣдними (*Roscoe* vie et pontificat de Leon X trad. par Herry. Paris, 1808 t. II, p. 5, sq.). Такъ при Наполеонѣ, на Испанскомъ островѣ Кабрерѣ, плѣнные Французы, желая загладить свой стыдъ, по недостатку другаго оружія, дрались гвоздями, ножницами, ножиками и бритвами, прикрѣпивъ ихъ на длинныхъ рукоятках (Mémoires de *Guillemard*, sergent en retraite. Paris, 1825, t. I, p. 152 s.). Въ Германіи мы также видимъ подобные примѣры союзныхъ боевъ, на которые должны смотрѣть, какъ на частные поединки. Что касается до сихъ послѣднихъ, о коихъ собственно мы говоримъ здѣсь, то и они, какъ всѣ вообще безразсудные поступки, нерѣдко были *защищаемы*, хотя и безъ основанія. Одному человѣку, говорятъ нѣкоторые, невозможно пренебрегать мнѣніемъ того класса, къ коему онъ принадлежитъ; нельзя отказаться отъ поединка, какъ этого требуютъ законы; поелику онъ нравственно не свободенъ въ семъ случаѣ, и долженъ дѣлать то, чего не можетъ не дѣлать въ своемъ положеніи. Съ другой стороны, боязнь вызова можетъ удержать въ спасительь-

ныхъ предѣлахъ человѣка злорѣчиваго и буйнаго. Но сіи причины отнюдь *не доказываютъ*, что поединки нравственно позволительны. Только человѣкъ слабый и безхарактерный можетъ безусловно предаваться заблужденіямъ, господствующимъ въ томъ классѣ, къ коему онъ принадлежитъ; а всякій другъ истинной свободы, слѣдственно другъ долга и чести, будетъ смотрѣть на нихъ съ презрѣніемъ и вооружаться противу нихъ всею силою воли. Самое мужество, оказываемое въ поединкѣ, сколь же отлично отъ мужества передъ непріятелемъ, какъ безразсудная отвага отъ истинной храбрости. По словамъ одного опытнаго воина, большая часть неугомонныхъ людей показываютъ себя въ сраженіи очень обыкновенными, даже не храбрыми (*Bellona*, Leipzig, 1802, B. I. St. 2. S. 214.). Но пусть они и храбрѣе людей обыкновенныхъ; отсюда не слѣдуетъ, что можно допустить поединки. Хорошій надзоръ со стороны правительства и надлежащее отправленіе правосудія можетъ несравненно сильнѣе дѣйствовать на надменность сварливыхъ, нежели поединки; потому что отъ поединковъ рождается новое состояніе беззаконности, самоуправство, которое гораздо опаснѣе необузданности языка. Сообразивъ все это, мы безпрепятственно можемъ приступить къ доказательству того, что поединки рѣшительно *безнравственны*.

1) Поединокъ есть суевѣрное дѣйствіе, кото-

рое передали намъ въ видѣ наслѣдства грубые предки. «Что мы, Римляне, говоритъ *Беллей*, «рѣшаемъ на основаніи законовъ, то варвары «рѣшаютъ оружіемъ; при спорахъ у нихъ нѣтъ «другаго судьи, кромѣ Марса.» (*Vell. Paterc.* l. II. c. 118 ep. Liv. XXVIII, 21). Правда, что христіанство уже давно спаралось уничтожить сіе постоянное обыкновеніе. Когда Карлъ Великій раздѣлилъ государство между своими сыновьями; то завѣщаніемъ, отъ 806 года, онъ запретилъ поединками рѣшать встрѣчающіяся тяжбы, и вмѣсто нихъ ввелъ въ употребленіе крестъ; тяжущіеся должны были въ торговые дни крестообразно поднимать руки вверхъ, и кто долѣе оставался въ такомъ положеніи, тотъ выигрывалъ дѣло (Le regne de Charlemagne par *Rougeron*. Paris, 1808, p. 248.). Хотя это средство было безвреднѣе, но едва ли благоразумнѣе; по крайней мѣрѣ страсть къ турнирамъ и рыцарству вскорѣ снова одержала верхъ и даже поединки были признаны законными: съ побѣжденнымъ обходились какъ съ злодѣемъ и умерщвляли его. Но и тогда какъ судопроизводство было уже совершенно, поединки во Франціи были въ такомъ употребленіи, что при одномъ Генрихѣ IV семь тысячъ дворянъ лишились жизни на поединкахъ. Посему Тридентинскій Соборъ опредѣлилъ за сей поступокъ отлученіе отъ Церкви (Sess. XXV. decr. 19.), а Лудвигъ XIV смертную казнь. Тогда поединки тайные, бывавшіе въ кустахъ

или просто въ комнатахъ (combattre à la mazza), заступили мѣсто открытыхъ и они, къ стыду нашему, какъ дѣла мрака, существуютъ и понынѣ. Посему нѣтъ сомнѣнія, что поединокъ есть постыдный остатокъ древняго суевѣрія; онъ столь же безсмысленъ и столь же не достоинъ временъ, почитающихъ себя просвѣщенными, какъ и ордаліи, испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ, пытка на крестѣ и изгнаніе злыхъ духовъ, или сожженіе колдуновъ. *Кто изъ благомыслящихъ унизитъ себя до того, что собственнымъ примѣромъ станетъ поддерживать сей предразсудокъ?*

2) Правило, возстановлять свою оскорбленную честь поединкомъ, есть одно изъ самыхъ *неблагоразумныхъ*. По законамъ разума, обиженный долженъ быть объявленъ невиннымъ и вознагражденъ; а оскорбитель принужденъ къ удовлетворенію и наказанъ; это есть единственное средство возстановить нарушенное нравственное равновѣсіе: но сихъ цѣлей никакъ нельзя достигнуть посредствомъ поединковъ. Ибо

а. Ни какой благоразумный человѣкъ не признаетъ невиннымъ обиженнаго, ежели онъ по желанію своему ранитъ, или лишитъ жизни своего оскорбителя. Честь и невинность основываются не на крѣпости руки, или искусствѣ сражаться, а на началахъ и дѣйствіяхъ здраваго разсудка. Напротивъ, обиженный, рѣшающійся биться, виновенъ передъ Богомъ, людь-

ми и собственною своею совѣстію. И потому, кто разсуждаетъ такъ: «поелику меня обидѣли безвинно, то я долженъ защитить свою невинность кровавою виною;» тотъ судитъ не какъ человѣкъ, который долженъ возноситься надъ слѣпыми побужденіями природы, а какъ тигръ, или другой злобный звѣрь.

b. Еще не извѣстно, кто останется на мѣстѣ битвы, обиженный, или обидчикъ. Часто, очень часто побѣждаетъ оскорбитель и удовлетвореніе обиженнаго состоитъ въ боли, или новомъ стыдѣ. Но ежели оскорбитель, будучи хорошимъ бойцемъ, убиваетъ невиннаго, имъ обиженнаго; то стоитъ только ему убить еще другаго и трепьяго, сомнѣвающагося въ справедливости своего дѣла, чтобъ доказать предъ цѣлымъ свѣтомъ, что онъ самый невинный человѣкъ. Такимъ образомъ при Людвигѣ XIII былъ убитъ однимъ злодѣемъ Маршалъ Д'Анкръ; единственный его сынъ вызвалъ убійцу на поединокъ и палъ самъ. (Vie de Marie de Medici, Paris, 1774, t. I, p. 377. S.) Подобное заключеніе противно правиламъ благоразумія. *Въ правилахъ тѣхъ, которые рѣшаются на поединокъ, нѣтъ и слѣда благоразумія.*

3. Поединокъ есть *несправедливое* дѣйствіе, попрясающее союзъ общества въ самомъ его основаніи. Каждый членъ сего общества долженъ воздерживаться отъ самоуправства, исключая случаевъ, въ которыхъ принуждаетъ его къ тому необходимость. Въ дѣлахъ, касающихся

до чести, никто не долженъ быть судьею собственнымъ, а тѣмъ менѣе произносить такой приговоръ, слѣдствіемъ котораго можетъ быть убійство. Въ благоустроенномъ государствѣ никто изъ подданныхъ не можетъ и не долженъ присвоять себѣ и тѣни верховной власти.

4. Поединокъ есть также дѣйствіе не благоразумное, потому что вредъ отъ него несравненно превосходитъ видимую пользу. Съ одной стороны онъ, можетъ быть, удовлетворяетъ желанію мести и доставляетъ кратковременную славу одинакомыслящимъ забіякамъ; съ другой же онъ угрожаетъ смертію, обезображеніемъ, или увѣчьемъ тѣла, разрывомъ дружбы, часто прокляпіемъ родителей и родственниковъ, наказаніемъ со стороны правительства, бѣгствомъ, ссылкою, безпокойствомъ совѣсти и нерѣдко потерею счастливой жизни. Кто рѣшается биться за такову цѣну, тотъ долженъ отречься отъ благоразумной и спокойной жизни и не думать о своемъ назначеніи и благополучіи.

5. Наконецъ поединокъ столь же *безнравственъ, безбоженъ*, какъ вспышка мести и самоуправства; онъ увѣковѣчиваетъ вражду и превращаетъ ее въ смертельную ненависть; препятствуетъ распространенію чистыхъ и справедливыхъ понятій о чести и личномъ достоинствѣ; подавляетъ права слабаго и надменному гладіатору подаетъ пальму невинности. Христіанское ученіе совершенно противно поединкамъ.

Сіи доказательства издавна имѣли рѣшитель-

ное вліяніе на людей добродушныхъ. Такимъ образомъ въ Парижѣ, въ Троицынъ день, въ 1651 году, составилось общество истинно благородныхъ офицеровъ, и въ домовой Семинарской церкви Св. Сульпиція, представило одной духовной особѣ бумагу, въ которой, собственноручною подписью, торжественно отказывалось отъ поединковъ всякаго рода. (Bausset vie de Fénélon Paris, 1808, t. I, p. 9, S. 505. S.) *Вольтеръ* и *Генингсъ* публично отказались отъ вызова на поединокъ, и тѣмъ пристыдили своихъ противниковъ. Также и въ Университетахъ нерѣдко случаются подобные примѣры, такъ что если только сами свидѣтели и судьи не будутъ тайно покровительствовать сему безчинству, то можно надѣяться, что въ государствахъ, управляемыхъ мудро и правосудно, поединки со временемъ совершенно прекратятся.

Voltaire, des duels, въ своемъ Essai sur les moeurs et l'esprit des nationes, chap. C. Rousseau, Nouvelle Heloise, lettre LVII. Oeuvres de Louis XIV. Paris, 1806, t. I, p. 12. S.

Meiners, historisches Magasin, Th. III. S. 10. 91. S. Grotius de Jure pacis et belli, t. II, C. I. De *Wette's*, Vorlesungen über die Sittenlehre, t. II, 25. 295. S.

§ 5.

О дерзости и искаженіи тѣла.

Родъ посредственнаго самоубійства

есть также *дерзость*, которая безъ нужды подвергаетъ жизнь опасности, и искаженіе тѣла, предпринимаемое не съ намѣреніемъ спасти жизнь, а по малодушію, сумазбродству, народнымъ обыкновеніямъ и ложной набожности. *Дерзость* достойна презрѣнія по легкомыслію, любопытству и суетности; а *искаженіе тѣла*, кромѣ нечистоты побужденій, по нарушенію той тѣсной связи, въ которой находятся органы тѣла между собою. Оба же сіи качества безнравственны, потому что достоинство жизни не находится ни въ какомъ отношеніи съ цѣлію сихъ поступковъ, и слѣдовательно въ самомъ удачномъ случаѣ, они не могутъ быть не названы глупыми.

Дерзость есть несчастное порожденіе храбрости и отважности, и состоитъ въ томъ, когда подвергаютъ жизнь опасности безъ всякой нужды и долга. Тотъ не дерзокъ, а храбръ и смѣлъ, кто а) подвергается опасности по *долгу*. Лекарь и священникъ часто видятъ смерть вблизи и подвергаютъ жизнь свою опасности по должности. b) Не дерзокъ тотъ, кто вдается въ опасность для избѣжанія опасности

гораздо большей. Тотъ не дерзокъ, а великодушенъ, кто бросается въ огонь и воду для спасенія несчастнаго, доколѣ то возможно. Древніе тому примѣры смотри въ древней Римской Исторіи проскрипцій (опалъ) въ *Фрейгеймовыхъ* Supplem. ad Livii l. CXX, c. 76, и новѣйшіе, въ Синшеннсовомъ Елпизонѣ, t. II, p. 163. c) Даже презрѣніе опасностей для споспѣшествованія хорошимъ и полезнымъ цѣлямъ не всегда можно назвать дерзостью. Такимъ образомъ геологъ спускается въ глубокія лощины и пропасти; археологъ взбирается на обелиски и пирамиды; географъ проникаетъ въ неизвѣстныя страны; смѣлый врачъ прививаетъ себѣ заразительную болѣзнь, для испытанія цѣлебнаго свойства лекарства. Такимъ образомъ молодой Сейдлицъ, въ виду своего Короля, для сдержанія честнаго слова и исполненія своего долга, бросился съ Бердинскаго моста на лошади въ Шпре. Тогда только можно укорить насъ въ дерзости, когда мы ищемъ опасностей по любопытству, легкомыслію, суетности и безразсудности. Напримѣръ, когда дикій охотникъ перепрыгиваетъ углубленія и пропасти; когда искатель приключеній безъ плана и намѣренія взбирается на опасныя развалины; когда купающійся бросается въ глубину быстрой рѣки, гдѣ и самое искуство плаванія не можетъ спасти отъ внезапныхъ судорогъ. Если всѣ сіи дѣйствія не удаются; то потерпѣвшій неудачу не освобождается отъ упрека въ посредственномъ

самоубійствѣ; потому что нѣтъ никакого отношенія между тою цѣлію, къ которой онъ стремился безъ нравственной для себя выгоды, и между весьма вѣроятною потерею жизни. Чрезъ сіе онъ изъявляетъ безразсудное неуваженіе къ тому небесному дару, который ввѣренъ ему для нравственнаго усовершенствованія самаго себя.

Сюда должно отнести также искаженіе тѣла посредствомъ потери и обезображенія какого либо члена, который принадлежитъ къ сохраненію, или украшенію человѣческаго вида. Это часто случалось у Римлянъ по малодушію, для избѣжанія военной службы (Sacramenti detrectandi causa), и за сіе виновный наказываемъ былъ безчестіемъ и лишеніемъ гражданской свободы. Дикіе народы прокалываютъ себѣ носъ, или отрѣзываютъ пальцы для того, чтобы явишься достойными членами своей касты.

Michaelis, Moral., Th. I. S. 325.

Voltaire, Dictionaire philosophique, при словѣ *inoculation*. *Chénier*, Recherches Historiques sur les Maures. Paris, 1787, t. III, p. 182. S.

§ 6.

Предостерегательныя правила противъ самоубійства.

Неуваженіе къ жизни, отъ кото-

раго только шагъ до самоубійства, указываетъ всегда на недосмотки государственнаго устройства, воспитанія и нравственнаго образованія, и посему заранѣе должно быть уничтожаемо внушеніемъ религіозныхъ правилъ. Въ предотвращеніе этого, можно совѣтовать почаще размышлять о достоинствѣ жизни, стараться о сохраненіи чистой совѣсти, быть внимательнымъ къ нравственной пользѣ, проистекающей отъ несчастій, имѣть рѣшимость ничего не оставлять на случай тамъ, гдѣ мы сами въ состояніи управлять имъ, и скорѣе побѣждать первое ощущеніе, что мы наскучили жизнію.

Покушенія на самоубійство исполняются обыкновенно тогда, когда они давно уже родились въ душѣ и были питаемы и поддерживаемы. Посему благоразуміе и мудрость требуютъ вооружаться противъ нихъ заранѣе; ибо мы рѣдко встрѣчаемъ человѣка, столь счастливаго, который бы иногда не былъ не доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ. Посему каждый

1) Долженъ смотрѣть на жизнь свою, какъ

на очевидное доказательство управляющаго имъ Провидѣнія. Нашъ тѣлесный организмъ есть гармоническое дѣйствіе многоразличныхъ силъ, которыя одна только высшая сила и мудрость можетъ сохранять, направлять и соединять, для дальнѣйшаго продолженія нашей жизни. Каждое біеніе нашего сердца, каждое движеніе нашаго пульса зависятъ отъ вліянія высшей силы; малѣйшая перемѣна въ нашемъ сердцѣ, въ нашемъ мозгу, въ нашей нервной системѣ, могла бы положить конецъ нашему чувственному существованію. Но если премудрость Божія содѣйствуетъ поддержанію моей жизни; то она также должна принимать участіе въ судьбѣ моей. Кто даровалъ мнѣ жизнь, Тотъ конечно не откажетъ и въ необходимыхъ благахъ. Я не могу прекратить жизни моей, не сдѣлавшись неблагодарнымъ и злодѣемъ.

2) Каждый долженъ стараться, чтобы на совѣсти его не лежалъ упрекъ въ несправедливости. Однѣ тѣлесныя болѣзни и внѣшнія несчастія не въ состояніи сокрушить человѣка; если совѣсть его чиста, то онъ всегда еще имѣетъ столько силы и мужества, что можетъ противостоять ударамъ судьбы. Но если своими поступками онъ удаляется отъ Бога; если чувствуетъ себя виновнымъ въ нарушеніи даннаго слова, или въ тайномъ преступленіи; если лучшія свои силы истощилъ онъ въ постыдномъ сластолюбіи: тогда овладѣваетъ имъ уныніе, подобно могучему врагу; тогда всякая

звѣзда будущности закатывается для ограниченнаго ума его; тогда въ душѣ его борются честолюбіе и слабость и доводятъ несчастнаго до отчаянія. Напротивъ, у кого сердце чисто, тому стоитъ только сдѣлать какое нибудь доброе дѣло, помочь бѣдному, другу, возвести взоръ къ небу, чтобы снова примириться съ судьбою. Только тотъ способенъ рѣшиться на самоубійство, кто сдѣлался нечувствительнымъ къ долгу и добродѣтели.

3) Столь же часто каждый долженъ размышлять о великой пользѣ для своего духа отъ несчастій и отъ переворотовъ судьбы. Ежели бы ты былъ созданъ только для наслажденія внѣшнимъ міромъ; то конечно больно было бы тебѣ провесть въ горести юношескія твои лѣта, отказаться отъ удовольствій и, при твоей слабости, совершать и дѣйствовать немного. Но ты, какъ существо разумное, сотворенъ для нравственнаго усовершенствованія. Посему ты долженъ дорого цѣнить бѣдствіями и несчастіями: они отдѣляютъ тебя отъ чувственнаго міра, возвышаютъ твою внутреннюю свободу и открываютъ обширное поле для владычества добродѣтелей; они пробуждаютъ твое мужество, при мысли, что они соразмѣрны твоимъ силамъ и личности; они приближаютъ тебя къ небу. Несчастія улучшаютъ сердце и возбуждаютъ въ насъ упованіе на помощь Божію. Чувственное благосостояніе и нравственная

незрѣлость часто идутъ рука объ руку, между тѣмъ какъ человѣкъ лучшей нравственности страдаетъ и терпитъ, чтобы быть еще лучше и чрезъ то сдѣлаться достойнѣйшимъ непреходящей радости.

4) Каждый долженъ всегда стараться, *по возможности управлять случаемъ*, чтобы не пасть жертвою непредусмотрительности, или дерзости. Тысячи людей погибли отъ такого безразсудства и посредственно сдѣлались самоубійцами. Каждый благоразумный человѣкъ обязанъ предупреждать это безсмысліе. Самоувѣренность и неосторожность въ совѣтѣ военачальника, нерѣдко истребляли войска многочисленныя.

5) *Мужественно* и *рѣшительно* должно подавлять *уже первое отвращеніе къ жизни*. Никто не дѣлается въ одно мгновеніе или святымъ, или самоубійцею. Іовъ желалъ смерти (VII, 16), и, можетъ статься, нашелъ бы ее, если бы дружескія утѣшенія и Богъ не спасли его. Напротивъ, Апостолъ Павелъ возникающее въ себѣ желаніе ранней смерти отклоняетъ мыслію о своемъ долгѣ (Филипп. I, 23 слѣд.). Надобно жить и жить охотно, доколѣ то угодно Господу; смерть всегда приходитъ къ намъ гораздо скорѣе, нежели какъ мы предполагаемъ. Ежели Богъ посылаетъ смерть, то ожиданіе ея соединяется съ надеждою и упованіемъ (2, Тим. IV, 6, 7); но если кто самъ ускоряетъ приходъ ея, то ей всегда сопут-

спвуетъ спрахъ и ужасъ (Псал. 138, 7). И такъ всякой обязанъ уже первую мысль о прекращеніи жизни подавлять съ отвращеніемъ и ужасомъ, дабы вѣра и упованіе одержали побѣду и родили терпѣніе, которое лучше ложнаго величія души (Прит. XVI, 32).

Два *Лютеровы* утѣшительныя посланія къ сѣтующему военачальнику (Werke Th. X, S. 2050 ff. по Вальху); два поученія *Цолликофера* о достоинствѣ жизни и здоровья, въ его Predd. über die Würde des Menschen. Leipzig, 1784, B. I. S. 73, ff., о томъ, какъ недостойно человѣка оканчивать свои страданія добровольною смертію, см. *Ammons*, Religionsvorträgen über die wichtigsten Gegenstände der Glaubensund Sittenlehre. Erlangen, 1803, 2-te Ausg. B. I, S. 91, ff.

§ 7.

О воздержаніи.

Сохраненіе жизни *положительнымъ образомъ* зависитъ преимущественно отъ *воздержанія* и *упражненія* нашихъ *тѣлесныхъ силъ*. Воздержаніе, или умѣнье располагать жизненною силою, касательно нашего организма, состоитъ въ *трезвости*, *правильно распредѣленной дѣятельности* и въ

благоразумномъ управленіи половымъ влеченіемъ. Оно есть необходимое *условіе* нашего *совершенства,* нашей *добродѣтели* и нашего *счастія въ жизни.*

И такъ положительное ученіе объ обязанностяхъ къ самому себѣ, по отношенію къ жизни, внушаетъ слѣдующее: *не только сохраняй по возможности количество дарованныхъ тебѣ жизненныхъ силъ, но старайся также умножить его.* Этотъ законъ распространяется на два предмета, на *воздержаніе* и *тѣлесное упражненіе.* Конечно человѣкъ самъ по себѣ не можетъ продлить жизни своей; ибо въ высшемъ совѣтѣ опредѣлена ему только извѣстная мѣра дней, слѣдственно въ неизвѣстномъ ему порядкѣ будущаго уже непререкаемо назначена также его кончина; по крайней мѣрѣ онъ можетъ однако же сдѣлать это *относительно* къ своему чувству и своимъ надеждамъ, которымъ природа и самолюбіе положили слишкомъ отдаленные предѣлы, и со стороны сего-то личнаго взгляда на жизнь онъ совершенно обязанъ заботишься о самосохраненіи (Hufelands Kunst das menschliche Leben zu verlängern. Iena, 1805.). Сполъ важная въ семъ случаѣ добродѣтель, *воздержаніе,* можетъ быть принимаема двояко: во первыхъ вообще она можетъ означать благоразумное употребленіе всѣхъ на-

шихъ силъ (σωφρεσύνη), или искусство во всемъ, также и въ словахъ (γλώσσης κρατεῖν), по ученію Анахарсиса, *Diog. Laert.* I, 8, 5), знать мѣру и помнить о цѣли; во вторыхъ, въ особенномъ отношеніи къ чувственной жизни, она можетъ состоять въ *мудромъ распоряженіи нашими органическими силами* (temperantia), и о ней то исключительно мы будемъ говорить здѣсь. Ограничивъ такимъ образомъ понятіе воздержанія, мы относимъ къ нему:

1) *Трезвость,* или разумный порядокъ въ принятіи пищи и питія. Благоразумный употребляетъ ихъ,

а. *Столько, сколько нужно для подкрѣпленія жизненной его силы* и для дальнѣйшаго ея развитія. «Другіе люди, говоритъ Сократъ (Diogen. Laert, l. II, 5, 16), живутъ для того, чтобы ѣсть; а я ѣмъ для того, чтобы жить.» Очевидно, что нельзя для каждаго порознь назначить мѣры и времени для принятія пищи; ибо здѣсь многое зависитъ отъ климата, темперамента, возраста, званія и привычки. Потому общимъ правиломъ должно быть то, чтобы принятіе пищи, подобно воздуху и лекарствамъ, служило къ подкрѣпленію, а не къ подавленію и разстройству органическихъ силъ (ut reficiantur vires, non opprimantur. *Cicero,* de Senectute, c. XI.); а въ самомъ времени должно выше цѣнить законъ природы, нежели привычку къ позднимъ столамъ. Здоровому аппетиту гораздо большую отдастъ справедли-

восшь великій врачъ древности, нежели нравоучители оной. (Bis die potius, quam semel capere et semper quamplurimum prodest *sano*. *Celsus*, de medicina libr I, c. 1.). При эномъ принятіи пищи мудрый

b. Обращаетъ сперва вниманіе на *здоровость пищи* и потомъ на *вкусность оной*. Въ самомъ дѣлѣ, ни мало не странно принимашь въ уваженіе вкусность пищи; ибо для сего самаго человѣкъ получилъ тонкіе органы обоняшія и вкуса, и земля плашишъ ему дань всѣми своими плодами и произведеніями. И шакъ, безъ сомнѣнія смѣшна была предосторожность великаго Паскаля, по которой онъ въ послѣдніе годы своей жизни не разжевывалъ пищи, но просто глошалъ ее, дабы не лакомишься.

Но поняшіе воздержанія проспираешся шакже,

2) *На правильно распредѣленную дѣятельность* во всѣхъ шрудахъ и *занятіяхъ*. Самая жизнь есшь движеніе; каждое біеніе сердца побуждаешъ человѣка къ новому заняшію, опъ котораго зависишъ сохраненіе его шѣлеснаго благосостоянія. Но сія дѣяшельность должна быпь опредѣленная, какъ внѣшнимъ образомъ (extensio) въ отношеніи къ объему рабошы, шакъ и внупреннимъ (intensio) въ отношеніи къ необходимому душевному отдохновенію. Наконецъ къ воздержанію должно относишь шакже

3) *Господство надъ половымъ влеченіемъ* (κρατεῖν τῶν αἰδοίων. *Анахарсисъ*), именно въ отношеніи къ нѣмымъ грѣхамъ, когда человѣкъ дѣ-

лается предметомъ половаго удовольствія (quaerit se natura, nec invenit). А такъ какъ сіе дѣйствіе должно почитать еще нарушеніемъ другой обязанности къ ближнему, то мы будемъ говорить о немъ особенно въ послѣдствіи.

Воздержаніе во всемъ пространствѣ слова есть *весьма важная обязанность;* ибо отъ нея зависитъ

1) *Совершенство человѣка.* Только посредствомъ развитія своихъ силъ онъ можетъ по духу и тѣлу сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ долженъ быть; а этому развитію непосредственно содѣйствуетъ воздержаніе. Оно совершенно укрѣпляетъ его организмъ, духу доставляетъ всегдашнюю свободу и свѣтлость, наклонности и страсти поставляетъ въ надлежащее равновѣсіе съ разумомъ. Такимъ образомъ Флорентинецъ *Корнаро* разсказываетъ, что онъ посредствомъ строгаго и правильнаго образа жизни не только поправилъ свое разстроенное здоровье, но даже съ сего самаго времени освободился отъ порывовъ тѣхъ сильныхъ пожеланій и страстей, которыя прежде сего были причиною многихъ его глупостей. Какъ дерево, или растеніе, тогда только бываетъ въ полномъ своемъ цвѣтѣ и въ своей красотѣ, когда за нимъ надлежащимъ образомъ и постепенно смотрятъ: такъ и человѣкъ только посредствомъ опредѣленной мѣры въ пищѣ, движеніи и упражненіяхъ можетъ быть здоровъ духомъ и тѣломъ, и слѣдственно, имѣть то,

что составляетъ условіе его совершенства. 2) Опытъ воздержанія зависитъ также *добродѣтель* человѣка. У кого ясно и свѣтло сознаніе, кто наслаждается спокойнымъ расположеніемъ духа, въ комъ однообразно возбуждаются силы, тотъ способенъ познавать истину и долгъ свой, не боится обольщеній воображенія и чувствъ, слѣдственно можетъ съ легкостію сохранять въ себѣ то единство въ нравственной жизни, на которомъ основывается достоинство человѣка и его высочайшее счастіе. Кто ежедневно разрываетъ связь этой духовной жизни и снова возстановляетъ ее, тотъ не можетъ также сдѣлаться мудрымъ, совершеннымъ и счастливымъ. Но этому прямо подвергаетъ себя невоздержный; ибо въ немъ постоянно замѣтны чрезмѣрное раздраженіе и самозабвеніе, въ душѣ его чрезмѣрное напряженіе безпрестанно смѣняется упомленіемъ; онъ горячъ, гнѣвливъ, готовъ дѣлать другимъ насилія, сластолюбивъ, разстроенъ и скученъ, и, что всего болѣе достойно сожалѣнія, въ слѣдствіе своего порока, онъ съ большимъ трудомъ можетъ исправляться; ибо, истощивъ свои силы, онъ долженъ, для сообщенія новаго напряженія своимъ трепещущимъ нервамъ, прибѣгать къ раздраженіямъ, постепенно сильнѣйшимъ. Эта психологическая трудность при исправленіи себя самаго, каждодневно возрастающая и постепенно обращающаяся въ невозможность отказаться отъ порока, по крайней мѣрѣ относи-

пельную, есть самое гибельное изъ всѣхъ порожденій невоздержанія; а съ другой стороны въ яснѣйшемъ свѣтѣ представляетъ слѣдствія воздержанія; ибо понятно, что оно

3) Должно также споспѣшествовать *истинному счастію* человѣка въ жизни, какъ тѣмъ, что доводитъ его до глубокой старости, такъ и внутреннимъ предрасположеніемъ души его къ радостямъ жизни. Весьма умѣренный въ жизни своей *Массинисса*, еще на 90 году, старецъ бодрый и крѣпкій, былъ въ походѣ противъ Карѳагенянъ; *Павелъ*, пустынникъ, жившій въ 3 вѣкѣ, отъ 16 года своего возраста до 113 лѣтъ жилъ въ пещерѣ, питаясь финиками и водою. Индусы, по словамъ Перрина, живутъ долго и весело; потому что почти исключительно питаются рисомъ и растеніями. Трапписты (*) вовсе не знаютъ сильныхъ и заразительныхъ болѣзней, живутъ почти всегда долго и умираютъ тихою смертію, сохраняя умъ и память до послѣдней минуты (Mémoires de Mad. *Genlis*, t. III, p. 228). Мудрецы всѣхъ временъ, каковы *Киръ*, *Юліанъ*, *Фридрихъ Великій*, *Кантъ* и другіе, были постоянными друзьями воздержанія. Большая часть людей потому только живетъ безъ радостей, что они предались удовольствіямъ на 20 году, на 30 вкусили ихъ вполнѣ, на 40 только начали дорожить ими и беречь ихъ, на 50 искать и на 60 съ доса-

(*) Самые строгіе и уединенные монахи.

дою опвергашь ихъ (*Dutens*, Mémoires d'un voyageur, qui se repose. Paris, 1806. t. I, p. 333).

Luciani macrobii въ Opp. tom VIII, p. 114 Sq. ed. Bipont. *Hufeland*, въ вышеупом. м. *Marsil. Ficinus* de studiosorum sanitate tuenda, seu de vita producenda. Libr. III, въ его Opp. Paris, 1641. t. I, p. 482. Sq. Cornaro's Vorstellung von dem Nutzen eines nüchternen, und mässigen Lebens, 1796. *Shcröter*, das Alter und das untrügliche Mittel, alt zu werden. Weimar 1803.

§ 8.

Невоздержаніе.

Воздержанію противоположно невоздержаніе, или чрезмѣрное раздраженіе жизненной силы, какъ въ принятіи *пищи и питія*, такъ и посредствомъ излишняго *напряженія* силъ духовныхъ и тѣлесныхъ, и *неумѣренное удовлетвореніе половому влеченію*. Этотъ порокъ, наносящій укоризну, стыдъ и безчестіе человѣчеству, во всѣхъ своихъ видахъ, есть *источникъ* многихъ *болѣзней* и *пороковъ*, *могила* всему *нравственному образованію*, явная несообразность съ *началами* и *правилами* Христіанина.

Но чѣмъ болѣе искушеній къ этому пороку и чѣмъ чаще они встрѣчаются; тѣмъ необходимѣе противопоставить ему *мудрое воспитаніе, опредѣленную діэту, точный порядокъ въ занятіяхъ* и нравственный взглядъ на *достоинство* половыхъ силъ.

Невоздержаніе (intemperantia) есть виновное неумѣнье распоряжаться дарованною намъ жизненною силою, или насиліе органической нашей природѣ; ибо тогда человѣкъ увѣренъ въ бо́льшемъ запасѣ тѣлесныхъ силъ, нежели сколько имѣетъ ихъ на самомъ дѣлѣ. Это бываетъ отъ *объѣдѣнія*, когда кто принимаетъ пищу безъ выбора, въ несоразмѣрномъ количествѣ и изъ одного только лакомства. У древнихъ Египтянъ, Евреевъ (Левит. XI, 9. сл.), Индусовъ выборъ пищи составлялъ и теперь у нѣкоторыхъ Христіанъ составляетъ предметъ ученія вѣры. Невоздержность въ *питіи* есть также порокъ гибельный. Она не только разрушаетъ здоровье, но не рѣдко доводитъ также до важныхъ преступленій. Другой видъ невоздержанія есть *неблагоразумная дѣятельность*, или чрезмѣрное напряженіе духовныхъ и тѣлесныхъ силъ, несоразмѣрное съ тѣмъ, что воспроизведено въ организмѣ нашемъ пищею, сномъ и отдохновеніемъ. Экономія нашего тѣла требуетъ приличнаго раздѣленія времени на заня-

тія, отдохновеніе и на часы живительнаго сна. Кто чрезмѣру трудится и не оставляетъ времени для потребнаго отдохновенія; тотъ не только дѣлается неспособнымъ къ правильному и постоянному исполненію своихъ занятій, но можетъ дойти до изнеможенія, которое можетъ быть причиною преждевременной смерти. Относительно степени *напряженія*, духовныя и тѣлесныя силы должны быть въ такой мѣрѣ возбуждаемы и упражняемы, въ какой онѣ могутъ быть способны къ постоянной дѣятельности. За быстрымъ, сильнымъ и чрезмѣру живымъ дѣйствованіемъ слѣдуетъ всегда упруженіе и изнеможеніе, и ежели отъ честолюбія, корыстолюбія, внутренняго безпокойнаго характера, или другихъ страстей, такъвый образъ занятій дѣлается обыкновеннымъ; то въ не продолжительномъ времени онъ произведетъ совершенное разстройство организма. Наконецъ третій родъ неумѣренности состоитъ въ *растеніи жизненной силы* безразсуднымъ удовлетвореніемъ половому влеченію.

1) Неумѣренность есть порокъ, противный разумной природѣ человѣка. Ибо что для животныхъ инстинктъ, коимъ они руководствуются въ удовлетвореніи естественныхъ потребностей; то для человѣка разумная наклонность, которая имѣетъ свою *истинную мѣру въ самой себѣ* и въ правильномъ самосознаніи. Желаніе безразсудно наслаждаться поспав-

ляетъ насъ въ непосредственное противорѣчіе съ самими собою.

2) Неумѣренность есть порокъ невѣжества, и пагубныя для тѣла слѣдствія его очевидны. Большая часть проступковъ отмщаютъ за себя человѣку, сперва своимъ внутреннимъ вліяніемъ на нравственную связь вселенной; между тѣмъ какъ неумѣренность наказывается непосредственно въ природѣ физической пагубнымъ вліяніемъ на наше тѣло. Объядѣніе, пьянство, любострастіе вливаютъ въ человѣка ядъ, разрушительныя дѣйствія коего для него неизбѣжны и далеко превосходятъ прелѣсть минутнаго наслажденія.

3) Еще болѣе важно то, что неумѣренность убиваетъ всякую добродѣтель и всякое нравственное образованіе. Ибо она возвышаетъ сердечныя движенія, гнѣвъ, радость, любовь, сластолюбіе, до степени страстей, и въ той же мѣрѣ, по прошествіи оныхъ, увеличиваетъ въ душѣ мрачное расположеніе, страхъ и ужасъ до унынія, мученій и отчаянія; а такимъ двоякимъ разстройствомъ духа, оставляютъ волю въ жертву величайшимъ заблужденіямъ и злодѣяніямъ. Кромѣ того, она унижаетъ внутренняго человѣка, похищаетъ и стѣсняетъ его свободное самосознаніе, ослабляетъ силу ко всякому доброму дѣлу и болѣе и болѣе запрудняетъ его нравственное исправленіе; потому что для человѣка въ семъ состояніи самозабвеніе дѣлается постоянною потребностію, а

шакимъ образомъ для него пресѣкается вовсе возвращеніе къ разсудку и полному сознанію.

§ 9.

Попеченіе о здоровьи вообще.

Наконецъ къ умѣренности должно присовокупить попеченіе о сохраненіи органическихъ силъ и поправленіе разстроеннаго здоровья. Первое состоитъ въ доставленіи, посредствомъ упражненія и навыка, членамъ такого состоянія, чтобы они не имѣли чрезмѣрной раздражительности и противились вреднымъ дѣйствіямъ природы. А послѣднее состоитъ въ томъ, чтобъ, не презирая врачебнаго искусства и не полагаясь совершенно на него, довѣрять его пособіямъ всегда съ собственными наблюденіями и съ тою благоразумною мыслію, что человѣку невозможно быть болѣе здоровымъ, нежели сколько позволяютъ ему тѣлосложеніе и обстоятельства.

Такъ какъ здоровье состоитъ въ перевѣсѣ органическихъ силъ надъ химическими, и какъ первыя во время покоя и бездѣйствія легко сла-

бѣютъ; то необходимо доставлять имъ новую живость движеніемъ и упражненіемъ тѣла. Въ низшихъ классахъ общества служатъ къ тому самыя занятія по званію. Люди нижняго класса въ обыкновенной ихъ работѣ находятъ уже довольно случаевъ къ укрѣпленію тѣла. Люди высшаго класса по большей части ведутъ жизнь сидячую, или недѣятельную и изнѣженную.

Если здоровье наше разстроевается; то не только нужно, но и должно прибѣгать къ *пособіямъ врачебнаго искусства.*

ОТДѢЛЕНІЕ 2.

Обязанности личности

§ 10.

Достоинство человѣка.

Второй родъ обязанностей человѣкъ долженъ исполнять по отношенію къ самому себѣ, какъ *лицу*, какъ нравственный членъ божественнаго царствія, созданный по образу Божію и опредѣленный для безконечнаго совершенствованія и блаженства. Достоинство его, какъ человѣка, состоитъ въ томъ, что онъ, будучи возвышенъ надъ животными своимъ видомъ и дарами разума

и свободы, *сознаетъ себя въ Богѣ*, ищетъ своего назначенія *въ подобіи Ему*, смотритъ на себя, какъ *на конечную цѣль своихъ дѣйствій*, и по природѣ и правамъ своимъ стремится къ высшему совершенству.

Для нравственнаго образованія человѣка весьма важно сознаніе своей *личности*, или того преимущества его нравственной природы, въ слѣдствіе котораго онъ есть полный повелитель своихъ мыслей, намѣреній и конечныхъ цѣлей своихъ дѣяній. Доколѣ онъ смотритъ на себя, какъ на члена въ цѣпи внѣшняго міра, доколѣ онъ своими правилами не возвышается надъ нуждою, своекорыстіемъ и расчетливостію; онъ наслаждается, чѣмъ можетъ, и терпитъ, что долженъ. Но ежели человѣкъ сознаетъ свое внутреннее нравственное достоинство; то онъ научается, не только обуздывать свои чувственныя *наклонности*, но и вооружаться сознаніемъ сего достоинства противъ многихъ пороковъ и преступленій. Какъ высшаго сословія люди вовлекаются въ пороки, свойственные ихъ положенію, такъ и чернь погрязаетъ въ низкихъ удовольствіяхъ и непотребностяхъ; въ обоихъ случаяхъ не достаетъ чувства личности. Ничто столько не способствуетъ къ успѣхамъ нравственно-религіознаго образованія людей, какъ *личныя обязанности ихъ къ самимъ себѣ*.

Лицемъ называется существо, дѣйствующее разумомъ и волею для безусловныхъ цѣлей. Оно существуетъ для себя самаго и можетъ располагать своими мыслями, намѣреніями и цѣлями. Неоспоримо, что человѣкъ имѣетъ сію *личность*. Всѣ предметы, насъ окружающіе, имѣютъ только *цѣнность*; человѣкъ одинъ на землѣ имѣетъ *достоинство*: оно состоитъ въ *превосходствѣ нравственной самостоятельности*.

Достоинство человѣка состоитъ:

1) Въ *превосходствѣ его надъ животными*, по причинѣ *разумной его природы*.

2) Въ правѣ *быть самому для себя цѣлію* своихъ *разумныхъ дѣйствій*. Растенія и животныя существуютъ на пользу человѣка, а онъ созданъ для себя самаго. Изъ сей самостоятельности происходитъ для человѣка право собственности и посильной, свободной дѣятельности для совершенствованія его духовной природы.

3) Въ *способности познавать истину*.

4) Въ *способности постепенно стремиться къ высочайшему нравственному совершенству*.

§ 11.

О легкомысліи.

Съ сознаніемъ нашего нравственнаго достоинства несовмѣстно *легкомысліе* и *небрежность*. Первое озна-

чаетъ направленіе духа, которое, не обращаясь на внутреннее его состояніе, устремлено на внѣшніе предметы, съ особенною любовію къ перемѣнѣ представленій и намѣреній. Оно дѣлаетъ человѣка сперва *поверхностнымъ* и *перемѣнчивымъ*, потомъ *разсѣяннымъ* и *пристрастнымъ* къ разсѣянности, а наконецъ, при недостаткѣ новизны и занимательности въ истощенномъ уже разнообразіи, заставляетъ его, въ избѣжаніе скуки, искать самозабвенія, котораго онъ впрочемъ найти не можетъ. Такъ какъ мы имѣемъ причины полагать, что большая часть людей болѣе легкомысленна, нежели зла, по своимъ началамъ; то должны тщательно разсмотрѣть *источники*, *безнравственность* сего порока и *средство* противъ онаго.

Вѣтреннымъ, или легкомысленнымъ характеромъ называется такая неосновательность духа въ мышленіи и желаніи, для которой тягостно строгое разсмотрѣніе предмета. Каждый *легкомысленный человѣкъ*: а) не обращаетъ вниманія на свою душу; ибо онъ не находитъ въ томъ ничего пріятнаго, котораго онъ ищетъ и

которое составляетъ истинную потребность его высшей природы. Недостатокъ въ самопознаніи и господствующее отвращеніе къ нему есть первый признакъ легкомыслія. Оставленный нравственными идеями и руководительствомъ совѣсти, онъ обращается: b) ко *внѣшнимъ предметамъ* со всею *внѣшностію;* не старается удержать, объяснить и изслѣдовать ни одну мысль, а перебѣгаетъ отъ однихъ впечатлѣній и представленій къ другимъ, принимая и рисуя для себя однообразную смѣсь истиннаго и ложнаго, важнаго и ничтожнаго, чистаго и нечистаго. Онъ легкомысленъ въ довѣренности къ другимъ, въ сужденіяхъ, въ разговорѣ, въ увѣреніяхъ и клятвахъ. Ежели при семъ безпорядкѣ мыслей является въ немъ какое либо минутное влеченіе къ чему нибудь; то c) *безъ дальнѣйшаго размышленія* онъ рѣшается *дѣйствовать* и не ставитъ ни во что послѣдствіе своей безразсудности. Такимъ образомъ легкомысліе вовлекаетъ въ игру, въ пьянство, сладострастіе, долги, непомѣрныя ручательства, безпечность, воровство, безразсудныя предположенія и извиненія. Легкомысленный человѣкъ смотритъ на все *поверхностно;* потому что у него не достаетъ терпѣнія и внимательности проникнуть предметъ и разсмотрѣть его со всѣхъ сторонъ. Онъ вмѣстѣ *непостоянъ* и *перемѣнчивъ;* потому что хочетъ только смотрѣть, ощущать, забавляться; а не думать, изслѣдывать и углубляться въ

свою душу. Потому же самому онъ бываетъ *разсѣянъ;* ибо привычка перемѣнять непрестанно образы, рисующіеся въ душѣ его, производитъ въ немъ нѣкотораго рода головокруженіе, при которомъ представленіе близкихъ и отдаленныхъ предметовъ сливаются въ одно, и чрезъ то помрачаютъ ясность сознанія. Наконецъ, онъ даже *любитъ быть разсѣяннымъ;* потому что для него перемѣна видовъ, образовъ и ощущеній дѣлается потребностію и его безпокойное воображеніе любитъ находиться вездѣ, только бы не заниматься настоящимъ и дѣйствительнымъ. Ежели мы обратимся къ источникамъ сего порока, то найдемъ ихъ: 1) въ *неясности самопознанія*, имѣющей необходимымъ слѣдствіемъ ослабленіе свободныхъ побужденій совѣсти. Хотя возвышенность и глубина ума въ разныхъ людяхъ бываетъ различна и не зависитъ отъ нихъ; но всякой можетъ познавать себя самаго и, освѣщая истиною свою душу, понимать заповѣди Божія и внушенія своей совѣсти. Посему большое находится различіе между невнимательностію дитяти, для котораго вмѣненіе или очень мало, или вовсе не имѣетъ мѣста, и между вѣтренностію легкомысленнаго, которой знаетъ и можетъ знать, что жизнь есть предметъ важный и что онъ никогда не долженъ поступать безъ совѣщанія съ самимъ собою. 2) Къ этому же способствуетъ вліяніе *легкокровнаго темперамента*, раскрывающаго въ душѣ разнообразныя чувственныя прелѣсти, ко-

торыми, ежели строгая воля не будетъ обуздывать ихъ, душа постепенно увлекается отъ одного представленія къ другому, отъ одной мысли къ другой, отъ одного желанія къ другимъ. Впрочемъ всѣ мы гораздо охотнѣе предаемся веселымъ чувствованіямъ, ищемъ разнообразія и наслажденія, нежели думаемъ, изслѣдуемъ, соединяемъ причины, дѣйствія и цѣли вещей; всѣ мы смотримъ на блескъ отдаленной мудрости сквозь мрачныя облака облегающей насъ глупости. Слѣдовательно главнаго источника легкомыслія должно искать въ перевѣсѣ чувственной бездѣйственности надъ дѣятельностію духа. 3) Часто однако жъ самое воспитаніе къ тому способствуетъ: часто воспитываютъ дѣтей шутя, образуютъ для наглядности, а не для понятій и идей; не знакомятъ основательно ни съ однимъ предметомъ искусства и науки, а заставляютъ ихъ изучать одинъ языкъ за другимъ, одну ловкость за другою. Ежели въ высшихъ состояніяхъ есть много людей, въ высшей степени легкомысленныхъ; то это есть необходимое слѣдствіе энциклопедическаго образованія, не преподающаго ничего основательно, а непрестанно измѣняющаго горизонтъ мышленія и такимъ образомъ пріучающаго умъ къ непостоянству. Ежели сверхъ того воспитываемый непостоянен въ дружествѣ, въ своихъ удовольствіяхъ, вкусѣ, занятіяхъ и образѣ жизни; то его воспитаніе не принесетъ другаго

плода, кромѣ того пріятнаго легкомыслія, которое, хотя почитается, можетъ быть, украшеніемъ отличнаго общества, но служитъ ко вреду человѣка, цѣлыхъ семействъ, а нерѣдко и цѣлыхъ народовъ. При томъ же легкомыслію благопріятствуютъ *иногда самое званіе* и *образъ жизни*, которыя дѣлаютъ человѣка разсѣяннымъ и невнимательнымъ къ своей душѣ. Лакеи, комедіянты, актеры, путешественники, поэты, художники, искатели приключеній, люди, объѣзжающіе всѣ домы и публичныя собранія, вообще легкомысленнѣе, нежели земледѣльцы, домашніе служители, люди, имѣющіе опредѣленное и непремѣнное занятіе или ремесло, домовитые хозяева (οἰκουρος, Tit. II, 5, domiseda); потому что тѣ непрестанно перемѣняютъ свои роли, а такимъ образомъ не могутъ ни составить себѣ нравственныхъ правилъ, ни усвоить ихъ и приложить къ жизни. 4) Самаго же обильнаго источника легкомыслія и разсѣянности всегда должно искать въ *предшествовавшихъ безпорядкахъ и заблужденіяхъ сердца*. Кто однажды худымъ поступкомъ вооружилъ противъ себя свою совѣсть и непримирился опять съ нею; тотъ не только охотно забываетъ свою обязанность, но питаетъ къ ней нерасположеніе и старается подавить всѣ ея побужденія; тотъ желаетъ разнообразіемъ новыхъ чувственныхъ обольщеній извнѣ занять мысль о своемъ внутреннемъ раздорѣ; но по мѣрѣ того, какъ онъ старается разо-

рвать необходимую связь между своими дѣлами и совѣстію, онъ вымышляетъ себѣ обширное поле случая и возможности; съ сего времени, руководимый своими желаніями, наклонностями, расположеніемъ души, счастіемъ, удобствомъ времени, убѣгаетъ онъ отъ самаго себя; а какъ онъ и здѣсь не находитъ ни какого убѣжища, ни какого покоя и безопаснаго жилища, то дѣлается непрестанно вѣтренъе и разсѣяннѣе, доколѣ не увидитъ, но уже слишкомъ поздно, что онъ самъ изгналъ себя изъ страны свѣта и мира и потерялъ свои лучшія силы въ печальныхъ странахъ заблужденій. Отсюда легко можно опредѣлить *безнравственность* сего душевнаго состоянія; поелику она 1) *есть совершенное разслабленіе духа.* Истинный человѣкъ есть внутренній, такой, который сознаетъ самаго себя; изъ сего познанія почерпаетъ свѣтъ, свободу, силу и достоинство, и по Небесному Первообразу устрояетъ, украшаетъ со всѣми попеченіями міръ своего духа; по законамъ сего Первообраза управляетъ всѣми впечатлѣніями, явленіями и прельщеніями, отнынѣ ему приходящими. Легкомысленный вполнѣ опровергаетъ сіе назначеніе; онъ не знаетъ и не хочетъ знать, что онъ въ своемъ сердцѣ носитъ образъ Божій; онъ безразсудно лишаетъ себя свободы и самостоятельности — перваго преимущества своей природы; остается бѣденъ духомъ, полезными мыслями и познаніями; подобно дѣтяти, онъ гоняется за

пустою игрою разноцвѣтныхъ воздушныхъ явленій и упомляетъ въ разсѣяніи свою душу; наконецъ даже во взорахъ и движеніяхъ своихъ теряетъ выраженіе внутренняго достоинства и совершенства, а вмѣсто того, кладетъ на свое лице презрѣнную печать разслабленія и вѣтренности. Далѣе, 2) легкомысліе дѣлаетъ *улучшеніе и облагороженіе сердца вовсе невозможнымъ.* Оно важное дѣло жизни обращаетъ въ шутку, истинныхъ обязанностей или вовсе для себя не предполагаетъ, или не исполняетъ дѣлами. Легкомысленный часто измѣняетъ свои правила и запутываетъ себя своимъ непостоянствомъ въ непрестанныхъ противорѣчіяхъ, или несравненно больше обращается во злѣ, нежели въ добрѣ. Онъ есть нерадивый слуга, лѣнивый работникъ, невѣрный другъ, худой управитель чужихъ имѣній, сомнительный мужъ, недостойный отецъ, вѣроломный должникъ, худой гражданинъ. Отъ него можно ожидать только минутной услуги; заняшія постоянныя исполняетъ онъ, какъ рабочее животное, которому на шею должно налагать ярмо, чтобы оно всегда напоминало ему объ обязанности. При своей вѣтренности, 3) онъ *не имѣетъ никакого истиннаго наслажденія въ жизни.* Въ удовольствіяхъ его господствуетъ поспѣшность и безпокойство, которыя не допускаютъ его никогда до безмятежнаго ими наслажденія; онъ вкушаетъ изъ каждой чаши пожеланій и ни въ одной не находитъ истин-

наго вкуса; невинныя удовольствія онъ презираетъ, а преступныя привлекаютъ его по мѣрѣ увеличенія его глупости и виновности (magnitudo infamiae apud prodigos novissima voluptas; съ возрастаніемъ безчестія возрастаютъ и желанія расточителей, говоритъ Тацитъ о Мессинѣ, Annal. XI. 26); Даже тогда, когда еще не доходятъ до него упреки его совѣсти, онъ уже чувствуетъ свое внутреннее недостоинство и наслаждается бытіемъ своимъ только въ минуту упоенія; когда сѣтующій духъ его закрываетъ свой взоръ. Притч. XIV, 10. Естественно, что для него *взглядъ на будущее* долженъ быть *страшенъ*. Умъ его не образованъ, сердце не имѣетъ достоинства и убѣжденій, внутреннее чувство его вполнѣ прековано къ землѣ узами суетности; у него есть знакомые и участники во всѣхъ его утѣхахъ, но друга и утѣшителя нѣтъ; не имѣя ни уваженія, ни мужества, видитъ онъ, какъ въ жизни исчезаетъ опора за опорою, прелѣсть за прелѣстію, надежда за надеждою, и со страхомъ и унынiемъ приближается къ смерти. Ежели мы обратимся къ средствамъ противъ сего нравственнаго повреждения; то очевидно, что еще легкомысленное дѣтство должно быть охраняемо отъ сего порока: 1) *благоразумнымъ религіознымъ воспитаніемъ*. Еще дѣтямъ должно какъ можно лучше изъяснять, что человѣкъ можетъ достигнуть своего назначенія только посредствомъ строгаго размышленія и

твердости доброй своей воли; не должно очень часто мѣнять предметы ихъ воспитанія, а пріучать во всемъ, даже и маломъ, къ нѣкоторому постоянству и углубленію; должно представлять имъ, что шутки, игры и забавы суть предметы посторонніе и служатъ только средствами къ отдохновенію отъ занятій и укрѣпленію силъ; должно научать ихъ цѣнить единеніе воли ихъ съ Божіею дороже всего и предусматривать удобопонятныя для нихъ послѣдствія ихъ поступковъ; должно показывать имъ разные примѣры, какъ легкомысліе ведетъ къ забвенію даннаго обѣщанія, ко лжи, обманамъ и постепенно къ большимъ преступленіямъ. Что человѣкъ сѣетъ, то и пожнетъ, и Богъ воздастъ каждому по дѣламъ; въ сихъ двухъ изрѣченіяхъ находится вѣрное противодѣйствіе легкомыслію, а потому ихъ какъ можно чаще должно повторять и давать чувствовать колеблющейся совѣсти. Съ симъ вмѣстѣ: 2) должно соединять потребную *внимательность къ лежащимъ на каждомъ обязанностямъ*. Всякой человѣкъ не только имѣетъ свой собственный талантъ, который онъ долженъ образовать; свое званіе, къ которому долженъ приготовиться; свой кругъ дѣятельности, который онъ долженъ наполнять собою и гдѣ должень трудиться для общаго всѣхъ блага: но, сверхъ того, долженъ бороться съ свойственными ему страстями, искоренять свои заблужденія, исправлять свои пороки, пла-

нить свои долги; какъ на другѣ, сынѣ, супругѣ, отцѣ — лежатъ на немъ особенныя обязанности; каждый день, каждый часъ открывается для него новое поприще должностей, которое онъ тогда только будетъ проходить съ мужествомъ и радостію, когда онъ свободенъ отъ упрековъ въ упущеніяхъ и неправотѣ. Но кто однажды почувствовалъ важность назначенія своей жизни, тотъ уже имѣетъ оружіе противъ легкомыслія, именно 3) *въ безпристрастномъ сужденіи своемъ о достоинствѣ нравственныхъ наслажденій и удовольствій.* Наконецъ что невозможно для этой мысли, то можетъ сдѣлать 4) *живое воспоминаніе о всемъ земномъ:* о страданіяхъ и борьбѣ тѣхъ безразсудныхъ, преданныхъ чувственности людей, которые оставили міръ сей съ горькимъ раскаяніемъ объ утратѣ дней своихъ; о безславной и бѣдственной старости тѣхъ, кои въ юности не внимали истинной мудрости; о трудностяхъ и опасностяхъ поздняго исправленія, когда такъ часто у насъ не достаетъ для сего ни силъ, ни охоты; о близкой смерти, которая отторгаетъ насъ отъ нашихъ чувственныхъ удовольствій; о переходѣ въ вѣчность, гдѣ мы должны дать отчетъ и ожидать приговора строгаго судіи. Человѣкъ, забывающій свое достоинство, безуменъ и уподобляется животнымъ. См. Reinhard von der Zerstreuung in seinen Beiträgen zur Schärfung des sittlichen Gefühls. Leipzig, 1799. S. 21 f. Также, Müllers

drei Praedigten über die Zersteuungssucht. Braunschweig, 1796.

§ 12.

Объ униженіи.

Еще болѣе противорѣчитъ благородному сознанію собственнаго достоинства *униженіе*, или отрицаніе своего нравственнаго достоинства, обнаруживающееся въ мысляхъ, словахъ и поступкахъ, какъ по отношенію къ высшимъ существамъ, такъ равно по отношенію къ другимъ и къ намъ самимъ. Такъ какъ весьма трудно держать средину, съ одной стороны между высокомѣріемъ и гордостію, съ другой между презрительнымъ и недостойнымъ человѣка униженіемъ; то этотъ порокъ замѣчается во всѣхъ состояніяхъ и народахъ. Посему нужно обратить особенное вниманіе на его *источники, несообразность съ нравственностію* и на *средства исправленія.*

Униженіе есть *напыренное отрицаніе и отверженіе человѣческаго достоинства и своей личности;* слѣдственно добровольное нравственное пониженіе. Тогда какъ высокомѣрный въ духовномъ царствѣ ставитъ себя выше, низкій, напротивъ, ниже приличнаго ему мѣста; онъ часто унижается до животнаго, и такимъ образомъ приводитъ себя въ такое состояніе, въ которомъ онъ, пока не возвратитъ утраченнаго достоинства, не способенъ бываетъ ни къ какому благоразумному и нравственному поступку. Униженіе въ *мысляхъ* обнаруживается тогда, когда человѣкъ въ самыхъ важныхъ дѣлахъ, касающихся его особы, именно, когда дѣло идетъ объ его долгѣ, правѣ, объ его вѣрѣ и надеждахъ, не пользуется собственнымъ разумомъ и свободою на добро. Такъ бываетъ съ грубымъ, или даже образованнымъ, но близкимъ къ животному, человѣкомъ, который или издѣвается надъ святостію долга вообще, или поставляетъ его въ удовлетвореніи своимъ склонностямъ. Униженіе *въ словахъ* обнаруживается тогда, когда кто нибудь притворно раболѣпствуетъ и какъ бы благоговѣетъ предъ другимъ, и такимъ образомъ унижается до раба, или даже до домашняго животнаго. Наконецъ низкая и недостойная мысль переходитъ въ *дѣйствіе*, когда кто нибудь позволяетъ употреблять себя средствомъ и орудіемъ для безчестныхъ и недостойныхъ цѣлей. *Склонность*

къ ложнымъ удовольствіямъ и роскоши доводитъ человѣка до униженія тѣмъ, что въ семъ состояніи онъ ищетъ средствъ для своихъ безбезразсудныхъ наслажденій. Древніе Римляне были не мздоимны и помнили свое достоинство, пока жили воздержно и умѣренно: но какъ скоро познакомились съ Африканскою и Азіятскою роскошью и начали любить пышность; то за ничто отдавали честь, невинность, вѣрность и любовь къ отечеству. Самый Римъ, говоритъ Югурта, можно было бы купить, если бы только нашелся купецъ. Да и гдѣ тайкомъ продаются заклятыя тайны, супружеская вѣрность, государственныя должности, личная честь, какъ не въ тѣхъ городахъ и семействахъ, гдѣ господствуетъ испорченность нравовъ и сумма потребностей превышаетъ доходы? Нѣтъ сомнѣнія, что таковые поступки *порочны;* ибо 1) кто отрекается своего духовнаго достоинства, тотъ никогда не можетъ свободно познать истины. 2) Униженіе истребляетъ даже *зародышъ всякой добродѣтели.* Кто однажды отрекся отъ человѣческаго достоинства, тотъ рѣдко стремится путемъ раскаянія къ возвращенію потерянной свободы. 3) Низкій человѣкъ весьма ненадеженъ и *для общественной безопасности;* ибо онъ всегда готовъ за извѣстную цѣну нарушить самую священную обязанность.

§ 13.

О самообладаніи.

Чувство личнаго достоинства пріобрѣтается и сохраняется посредствомъ *самообладанія*, или власти человѣка надъ самимъ собою. Эту власть легко сохранить въ минуты спокойнаго сознанія; но при переходѣ склонностей въ пожеланія и страсти, она ограничивается, а послѣ, при сильномъ дѣйствіи страстей, совершенно уничтожается.

Кто хочетъ сохранить свою свободу, тотъ долженъ прежде всего наблюдать за собою, чтобы враги его добродѣтели не могли похитить у него этого сокровища. Это легко исполнять въ часы бодрствованія, когда духовная жизнь какъ бы обновляется и при помощи спокойнаго самосознанія, то есть, посредствомъ обитающей въ немъ идеи о Богѣ, въ опредѣленныхъ границахъ содержитъ побужденія животной жизни. Отсюда рождается безопасность человѣка въ нравственномъ отношеніи; ибо въ семъ случаѣ онъ самъ по себѣ расположенъ бываетъ желать добраго и испол-

нять свои обязанности, какъ показываетъ опытъ. Но такъ какъ пища, внѣшнія раздраженія чувствъ, или внутреннее возбужденіе отвращенія и пожеланія, ускоряютъ, или замедляютъ обращеніе крови и нервныхъ соковъ: то и сознаніе помрачается и власть духа надъ самимъ собою ослабѣваетъ, нравственное равновѣсіе нарушается и страсти покоряютъ волю закону грѣха. Одинъ моментъ духовной, органической силы, или слабости даетъ перевѣсъ той, или другой сторонѣ; а съ тѣмъ вмѣстѣ располагаетъ человѣка къ добродѣтели, или приготовляетъ его паденіе. Какое нибудь противорѣчіе, какое нибудь оскорбленіе пробуждаетъ дремлющій гнѣвъ и располагаетъ насъ къ отвращенію угрожающаго намъ стыда; впрочемъ человѣкъ, который бледнѣетъ, краснѣетъ, еще властенъ удержать свою досаду: но вскорѣ сердце его отверзается для принятія взволнованной крови, и языкъ изрыгаетъ уже язвительныя ругательства, или рука поднимается для наказанія противника. Влеченіе одного пола къ другому въ здоровомъ человѣкѣ уже само по себѣ довольно сильно; но ежели оно возбуждается еще кокетствомъ, то преодолѣваетъ чувство собственной чистоты и невинности и приготовляетъ чувственности постыдную побѣду. Бываютъ минуты, когда свобода, по видимому, истощается и какъ бы уничтожается необходимостію; когда сильнѣйшій изнемогаетъ, чувствуя свою слабость, и когда, слѣ-

довательно, самый опрогой законъ нравственности уступаетъ силѣ физической необходимости. Это доказываетъ, что *тѣмъ болѣе нужно противодѣйствовать порочному влеченію, пока еще можно ему сопротивляться, дабы оно не превратилось въ страсть и, подобно буйному потоку, не разрушило всѣхъ оплотовъ разума.* Но *самообладаніемъ* мы называемъ сохраненіе свободнаго сознанія и самодѣятельности воли въ минуты волненія страстей. Для проявленія самообладанія нужно: 1) *чтобы чувственность находилась во враждебномъ отношеніи* къ волѣ, какія бы ни дѣйствовали страсти на сію послѣднюю, *возбуждающія* ли, какъ напримѣръ: любовь, радость, гнѣвъ, ненависть, говорливость и страсть къ смѣху, или *угнѣтающія*, какъ напримѣръ: страхъ, тоска, печаль, забота и уныніе. Не извѣстно, въ какомъ случаѣ потребно болѣе силы души и твердости воли, для преодолѣнія ли страстей перваго рода, или втораго. Все зависитъ отъ того, на какую сторону человѣка бываетъ нападеніе, на сильную, или слабую: тамъ, гдѣ одинъ побѣждаетъ, другой падаетъ. 2) Сущность самообладанія не можетъ состоять въ томъ, чтобы мы совершенно уничтожили внутреннее возбужденіе воли и *привели себя въ состояніе ложнаго безстрастія.* Это невозможно уже по самому устройству нашего духа. 3) Довольно, если человѣкъ, владѣющій собою, не даетъ *никакой власти движеніямъ сердца надъ волею,*

но защищаетъ свое свободное сознаніе, не теряетъ самостоятельности въ мысляхъ и желаніяхъ, или, какъ говоритъ Антонинъ, укрощаетъ склонности, удерживаетъ пожеланія, когда онѣ бушуютъ, останавливаетъ порывы воображенія и не упускаетъ изъ рукъ своихъ кормила разума (de se ipso, IX, 7.). Кто беретъ предосторожность пропивъ самоослѣпленія и управляетъ игрою своего воображенія; у того воля покорена побѣдоносной силѣ духа, которой нельзя объяснить и которой можно только удивляться, какъ преимуществу, возвышающему человѣка до небесъ. Самообладаніе служитъ *источникомъ чистѣйшихъ радостей.* Кто во время жара преодолѣваетъ жажду, тотъ не только предотвращаетъ множество болѣзней, но наслаждается еще какимъ-то веселымъ чувствомъ побѣды надъ своимъ пожеланіемъ, отъ чего слѣдующая затѣмъ отрада бываетъ для него живительна и вожделѣнна. Такимъ образомъ всякая побѣда надъ пожеланіемъ, не только отклоняетъ отъ насъ ложныя удовольствія, возмущающія чистый потокъ нашихъ чувствованій; но и открываетъ въ нашемъ сознаніи новый источникъ радостей, отъ которыхъ каждое внѣшнее наслажденіе дѣлается пріятнымъ и усладительнымъ. Самообладаніе есть *добродѣтель необходимая для человѣка и гражданина.* Большая часть преступленій, потрясающихъ основу общественнаго благосостоянія, совершаются въ минуту страсти. Кто

не умѣетъ управлять собою; тотъ не можетъ быть ни вѣрнымъ супругомъ, ни мудрымъ отцемъ семейства, ни достойнымъ другомъ, ни благоразумнымъ чиновникомъ, ни добрымъ гражданиномъ.

Средства къ пріобрѣтенію сей добродѣтели суть слѣдующія: 1) *Обузданіе своего воображенія* и содержаніе его въ предѣлахъ, назначенныхъ истиною, вѣрнымъ и прямымъ познаніемъ тѣхъ предметовъ, которые воспламеняютъ страсти. 2) Кто не можетъ удалить отъ себя совершенно мысли о предметѣ своего безразсуднаго желанія, или неосновательнаго отвращенія; *тотъ, по крайней мѣрѣ, въ минуту страсти, не долженъ позволять себѣ ни какого дѣйствія.* Лучшее средство укротить гнѣвъ, говоритъ Сенека (de ira t. III, c. 12), есть медлительность. 3) Одинъ глубокій наблюдатель человѣческаго сердца нашелъ весьма дѣйствительнымъ слѣдующее правило: *научись познавать себя и свой характеръ;* тогда многое покажется тебѣ маловажнымъ; ты почувствуешь свое достоинство и узнаешь, какъ унизительно для свободнаго и разумнаго существа преклоняться предъ своею привычкою, или страстію (Antonin, III, 6.). 4) Полезно также ослаблять страсти, опасныя для нашей свободы, средствами физическими. 5) Но чего не можетъ сдѣлать ни это условіе, ни память великихъ людей, покорившихъ себѣ свои страсти, то произведутъ *Вѣра* и *молитва.*

Xenophontis memorabilia Socratis, lib. I, c. 5, 8. Ciceronis quaest. Tuscul. l. IV, c. 9. Valerii Maximi dicta et facta, l. IV, c. 1, de maderatione. Antoninus de se ipso, l. IX, c. 7. Lactantii Instit. l. IV. c. 1. Творенія Геллерта, ч. VII, Лейпцигъ, 1770; его же Moraliche Vorlesungen, стр. 428, и слѣдующія, о господствѣ надъ страстями. Проповѣди Рейнгарда на 1801 г. ч. II, стр. 234 и слѣд. о Христіанскомъ самогосподствѣ. Также, сравн. мѣсто изъ соч. Religions-varträge über die wichtigsten Gegenstände der Christ Glaubens-und Sitten-lehre, Аммона; 2-е изд., Эрлангенъ, 1801. ч. I, стр. 29, гдѣ онъ разсуждаетъ о благородной твердости характера.

ОТДѢЛЕНІЕ 3.

Обязанности человѣка, какъ существа, способнаго къ образованію себя.

§ 14.

Сохраненіе собственныхъ силъ.

Человѣку представляются обязанности другаго рода, если онъ будетъ

смотрѣть на себя, какъ на *существо, способное къ усовершенствованію* и назначенное къ тому, чтобы усовершить дарованныя ему силы и сдѣлать ихъ годными для достиженія нравственныхъ цѣлей. Онъ долженъ не только сохранять ихъ въ *первоначальномъ состояніи*, но и дать имъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ *общее*, такъ и *особенное образованіе*. Первая ближайшая для него обязанность будетъ состоять въ томъ, чтобы содержать въ надлежащемъ (нормальномъ) дѣйствованіи всѣ дарованныя ему Творцемъ силы, какъ чувственной жизни, въ организмѣ проявляющейся, такъ и жизни духовной; поелику онѣ взаимно способствуютъ одна другой въ дѣйствіи.

Способность къ усовершенствованію себя, или къ достиженію тѣхъ цѣлей, къ коимъ спремится воля, есть другое начало обязанностей человѣка по отношенію къ самому себѣ. Ибо, если онъ, какъ существо разумное, чувствуетъ только для того, чтобы мыслить; мыслитъ

для того, чтобы хотѣть; хочетъ потому, что стремится привесть желаемое въ исполненіе: для этого естественно имѣетъ онъ нужду въ *образованіи,* развитіи своихъ силъ для достиженія цѣлей. Образованности противополагаются грубость, неспособность и неловкость; онѣ вредны безусловно, поколику дѣлаютъ совершенно невозможнымъ исполненіе нашихъ обязанностей. Съ другой стороны, не всякое образованіе можно назвать безусловно хорошимъ и достойнымъ одобренія; потому что оно иногда можетъ быть употреблено средствомъ для недостойныхъ, даже непозволительныхъ и безнравственныхъ цѣлей, и въ такомъ случаѣ оно приноситъ добродѣтели болѣе вреда, чѣмъ пользы. Фигляры, карманные воры, танцовщики на канатахъ и Индѣйскіе эквилибристы должны бываютъ прежде пройти нѣсколько школъ, пока наконецъ усовершатся въ своемъ безполезномъ и даже вредномъ искусствѣ. По этому-то весьма справедливо можно требовать отъ образованія, чтобы оно было направлено къ такимъ цѣлямъ, которые *нравственно-полезны.* Но эта обязанность образованія начинается съ *сохраненія нашихъ способностей въ первобытной ихъ силѣ и дѣятельности,* и не только по отношенію къ жизни, но и къ тому совершенству воли, которое достигается посредствомъ ихъ. Ибо, такъ какъ частое мышленіе, свободное хотѣніе, постоянство воли, даже совершенное дѣйствіе по соб-

сшвенному нашему сознанію, бываютъ возможны только подъ условіемъ надлежащаго и совокупнаго участія всѣхъ нашихъ силъ: по этому недостаткомъ той, или другой способности не можетъ конечно обойтись безъ того, чтобы не причинить какого нибудь стѣсненія нравственному нашему кругу дѣйствій. Слѣдовательно, какъ существа, способныя къ усовершенствованію, мы обязаны:

1) Неослабно сохранять дарованный *органическимъ* нашимъ *силамъ* зародышъ жизненности во всѣхъ формахъ чувственной природы, разумѣя здѣсь не одну только ту основную силу (stamen vitae), которая вытекаетъ конечно изъ другаго высшаго, чувствамъ неподлежащаго, источника; но и вмѣстѣ особенную, свойственную отдѣльнымъ системамъ нашего тѣла, напримѣръ: мускуламъ, нервамъ, даже особеннымъ чувствамъ и органамъ. Такъ разстроеніе силы дѣторожденія нерѣдко имѣетъ слѣдствіемъ своимъ помраченіе ума и безсиліе воли, которое опять въ рѣшительныя минуты жизни бываетъ причиною большихъ замѣшательствъ и погрѣшностей. Слабость нервовъ дѣлаетъ человѣка, не только неспособнымъ къ отправленію занятій по должности, но еще раздражительнымъ и гнѣвливымъ, что производитъ обыкновенно подобныя прежнимъ разстройства. Тѣсная, сжимающая ногу, обувь дѣлаетъ Китайскихъ женщинъ неспособными передвигаться съ одного мѣста на другое. Посему всѣ

члены нашего тѣла и всѣ силы нашей жизни мы должны употреблять только для нравственныхъ цѣлей. Подобное же попеченіе должны мы прилагать,

2) И о *низшихъ духовныхъ силахъ*. Нѣжное *чувство* истиннаго, благороднаго и добраго есть богатый источникъ нравственнаго познанія; по этому-то особенно важно сохранять постоянно въ себѣ чистоту внутренняго чувства, остерегаясь безпрестанно, чтобы не было оно помрачено обращеніемъ съ людьми худой нравственности, вредныхъ и предосудительныхъ нравовъ. Хорошая *память* есть живая библіотека, сокровищница совѣтовъ; по этому особенно важнымъ для насъ должно быть правиломъ — не ослаблять этой, столь благодѣтельной, способности тайными грѣхами, или другимъ какимъ бы то ни было образомъ. *Воображеніе* есть главный источникъ нашихъ радостей и страданій. По этому не нужно лишать этой бѣглой и живой способности той чистоты, которую такъ легко можно отнять у нее излишнимъ раздраженіемъ и возбужденіемъ непозволительныхъ страстей.

3) Мы тѣмъ болѣе должны обращать вниманіе на *высшія духовныя силы*. *Разумъ*, или частная способность познанія, можетъ быть лишенъ ясности и остроты въ сужденіи лѣностію, страстью, господствующими предразсудками и суевѣріемъ. *Воля* человѣческая увлекается склонностями, какъ челнокъ кипучею

волною, а потому и является зависящею, слабою и неправственною по формѣ и содержанію; для этого-то необходимо удерживать ее, приводить въ сознаніе, умѣрять ея порывы, и, если тѣмъ не нарушимъ законовъ справедливости, для упражненія собственныхъ силъ одолѣвать ею силу влекущаго ея потока, и тѣмъ самымъ обезпечивать себя противъ будущихъ опаснюстей со стороны слабости и искушенія.

§ 15.

Объ общемъ, или нравственномъ образованіи.

Кромѣ этаго человѣкъ обязанъ еще дарованную ему мѣру силъ *образовать въ цѣлости до возможнаго совершенства* для того, чтобы сдѣлаться способнымъ къ выполненію тѣхъ обязанностей, которыя представятся для него въ будущемъ кругу дѣйствій. Опредѣлить съ точностію горизонтъ этаго общаго образованія невозможно, потому что всякое истинное познаніе хорошо и полезно и что каждый высокій талантъ въ свободномъ развитіи своемъ назначаетъ себѣ границы сообразно съ мѣрою сво-

ихъ силъ; по крайней мѣрѣ, вѣрно то, что *безпорядочное многознаніе*, *страсть къ подражанію*, равно какъ и *склонность къ ложной геніальности* и *оригинальности* всегда вредны. Напротивъ того, *пріобрѣтеніе телесной ловкости*, *образованіе таланта къ искусствамъ*, *познаніе человѣка* и его *отношеній къ природѣ*, равно и *органическихъ началъ истиннаго и справедливаго*, составляютъ основу всей дѣятельной нравственности и благочестія, о чемъ преимущественно предъ прочимъ должно заботиться.

Подобно тому, какъ въ царствѣ свободы возможность предшествуетъ повсюду долгу, такъ и здѣсь, въ области добродѣтели, прежде, чѣмъ обнаружится воля, и прежде, нежели устремится къ чему нибудь доброму, она должна обладать извѣстною степенью навыка и *совершенства*. Теперь какія же силы долженъ образовать человѣкъ, какія долженъ онъ пріобрѣтать познанія и какіе усвоять себѣ навыки? Довольно ли будетъ для каждаго человѣка образованія, сообразнаго съ его должностію, промысломъ и званіемъ? Правда, нельзя оспорить, той истины, что кто желаетъ

себѣ всего, тотъ ничего не хочетъ, и что роскошь въ познаніяхъ столько же вредна, какъ и роскошь въ пищѣ и одѣяніи; съ другой стороны, не менѣе вѣрно и то, что науки не допускаютъ раздѣленій, подобно владѣніямъ, потому что всѣ онѣ бываютъ оживлены и проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ, и всѣ находятся въ разнообразномъ сродствѣ съ искусствами. Кто могъ предписать *Аристотелю*, *Оригену*, *Гроцію*, *Невтону* или *Канту*, чтобы каждый изъ нихъ учился тому или другому, или чтобы занимался изслѣдованіемъ того, а не другаго какого нибудь предмета? Всякое дѣльное познаніе хорошо и полезно, потому что оно можетъ содѣлаться правиломъ для будущихъ дѣйствій. Ни одинъ гражданинъ не можетъ напередъ знать, какой кругъ дѣйствія готовитъ ему Провидѣніе въ будущемъ; по этому-то каждый, согласно съ назначеніемъ своимъ, долженъ *изучать все*, т. е. *долженъ быть готовымъ усвоить себѣ всякій родъ образованія, какой только онъ находитъ сообразнымъ съ своими силами и талантами*, для того, чтобы въ послѣдствіи онъ не только могъ отличаться тою или другою добродѣтелію, но и былъ въ состояніи возвыситься до возможнѣйшаго его индивидуальности совершенства. Обязанность эта, разсматриваемая сначала съ отрицательной точки зрѣнія, исключаетъ:

1) Такое правило, по которому подчиненныя

познанія и навыки, служащіе только средствомъ для науки и искусства, цѣняшся выше, чѣмъ самая наука жизни. Такъ въ Исторіи Литературы говорится часто о педантизмѣ филологическомъ, потому что онъ самый смѣшной и самый обыкновенный; но кромѣ этого, есть еще педантизмъ историческій, медицинскій, политическій, по которому человѣкъ, безъ дальнѣйшаго размышленія, своему кругу занятій, не столь важныхъ по отношенію къ царству Божію, приписываетъ высшее достоинство, нежели божественному призванію быть мудрымъ и благочестивымъ. Это-то самое, часто упорное и смѣшное, часто съ неумѣстною кичливостію выказывающееся суемудріе, представляетъ большія затрудненія для истиннаго нравственнаго образованія; ибо до тѣхъ поръ, пока не научится человѣкъ подчинять искусство идеѣ, ученость свою наукѣ, науку подчинять мудрости и Религіи, до тѣхъ поръ онъ не можетъ быть проникнутъ чувствомъ истиннаго уваженія къ своей обязанности. То же можно сказать и о томъ

2) *Безпорядочномъ многознаніи*, которое собираетъ безпрестанно разнородныя познанія, не оживляя и не связывая ихъ ни какимъ общимъ началомъ, и такимъ образомъ производитъ ту запутанность въ понятіяхъ и ту зыбкость въ сужденіяхъ, отъ которыхъ наконецъ знаніе и ученость получаютъ ложное направленіе. Этому пороку подвергаются особенно всѣ тѣ, ко-

торые читаютъ безъ всякаго порядка и разбора, учатся наукѣ поверхностно, вообще всѣ тѣ, которые перемѣняютъ горизонтъ мыслей и изслѣдованій своихъ, прежде нежели его измѣрятъ и достигнутъ конечной его точки.

3) *Склонность къ подражанію* можетъ имѣть опасныя слѣдствія въ нравственномъ отношеніи. Что ученикъ старается образовать себя по примѣру учителя своего, что юноша беретъ себѣ кого нибудь за образецъ и, даже сдѣлавшись мужемъ, питаетъ особенную склонность къ какому нибудь любимому имъ автору — это не только позволительно, но и достойно одобренія, потому что каждый на пути своемъ можетъ возвыситься до идеальнаго только посредствомъ наставленія и примѣра. Но если уваженіе къ человѣку великому преодолѣетъ собственную нашу силу сужденія: то мы, не только подвергнемся искушенію перенять его странности и заблужденія, но и легко можемъ утратить нашу нравственную самостоятельность, сдѣлаться рабами чужихъ глупостей и даже орудіями къ обольщенію другихъ. Чтобы видѣть примѣръ этого, намъ стоитъ только припомнить, къ какимъ смѣшнымъ, но въ послѣдствіи важнымъ, заблужденіямъ привело неповѣренное собственнымъ размышленіемъ подражаніе Песталоцци въ первоначальныхъ Нѣмецкихъ школахъ; и какъ потомъ, этотъ исполненный любви къ истинѣ старецъ началъ пори-

цать и обсуживать себя самого (*): но съ какимъ стыдомъ должны были смотрѣть слѣпые подражатели его на педагогическія свои реформы! Всякое слѣпое подражаніе убійственно для духа; оно похищаетъ индивидуальное его бытіе и дѣйствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самостоятельность — существенное условіе живаго убѣжденія и истинной добродѣтели. Наконецъ должно избѣгать и послѣдней крайности, именно:

4) *Склонности къ ложной геніальности и оригинальности.* Геній для духа есть то же, что образъ для идеи; это зеленѣющаяся всегда оболочка созрѣвающаго внутри плода. Таланты безъ геніальности рѣдки; но геніальные люди безъ талантовъ, какъ цвѣтущія деревья безъ плодовъ, встрѣчаются довольно часто, и именно потому, что роскошная субъективность генія ихъ подавляетъ въ душѣ зародышъ истиннаго духовнаго плода и не позволяетъ ему созрѣть. Вездѣ, гдѣ воображеніе господствуетъ надъ разумомъ, а чувство надъ ясностію сознанія, тщеславіе и суемудріе поселяютъ въ пустыхъ душахъ страсть къ ложной геніальности, которая портитъ вкусъ, искажаетъ искусство, унижаетъ науку нелѣпыми парадоксами, помемняетъ вѣру и оскорбляетъ святость Религіи. Кто пристрастенъ къ своему ученію, тотъ впадаетъ также въ другой порокъ — усвояетъ себѣ *ложную оригинальность*.

(*) Жизнь Песталоцци, Лейпцигъ, 1826.

столько же не похожую на истинную, какъ призракъ не походитъ на дѣйствительность, а своенравіе на похвальную твердость характера. Онъ начинаетъ иногда охуждать и исправлять все то, чему учили опытнѣйшіе и мудрѣйшіе люди; отвергая все, даетъ исключительный вѣсъ собственнымъ только своимъ взглядамъ, старается вмѣстѣ ввести ихъ въ науку и жизнь, и хочетъ наконецъ составить вокругъ себя особенное общество оригиналовъ и управлять ими, какъ начальникъ. Это случается именно въ области философіи, когда къ формальнымъ законамъ мысли и познанія и къ фактамъ природы и сознанія, которые должны быть обсуживаемы по тѣмъ законамъ, примѣшиваютъ какія нибудь бредни, какую нибудь воздушную мечту, какъ нѣчто данное, и потомъ изъ этого, въ основаніи ложнаго, понятія, выводятъ такія начала, которыя даютъ неправильное направленіе познанію нашему о причинахъ и цѣляхъ вещей, и которыя переселяютъ насъ изъ царства истины въ область догадокъ и заблужденій. Это понять можно только тогда, когда, по внимательномъ изслѣдованіи многихъ, такъ называемыхъ, единственно возможныхъ системъ, вступишь въ область одной истинной и постоянной философіи.

Въ *положительномъ* отношеніи, напротивъ того, это нравственное образованіе должно начинаться:

1) *Пріобрѣтеніемъ тѣлесныхъ ловкостей.* Въ

этомъ отношеніи еще не довольно будетъ того, если мы для выраженія человѣческаго достоинства придадимъ тѣлу нашему твердость и приличіе; мы должны, кромѣ того, заботиться еще о томъ, чтобы исправить недостатки нашихъ чувствъ, смягчить грубость мышцъ и тѣлодвиженій и усвоить себѣ извѣстную легкость и силу, которая была бы въ состояніи отразить могущія встрѣтиться намъ опасности. Здоровыя чувства столь же необходимы для правильности возрѣній, лежащихъ въ основаніи нашимъ понятіямъ и сужденіямъ, сколько необходимы упражненные и легко приводимые въ движеніе члены для исполненія нашихъ намѣреній и цѣлей. По этому образованіе тѣла и хорошо приспособленная къ нему гимнастика, по справедливости, могутъ быть отнесены къ существеннымъ потребностямъ хорошаго воспитанія.

2) Мы должны стараться объ *образованіи* даруемыхъ намъ природою *талантовъ къ искусствамъ*, потому что развитіе ихъ не мало способствуетъ, какъ къ совершенству нашихъ познаній, такъ равно и чистотѣ нравовъ и жизненныхъ наслажденій. Мы не найдемъ ни одного человѣка, который совершенно не имѣлъ бы расположенія къ искусству; да если бы такой и нашелся, то навѣрное былъ бы онъ человѣкомъ самымъ безтолковымъ и безчувственнымъ. Многіе не сознаютъ только въ себѣ ясно это-

го побужденія, и отъ того-то даютъ ему ложное направленіе.

3) Обращай все свое вниманіе на *познаніе человѣка* и *его отношеній къ природѣ*. Огромныя сокровища учености и познаній бываютъ для нѣкоторыхъ потеряны потому только, что они слишкомъ мало знакомы съ своею индивидуальностію и съ личными отношеніями въ свѣтѣ. Какую пользу могутъ принести намъ всѣ пріобрѣтенныя нами ловкости, всѣ искусства, всѣ системы, если мы не знаемъ потребностей собственной нашей природы; да и какъ можемъ мы узнать ихъ, пока остаются сокрытыми для насъ внутреннее устройство нашего тѣла, организація нашей души, сущность здоровья и средства къ поддержанію его, равно какъ и сродство наше съ жизнію животныхъ и растеній? По этому-то основныя истины Антропологіи, Физіологіи, Діететики, Физики и Естественной Исторіи никогда не должны быть чуждыми человѣка образованнаго. Благоразумное употребленіе времени предохранитъ его здѣсь отъ той запутанности въ занятіяхъ, которая никогда не дѣлаетъ того, что должно дѣлать.

4) Старайся положить твердое основаніе для всѣхъ опытныхъ познаній во всей духовной твоей дѣятельности, *познаніемъ органическихъ началъ истиннаго и справедливаго*. Правда, что обыкновенный человѣческій умъ образуется наставленіемъ и собственнымъ упражненіемъ; но

въ области дальнѣйшей, занимающей средину между имъ самимъ и разумомъ, тамъ, гдѣ собраны бываютъ разнородныя познанія, господствуетъ часто безпорядокъ и противорѣчіе; потому что тамъ нѣтъ того управляющаго начала, которое бы могло эту массу понятій проникнуть, оживить и соединить въ одно цѣлое. По этому желательно, чтобы каждый, кто только дорожитъ совершенствомъ нравственнаго и религіознаго своего образованія, ознакомился какъ можно короче, не только съ правилами мышленія и источниками заблужденій, но и вмѣстѣ съ существенными элементами истины и границами человѣческихъ познаній, для того чтобы понять отсюда, какимъ образомъ воззрѣнія его относятся къ понятіямъ, понятія къ идеямъ, идеи къ тому дѣйствительному порядку вещей, въ которомъ поставленъ онъ благимъ и премудрымъ Промысломъ для собственнаго совершенствованія. Только на этомъ основаніи можно воздвигнуть истинное зданіе нравственнаго образованія; оно только дастъ надлежащую цѣну каждому искусству, каждому образованію и каждому совершенству человѣческаго духа.

§ 16.

Объ особенномъ образованіи, для опредѣленнаго какого нибудь званія.

Но всѣ тѣ общія познанія и навы-

ки, о которыхъ говорили мы выше, должны служить только приготовленіемъ къ постоянной дѣятельности въ томъ *званіи*, къ которому опредѣляютъ человѣка его дарованія и то мѣсто, какое занимаетъ онъ въ обществѣ. Какъ существу нравственному, ему неприлично блуждать *по произволу* по этой обширной области мысли; напротивъ того, по своему благоразумію, онъ долженъ избрать для себя особенное званіе, а избравъ, уважать его *достоинство*, оставаться *вѣрнымъ* ему и руководствоваться тѣми нравственными обязательными началами, отъ которыхъ можетъ онъ заимствовать надлежащую твердость въ прохожденіи своего званія.

Слова *звать* и *призывать* впервые встрѣчаются въ Новомъ Завѣтѣ, означая Божеское призываніе, или назначеніе человѣка быть участникомъ Царства Небеснаго. Какъ всѣ люди призваны Богомъ для извѣстныхъ нравственныхъ цѣлей; такъ каждому изъ нихъ въ отдѣльности, по мѣрѣ естественныхъ дарованій, назначенъ особливый какой нибудь кругъ дѣйствованія въ гражданскомъ обществѣ. Въ этомъ

смыслѣ слова разумѣютъ подъ *званіемъ извѣстный, законный кругъ дѣйствованія, открывающій ему случай споспѣшествовать общественному благу, посредствомъ надлежащаго употребленія дарованныхъ ему способностей и средствъ.* Вѣрно, что всякое званіе есть *опредѣленный кругъ дѣйствованія:* ибо покой, сонъ, развлеченіе суть только потребности, а не родъ должностей; праздность же, напротивъ того, непозволительна человѣку нравственно доброму, и потому на нее должно смотрѣть какъ на нѣчто противное истинному званію. Этотъ кругъ дѣйствованія долженъ быть *законнымъ*, т. е. хотя и не проистекающимъ непосредственно изъ обязанности (чего нельзя утвердительно сказать о большей части должностей и ремеслъ), по крайней мѣрѣ *нравственно-возможнымъ*, позволительнымъ въ *нравственномъ* порядкѣ вещей. Мошенники, игроки, фигляры и отравители не могутъ назвать ремесла своего званіемъ и ежели даютъ еще имъ мѣсто въ государствѣ, такъ это служитъ печальнымъ доказательствомъ, что мы еще очень мало уважаемъ честь и справедливость. Такимъ образомъ званіе, которому мы посвящаемъ себя, требуетъ отъ насъ не злоупотребленія талантовъ, но *надлежащаго* и *правильнаго употребленія* особенныхъ способностей и силъ, которыя образовали и облагородили мы для полезныхъ цѣлей. Наконецъ всѣ званія соединяются между собою одною общею мы-

сліо, споспѣшествовать *общественному благу*, подъ которымъ заключаются всѣ цѣли семейной и государственной жизни. Всякое занятіе, удаляющее отъ общества безпорядокъ, охраняющее въ немъ правосудіе и свободу, образующее духъ, исправляющее сердце, удовлетворяющее истиннымъ потребностямъ и содѣйствующее невиннымъ удовольствіямъ жизни, можетъ быть предметомъ званія. А что каждый обязанъ избрать для себя опредѣленный какой нибудь кругъ дѣйствованія въ общественной или домашней жизни, на это можемъ мы привести достаточныя причины:

1) Мы сотворены ни для *праздности*, состоянія чисто страдательнаго, противурѣчащаго внутреннимъ побужденіямъ нашей природы; ни просто для *чувственнаго наслажденія*, разрушающаго нашъ организмъ; ни для того, чтобы только *созерцать, мыслить* и *чувствовать*, потому что чисто созерцательная жизнь не удовлетворяетъ требованіямъ воли: но для того, чтобы *хотѣть* и *дѣйствовать* по возможно лучшимъ началамъ и, сознавая дѣйствія свои, создать изъ себя новый нравственный міръ.

2) Вездѣ такъ же, сколько позволяетъ намъ свобода, встрѣчаемъ мы *необходимыя побужденія* для этой дѣятельности. Къ ней располагаютъ насъ семейственное состояніе, нужды общества, воспитаніе или внутренніе порывы таланта, силящагося нерѣдко преодолѣть всѣ препятствія и занять приличное ему мѣсто.

Въ родѣ человѣческомъ, особенно съ такимъ разнообразіемъ и порядкомъ, съ такою мудростію распредѣлены силы и дарованія, что всякій, даже послѣдній, можетъ найти тамъ для себя приличное мѣсто, можетъ быть полезнымъ другимъ и вмѣстѣ упрочить собственное свое благосостояніе. Каждый, слѣдовательно, можетъ себѣ найти тотъ путь, по которому слѣдуетъ ему итти въ жизни, если только онъ хочетъ искать его и если только съ твердостію вступитъ на него.

Общественный бытъ можно уподобить тѣлу, которое поддерживается согласнымъ дѣйствіемъ своихъ членовъ и вмѣстѣ само сообщаетъ каждому изъ нихъ обратно жизненную свою силу и твердость. По этому то особенно важно, чтобы каждый занималъ въ государствѣ такое мѣсто, гдѣ бы онъ, сообразно съ своими силами, могъ дѣйствовать для блага общаго и утвердить собственное благосостояніе, котораго онъ желаетъ и въ которомъ онъ имѣетъ нужду. Тотъ, кто только принимаетъ отъ отечества и сообичей и не хочетъ воздать имъ чѣмъ нибудь полезнымъ: тотъ становится недостойнымъ покровительства и уваженія ихъ и перестаетъ быть достойнымъ членомъ государства и своего семейства.

По этому будетъ безнравственно не только оставлять безъ всякаго употребленія свои таланты, или подчинять дѣятельность ихъ прихоти и случаю, но такъ же и медлить

выборомъ опредѣленнаго какого нибудь званія, отлагая его до лѣтъ полной возмужалости: потому что тогда человѣкъ обыкновенно теряетъ терпѣніе и склонность къ пріобрѣтенію необходимыхъ предварительныхъ познаній; да если бы при всемъ томъ и захотѣлъ онъ заняться чѣмъ нибудь постоянно; то навѣрное, вмѣсто того, чтобы съ успѣхомъ достигнуть цѣли своихъ желаній, онъ былъ бы удаленъ отъ нее, подобно пловцу, отнесенному отъ берега волной.

Труднѣе отвѣчать на вопросъ: какому званію должно посвящать себя и какими побудительными причинами надобно руководствоваться при этомъ важномъ избраніи?

1) На одномъ рожденіи основываться здѣсь нельзя. Правда, что по закону непрерывности каждый не охотно оставляетъ то состояніе, въ которомъ онъ рожденъ; однако жъ никакъ нельзя сказать, чтобы таланты и дарованія родителей переходили къ дѣтямъ.

2) Такъ же *своенравіе* и *произволъ родителей*, которые слишкомъ необдуманно и слишкомъ самовластно распоряжаются судьбою своихъ дѣтей, причиняетъ здѣсь много зла. Если ребенокъ любитъ заниматься военными забавами, еще нельзя сказать, что онъ назначенъ быть военачальникомъ; если онъ любитъ собирать бабочекъ, изъ того еще не слѣдуетъ, чтобы въ немъ таились дарованія естествоиспытателя.

ОТДѢЛЕНІЕ 4.

Обязанности по отношенію къ собственному счастію.

§ 17.

Источники человѣческаго бѣдствія.

Человѣку прилично искать *счастія*, какъ высочайшей цѣли стремленія; онъ желаетъ его по своей природѣ; и если это желаніе бываетъ въ немъ подавлено, или принимаетъ ложное направленіе; то разумъ долженъ возбудить его снова и возвысить до *обязанности*, хотя пропивъ этого голоса и вооружались съ ожесточеніемъ цѣлыя школы моралистовъ. Сообразно съ природою вещи, эта добродѣтель начинается вмѣстѣ съ изысканіемъ *источниковъ* человѣческихъ бѣдствій; корень ихъ заключается въ нравственной сторонѣ человѣка, его недѣятельности, развращеніи и въ происшекающемъ оттуда разстройствѣ духовнаго существа его.

Четвертый классъ обязанностей человѣка по отношенію къ самому себѣ выпекаетъ изъ слѣдующаго начала: *не только старайся избѣгать всегда болѣзненныхъ ощущеній, но и стремись къ высочайшему благополучію, къ какому только способна твоя природа.* Можно конечно подвергать себя болѣзненнымъ ощущеніямъ съ благоразумною цѣлію, а именно, чтобы, или отвратить отъ себя большее зло, или возвратить прежнее благосостояніе, какъ то бываетъ ежедневно при употребленіи лекарствъ, или въ хирургическихъ операціяхъ; но искать болѣзней для самыхъ болѣзней безразсудно и противно нашей природѣ. Дервишъ и Шаманъ, препоясующій себя колючимъ поясомъ; Спилитъ, стоящій цѣлый мѣсяцъ на одной ногѣ, обременяютъ себя чрезмѣрными изнуреніями и страданіями потому только, что чувственность почитаютъ сѣдалищемъ и основаніемъ зла и хотятъ такими пожертвованіями особенно угодить Богу. Доколѣ человѣкъ еще не усовершилъ себя, или находится подъ игомъ худыхъ наклонностей и привычекъ; то, водимый однимъ инстинктуальнымъ побужденіемъ къ животолюбію, ищетъ самъ по себѣ чувственнаго благополучія: но какъ скоро поселяются въ немъ ригористическія заблужденія, то разумъ долженъ разсѣевать ихъ, открывая ему свѣтъ истины и направляя волю его нравственными правилами; долженъ поставить ему въ обязанность попеченіе о его благополучіи, которое

вообще и при естественной силѣ его наклонностей, должно быть только извѣстнымъ образомъ ограничиваемо. Односторонность Кантовскаго нравоученія, по которой онъ смотритъ на попеченіе о нашемъ истиномъ благополучіи какъ на евпанасію (счастливую смерть) добродѣтели, достойна порицанія; ибо безразсудно было бы утверждать, что нравственно совершенный человѣкъ не можетъ имѣть никакой другой цѣли, какъ только сдѣлать себя несчастнымъ. Посему уже Сократъ справедливо порицалъ тѣхъ, которые отдѣляли добродѣтель отъ благополучія (recte Socrates eum exsecrari solebat, qui primus utilitatem a natura seiunxisset. Cicero de leg. I, 12.); и строгій ригористъ въ новѣйшее время долженъ былъ сказать: «Человѣкъ, по моему мнѣнію, не назначенъ для бѣдствій; напротивъ, онъ можетъ наслаждаться покоемъ, миромъ и блаженствомъ и долженъ самъ своими трудами достигать ихъ (Fichte's Anweisung zum seligen Leben. Berlin, 1806. S. 96.)». Но для чего не достигаютъ сего весьма многіе? Почему именно человѣческій родъ долженъ бороться съ бѣдствіями и страданіями, не извѣстными прочимъ животнымъ? Почему такъ трудно найти путь къ истинному и постоянному благополучію? Однимъ словомъ, какіе суть *источники человѣческихъ бѣдствій,* по видимому, не извѣстные и закрытые для многихъ?

1) Система дуализма, столь легкая и удобо-

понятная для нашего недѣятельнаго ума, которую основалъ *Зардушъ* и развилъ съ искусствомъ и фантазіею *Манесъ*, приписываетъ всѣ наши бѣдствія вліянію *злаго начала*, которое, будучи равносильно *началу доброму*, разливаетъ въ мірѣ все зло, какое въ немъ находится, а на человѣка особенно дѣйствуетъ чрезъ *чувственность*. Но въ самомъ дѣлѣ, хотя въ чувственности должно искать *повода* къ нравственному злу, однако жъ не должно почитать ее основаніемъ зла. Всѣ наши пожеланія и страсти имѣютъ свое основаніе въ существенномъ устройствѣ нашей природы; онѣ дѣлаются зломъ уже отъ злоупотребленія и развращенія нашей воли, и тогда только причиняютъ зло и страданія, на которыя мы такъ часто жалуемся. Стоитъ только обратить вниманіе на тѣ великіе законы вселенной, которые проникаютъ всю природу, какъ одушевленную, такъ и безжизненную, чтобъ въ очевидномъ стремленіи всего къ высшему и лучшему видѣть тѣснѣйшую связь силъ. Животныя терпятъ ту же скорбь, какая гнететъ и человѣка; но если въ человѣкѣ зло глубоко проникаетъ въ сознаніе, то онъ въ своихъ страданіяхъ находитъ вмѣстѣ побужденіе, предохранять себя отъ подобнаго зла *и всегда давать перевѣсъ благополучію надъ страданіемъ*.

2) Гораздо приличнѣе искать источника нашихъ золъ *въ нравственномъ воззрѣніи на человѣка, какъ на пробуждающееся къ развитію раз-*

умѣніе. Младенецъ улыбается безъ сознанія, не будучи веселъ, и дѣлаетъ судорожныя движенія, не ощущая страданія, точно также, какъ впадшій въ обморокъ не чувствуетъ причиняемыхъ ему ранъ. Наконецъ пробуждающееся въ немъ чувство бытія расторгаетъ узы естественныхъ побужденій, которыя доселѣ его связывали; съ пробужденіемъ свободы, рождается выборъ, борьба противоположныхъ началъ, различіе добра и зла, пріятнаго и непріятнаго. Но поелику воля, вступающая въ распоряженіе нашею жизнію, ранѣе обнаруживаетъ свое дѣйствіе въ сей сферѣ, нежели постепенно образующійся разумъ; то инстинктъ и фантазія, ею возбужденные, управляютъ происшедшими отъ ложныхъ обольщеній ея пожеланіями, удовлетвореніе которыхъ, не будучи сродно природѣ человѣка, поставляетъ его въ неправильномъ отношеніи ко внѣшнему міру, и такимъ образомъ производитъ въ немъ болѣзненныя ощущенія. Уже младенецъ, питающійся грудью матери, часто обременяетъ себя излишествомъ, нежели юное животное; ибо воля, въ немъ пробуждающаяся, выступаетъ за предѣлы инстинкта, такъ что излишнее пресыщеніе въ пищѣ, здоровой при умѣренномъ употребленіи ея, причиняетъ ему зло, не извѣстное животному. Но сей выборъ составляетъ сущность человѣческой и всякой конечной свободы. Только борьба противоположностей и двойство могутъ прервать единство механи-

ческаго теченія природы; человѣкъ съ пробужденіемъ разумѣнія вступаетъ въ рядъ нравственныхъ существъ; онъ пріобрѣтаетъ способность дѣлать зло и вредить самому себѣ, для того, чтобы быть въ состояніи самому выбирать добро по собственному сужденію, и чтобы такимъ образомъ нарушенное единство природы снова возстановить разумомъ и свободною волею и возвести до высочайшаго, внутренняго совершенства. И такъ основаніе нравственнаго зла заключается въ первоначальномъ пунктѣ человѣческой усовершимости и въ неизбѣжномъ злоупотребленіи оной до зрѣлости разума; ибо зло, какъ ночь и холодъ, противоположно свѣту и теплотѣ жизни, и этотъ въ природѣ нашей устроенный антагонизмъ есть единственное и необходимое условіе, подъ которымъ можетъ осуществиться свобода духа, а съ нею всякая добродѣтель и радость. Равнымъ образомъ

3) *Недѣятельность ума и воли* можно разсматривать, какъ главный источникъ нашихъ золъ. Недѣятельность ума; ибо, довольный чувственнымъ минутнымъ наслажденіемъ, человѣкъ не хочетъ познать нравственнаго добра; онъ прежде помышляетъ собрать смоквы отъ волчцовъ и виноградъ отъ тернія, нежели старается понять, что значитъ сѣять въ духъ и отъ него пожинать жизнь; онъ охотнѣе довѣряетъ игрѣ слѣпаго случая, нежели убѣждается, что всякъ даръ совершенъ нисходитъ свыше

отъ Отца Свѣтовъ. Еще скорѣе послѣдуетъ зло для человѣка отъ бездѣйствія воли, уклонившейся отъ невидимаго, безконечнаго и святаго; она стремится только къ чувственному осязаемому и удобоняшному; вблизи находящееся, кажущееся добро, для нее вождѣленнѣе отдаленнаго совершенства и радости; лѣнивый дикарь охотнѣе питается травою, нежели пшеницею, которую сперва нужно сѣять и воздѣлывать. Лѣнивая рука, лѣнивая рѣчь, лѣнивый умъ, недѣятельный разумъ, лѣнивая воля, составляютъ естественный порокъ человѣческаго рода, который по своему свойству можетъ имѣть слѣдствіемъ только разстройство, недостатокъ, болѣзнь, скорбь и страданія всякаго рода. Но если недѣятельность воли препятствуетъ только достигнуть благополучія, то

4) *Развращенность оной* рождаетъ дѣйствительное бѣдствіе. Желанія животнаго направлены только къ чувственному благополучію; ибо въ сознаніи его нѣтъ никакого образа высшаго существа: человѣку напротивъ назначено, по силѣ обитающей въ немъ идеи Божества, стремиться къ безконечному совершенству, какъ существенному условію всякаго чувственнаго и земнаго пожеланія. Но совершенно вопреки сему нравственному порядку своей природы, чувственный человѣкъ вовсе устраняетъ умъ свой отъ сей идеи и унижаетъ его до того, что онъ дѣлается слугою и споспѣшникомъ его земныхъ удовольствій. Наслажденіе пищею

и пищіемъ онъ долженъ соразмѣрять съ потребностію его упадающихъ силъ; а онъ размѣряетъ его единственно угожденіемъ вкусу. Богатство и обиліе должны служить для него только средствомъ къ достиженію нравственныхъ цѣлей; а онъ опровергаетъ Бога и свою совѣсть, чтобы только возобладать звонкимъ, блестящимъ металломъ. Такимъ образомъ онъ идетъ вопреки природѣ и нравственному порядку міра и навлекаетъ на себя бездну золъ, которыя должны разстроить и сокрушить его.

5) Отсюда *разстройство* его *природы*, которое во всѣхъ отношеніяхъ причиняетъ ему безчисленныя страданія. Будетъ ли онъ разсматривать себя въ отношеніи къ другимъ, то видитъ, что со всѣхъ сторонъ запутанъ въ борьбу и несогласіе съ подобными себѣ: ибо, какъ сумма чувственныхъ *благъ* ограничена и всѣ вообще стремятся къ пріобрѣтенію ихъ съ равнымъ рвеніемъ; то отсюда рождаются зависть, ненависть, преслѣдованіе, месть, презрѣніе, ругательство и насиліе, коими люди терзаютъ другъ друга и унижаютъ свою природу. Испытываетъ ли онъ себя относительно своего *тѣлеснаго* и *органическаго состоянія;* то не видитъ никакого пріобрѣтенія, никакого наслажденія отъ своихъ пожеланій; отъ одного заблужденія и обмана онъ переходитъ къ другому; его чувство притупляется, чувственные органы ослабѣваютъ, возростающія пожеланія терзаютъ его, и онъ, не обрѣтая

внутри себя покоя, опоры и достоинства, чувствуетъ, что каждое страданіе съ сугубою силою гнететъ и терзаетъ его. Но еще плачевнѣе *внутреннее разстройство* его духа; ибо онъ никогда не можетъ притти въ ясное сознаніе о самомъ себѣ. Чистота и ясность мыслей, радость объ истинѣ и добродѣтели ни мало не трогаютъ его сердца: онъ ищетъ спокойствія и чувствуетъ раскаяніе; не можетъ ошвергнуть потребности внутренняго достоинства и съ прискорбіемъ ощущаетъ свое уничиженіе; сознаніе собственной вины, чувство скорби и несогласія съ самимъ собою, удаленіе отъ Бога, страхъ и безнадежность прерываются только на коротkое время легкомысліемъ и самозабвеніемъ. И такъ высочайшее зло человѣка всегда вытекаетъ наконецъ изъ нечистоты нравственныхъ источниковъ.

§ 18.

Истинное блаженство.

Съ другой стороны, оставя односторонніе школьные теоріи, мы должны согласиться, что блаженство Божіе есть единственный первообразъ того блаженства, къ какому долженъ стремиться человѣкъ; ибо отъ сего научается онъ, что хотя *нравственное совершенство* и составляетъ су-

щественное *основаніе* его внутренняго *благополучія*, однако жъ каждый сотворенный духъ для дополненія своихъ справедливыхъ желаній, которыхъ онъ не можетъ достигнуть собственными силами, имѣетъ нужду въ *пріятныхъ ощущеніяхъ*; они довершаютъ его блаженство. Такое высочайшее благо на всѣхъ степеняхъ его безконечности онъ получаетъ отъ Бога; но съ каждымъ новымъ проясненіемъ его внутренняго существа, и его ощущеніе должно принимать другой видъ, впрочемъ такъ, что оно никогда не прекратится и никогда не можетъ достигнуть послѣдней точки внѣшняго благополучія; ибо всякое твореніе, хотя не можетъ быть вѣчно, но, съ другой стороны, не можетъ имѣть конца своего бытія въ будущемъ. Посему истинное блаженство человѣка на земли состоитъ въ соразмѣрномъ соединеніи *нравственныхъ* и *чувственныхъ благъ*, которое можетъ осуществиться только *умѣньшеніемъ искусственныхъ потребно-*

стей, радостію объ *истинѣ* и *добродѣтели* и соотвѣтственною сему внутреннему совершенству *мѣрою* пріятныхъ *ощущеній.*

И такъ, если мы хотимъ составить чистый идеалъ человѣческаго благополучія; то не должны искать сущности онаго ни въ одномъ *духѣ,* ни въ *чувственности,* но въ совершенномъ состояніи того и другой. Въ одномъ духѣ человѣкъ не можетъ обрѣсть своего полнаго благополучія; ибо сколько бы онъ ни возносился съ Платономъ къ созерцанію Первоистины въ идеѣ, сколько бы ни укрѣплялся противъ судьбы съ Стоиками правымъ дѣйствованіемъ, сколько бы ни старался пріобрѣсть Эпикурейское спокойствіе души; тѣло всегда будетъ выставлять свои требованія и права, которыхъ нельзя опровергнуть, не сдѣлавшись равнодушнымъ къ самой жизни, не наскучивъ самимъ собою и не чувствуя несчастія внутри себя, при всей гордости упоченнаго безстрастія. Загадка нашего бытія еще отнюдь не рѣшена слѣдующимъ, полнымъ высокомѣрія, правиломъ: «Не ищи только ничего, кромѣ того, что можешь ты доставить самъ себѣ: тогда не будешь нуждаться ни въ чемъ внѣ тебя» (Fichte's Anweis zum seligen Leben. S. 211). Это значитъ то же, что и сказать: сдѣлайся только всемогущимъ, и тогда не будешь имѣть нужды

ни въ какомъ мірѣ, ни въ какомъ твореніи, кромѣ твоего собственнаго.

Еще менѣе можно искать высочайшаго благополучія въ одной *чувственности:* ни невоздержность Киринейцевъ, ни богатство Плутуса, ни пышность гордаго Сарданапала, ни упоеніе чувствованій Мистиковъ, не могутъ удовлетворить твоимъ разумнымъ желаніямъ; ибо чувственность только пріемлетъ добро, но не доставляетъ и не упрочиваетъ его; въ ней находимъ мы только отдѣльныя, непродолжительныя раздраженія и средство къ удовольствію, но не самую радость; только счастіе, а не блаженство. Только *нравственно-доброе и пріятное* въ соединеніи могутъ соотвѣтствовать требованіямъ нашей природы: bona naturalia coniuncta cum honestis vitam beatam perficiunt (Cicero de fin. IV, 21.). Слѣдовательно блаженство добродѣтельнаго на землѣ состоитъ въ томъ, когда онъ на каждой степени нравственной жизни приводитъ въ своемъ сознаніи въ единство пріобрѣтенныя духовныя блага съ чувственными, служащими ему для дополненія его благополучія, или *въ гармоническомъ соединеніи радости съ чистымъ удовольствіемъ.* Чѣмъ болѣе просвѣщяется во внутреннемъ человѣкѣ образъ Божій мудростію и святостію жизни, тѣмъ величественнѣе могутъ проявиться во внѣшнемъ свѣтѣ правосудіе и благость Божія. Слѣдовательно мудрость въ дѣятельной жизни, приняшіе благъ

и наслажденіе ими съ кротkою благодарностію предъ Богомъ, есть основный законъ человѣка, желающаго достигнуть, при всѣхъ перемѣнахъ своей внѣшней жизни, истиннаго блаженства. Въ семъ облагороженномъ смыслѣ блаженства, нравоучитель можетъ выразить свое начало въ слѣдующихъ категоріяхъ:

1) *Стремись къ радости объ истинѣ* во свѣтѣ вѣдѣнія и вѣры: ибо невѣжда и невѣрующій мучится во мракѣ души своей неизвѣстностію, страхомъ, тоскою и всякаго рода обманами суевѣрія и грубости. Необразованнаго и бѣднаго умомъ убиваетъ скука и чувство внутренней скудости; а познанія поверхностныя, безъ порядка, основательности и гармоніи, только запутываютъ умъ и рождаютъ противорѣчія и сомнѣнія. Но обладаніе чистыми понятіями, идеями и надеждами, которое Платонъ называетъ *созерцаніемъ истиннаго*, Аристотель *теоретическою силою ума*, а Св. Писаніе *познаніемъ свѣта*, доставляетъ человѣку чистѣйшее удовольствіе и благороднѣйшее самонаслажденіе.

2) *Учись цѣнить высоко радость о добродѣтели, какъ благороднѣйшее чувство*, къ какому только способно разумное существо. Познаніе истины есть половина добродѣтели; только чрезъ свободное дѣйствіе она оживляется и дѣлается твердымъ основаніемъ твоего благополучія. Только осуществленіемъ идеи въ дѣйствіяхъ доказываешь ты свою личность и по-

стоянное пребываніе твоего разумѣнія; утверждаешь прочную связь между умомъ и волею, между твоимъ мышленіемъ и внутреннимъ бытіемъ, и такимъ образомъ изъ собственнаго самоодобренія и самодовольства вызываешь радость, или чистое удовольствіе, происшекающее изъ самоуслажденія, — удовольствіе состоящее совершенно въ твоей власти, ибо оно не имѣешь нужды ни въ какомъ раздраженіи оттвнѣ. Это нравственное самочувствіе есть также чувство чистое и святое; оно превосходитъ всѣ жизненныя раздраженія чувствъ отъ удовольствія и радости, и есть чистый основный тонъ въ аккордѣ нашего счастія, отъ котораго прочіе созвучные тоны получаютъ гармонію и пріятность; оно есть приближеніе къ Божественной радости, которую любовь Божія уготовала друзьямъ своимъ. Все внѣшнее счастіе жизни исчезаетъ какъ тѣнь, ибо оно происшекаетъ не изъ сего внутренняго самодовольства.

3) *Старайся всегда уменьшать число твоихъ потребностей,* особенно *искусственныхъ* и *обратившихся въ привычку,* которыя дѣлаютъ тебя зависимымъ отъ мѣста, времени и людей, и тѣмъ самымъ ограничиваютъ кругъ твоего нравственнаго дѣйствованія. Пусть Эпикуреецъ говоритъ, что чѣмъ больше потребностей, тѣмъ больше жизненныхъ раздраженій, и чѣмъ больше сихъ послѣднихъ, тѣмъ больше наслажденія; но для мудраго это правило будетъ и дол-

жно быть столь же глупо, сколько правило какого нибудь управителя: *чѣмъ больше расходъ, тѣмъ болѣе выгоды.* Какъ въ послѣднемъ случаѣ отъ превосходства расхода предъ доходомъ неминуемо послѣдуетъ нищета; такъ въ первомъ, гдѣ наслажденіе превышаетъ заслугу и достоинство, неизбѣжны скорбь и мученіе. Сверхъ того всякая неудовлетворенная потребность рождаетъ болѣзнь; а безболѣзненность есть первый шагъ къ блаженству. Ни въ чемъ не имѣть нужды, говоритъ Сократъ, есть преимущество Боговъ; сколь можно менѣе нуждаться, значитъ уподобляться имъ. Симъ правиломъ еще непредписывается Циническій образъ жизни; не требуется, чтобы мы избѣгали безъ исключенія всего того, что не составляетъ необходимой потребности для поддержанія органической жизни. Мы должны только всѣмъ этимъ наслаждаться такъ, чтобы могли и безъ того обойтись; должны во всѣхъ сихъ предметахъ иногда отказывать себѣ, дабы наслажденіе ими не обратилось въ привычку; въ потребностяхъ своихъ мы должны прибѣгать къ обыкновенному и простому, чего никакая перемѣна судьбы не можетъ исторгнуть у насъ. Чѣмъ болѣе мы ограничиваемъ число своихъ потребностей, тѣмъ становимся безопаснѣе со стороны несчастія.

4) Прими въ дополненіе твоего благополучія *и пріятныя ощущенія, воззрѣнія и удовольствія,* тебѣ свойственныя, *которыя не нарушаютъ*

единства твоего нравственнаго сознанія. Каждое наслажденіе въ жизни, не нарушающее никакой обязанности и совмѣстное съ радостію о Богѣ, есть наслажденіе чистое, позволенное. Нельзя конечно опредѣлить числа удовольствій, возвышающихъ наше блаженство; ибо они сами по себѣ уже неисчислимы, и сверхъ того каждый, по различію своего вкуса и своихъ склонностей имѣетъ особый родъ счастія. Но всѣ они безъ исключенія составляютъ предметъ нравственности; и путешествующій, и любитель прогулокъ и увеселеній, имѣютъ свои обязанности, которыя нерѣдко бываютъ нарушаемы. Но наблюденіе этихъ обязанностей должно быть предоставлено свободному размышленію каждаго; ибо для науки довольно ограничишься разсмотрѣніемъ тѣхъ удовольствій, которыя или кажутся двусмысленны, или легко могутъ быть обращены во зло и превратишься въ заблужденіе.

Сравни о семъ предметѣ два небольшихъ сочиненія Сенеки *de tranquillitate animi* и *de vita beata: Рейнгарда,* vom vernünftigen Selbttgenusse in s. Predd. zur Schärfung des sittlichen Gefühls S. 223, f.: *Аммона, von dem weisen Genusse der lebensfreuden,* въ его Christliche Religionsvorträge über die wichtigsten Gegenstande des Glaubens: und Sittenlehre. Erlangen, 1795, Th. r. 5. Predict.

§ 19.

О чести.

Одно изъ пріятнѣйшихъ и благороднѣйшихъ удовольствій жизни есть *честь*, или уваженіе нашего достоинства и совершенства со стороны другихъ, понятіе, которое допускаетъ многоразличныя раздѣленія и степени. Нельзя сомнѣваться въ *нравственномъ достоинствѣ* чести: ибо оказанная честь столько же можетъ осчастливить человѣка, сколько оказанная причинить ему вреда; сверхъ того она удерживаетъ отъ пороковъ, ободряетъ къ добродѣтели и расширяетъ кругъ нашего дѣйствованія. Но при непостоянствѣ чести, дѣло мудраго не презирать ее и не цѣнить высоко, не вынуждать у другихъ; болѣе смотрѣть на нее, какъ на слѣдствіе, нежели какъ на послѣднюю цѣль нашихъ дѣйствій; а посему не унывать,

когда намъ въ ней отказываютъ, или не воздаютъ ея въ полной мѣрѣ.

Честь различается отъ *похвалы*, подъ которою мы разумѣемъ одобреніе со стороны другихъ какого нибудь нашего преимущества, напримѣръ, нашего вида и одежды; также она различна отъ *лести*, которая есть не иное что, какъ вымышленная похвала. Честь предполагаетъ въ лицѣ, заслуживающемъ оную, какое нибудь нравственное свойство, или совершенство; а въ томъ, кто оказываетъ ее, свободное уваженіе добродѣтели и достоинства другаго. Слѣдовательно понятіе чести весьма обширно по своему объему и отношенію и можетъ допускать различные виды и подраздѣнія. Таковы: *самоуваженіе* (selbstehre), которое хотя часто встрѣчается въ жизни, но подвергается порицанію другихъ и отвергается, какъ непозволительное; *особенная* честь, какъ то, уваженіе въ кругу семейства и между согражданами, которую впрочемъ изъ зависти и предосудительнаго самолюбія чаще отказываютъ, нежели воздаютъ; наконецъ *всеобщая* честь, но только въ приблизительномъ значеніи; ибо нѣтъ ни одного имени въ подлунной, которое было бы извѣстно всему свѣту, не говорю, всѣми чтимо и прославляемо. Въ другомъ отношеніи, различаютъ *истинную*, или заслуженную честь отъ кажущейся и *ложной*. Первая предпола-

гаетъ дѣйствительное совершенство и добродѣтель и основательное признаніе оныхъ со стороны свѣдущихъ судей; послѣдняя есть поспѣшное и неосновательное прославленіе мнимой добродѣтели, какъ напримѣръ, обожаніе Ирода Агриппы (Дѣян. XII, 22), прославленіе Діаны Ефесской (Дѣян. XIX, 28); обоготвореніе Тиберія и Нерона, панегирикъ лицемѣрному протектору Кромвелю. Ложная честь встрѣчается гораздо чаще, нежели фальшивая монета, но остается въ обращеніи, какъ и послѣдняя, только на короткое время и вредитъ наиболѣе тому, кто послѣ всѣхъ ее распространяетъ. Въ другомъ отношеніи, есть *разныя степени* чести, начиная отъ *честнаго имени*, которое мы охотно приписываемъ каждому, до *уваженія; высокопочитанія* и *обожанія;* и отъ сего послѣдняго до *поклоненія;* какое приличествуетъ одному Богу. Напротивъ *слава*, отъ перваго говора быстролетной молвы, до громкихъ, трубныхъ восклицаній изступленнаго народа, принадлежитъ болѣе внѣшнимъ, или по крайней мѣрѣ только техническимъ и умственнымъ преимуществамъ. Въ относительномъ значеніи можно раздѣлить честь на *политическую* и *нравственную*. Первая зависитъ отъ внѣшняго устройства общества и состоянія, или самого народа, къ которому мы принадлежимъ; здѣсь различаются слѣдующіе виды чести: *національная; родовая, литературная, военная* и *ремесленная;* во всѣхъ сихъ видахъ не заклю-

чается чистаго понятія о чести; ибо оно здѣсь имѣетъ отношеніе къ обыкновеніямъ и предразсудкамъ и доставляетъ только *чинъ* и мѣсто въ обществѣ, но еще не уваженіе. Напротивъ *нравственная* честь есть справедливая оцѣнка заслугъ по приговору мудрыхъ людей всѣхъ временъ и народовъ, которая въ то же время можетъ быть разсматриваема, какъ честь отъ Бога (vox populi, vox Dei) и чистой совѣсти. Наконецъ честь раздѣляется еще на *преходящую* и *постоянную*. Первая подобна пѣсни, напѣваемой толпою проходящихъ пушниковъ, коей голосъ слышится короткое время; вторая есть чистый, величественный гимнъ, которому внимаютъ съ истиннымъ участіемъ и всегда съ равнымъ удовольствіемъ. Мы говоримъ здѣсь только объ истинной, нравственной чести, къ которой никто почти, не исключая и порочнаго, не можетъ оставаться хладнокровнымъ и которой оскорбленіе, или отказъ въ ней для образованнаго бываетъ вообще чувствительнѣе, нежели сколько можно было бы ожидать при безпорочной и чистѣйшей добродѣтели. Напротивъ того, честь 1) какъ подтвержденіе хорошаго мнѣнія объ насъ со стороны другихъ, есть *пріятнѣйшее и благороднѣйшее удовольствіе въ жизни*. Она даетъ намъ право вступать въ общество съ кроткимъ самоуслажденіемъ и выражать свое самодовольствіе словами и дѣйствіями; она подобна судебному процессу, въ которомъ себя-

любіе одерживаетъ верхъ надъ недовѣріемъ къ самому себѣ предъ нашимъ внутреннимъ судомъ, въ силу справедливаго сужденія объ насъ со стороны другихъ; она есть приращеніе нашего нравственнаго бытія, которое цѣнить выше всякаго пріумноженія внѣшней собственности. Нѣтъ ни одного столь великаго ученаго, ни одного героя, ни одного повелителя, для котораго бы похвала и честь изъ устъ просвѣщенныхъ судей не были дороги и вождѣленны. Сверхъ того она 2) предостерегаетъ еще, неутвердившагося въ добродѣтели, отъ многихъ *пороковъ* и *разврата*. Стрáхъ стыда, или по крайней мѣрѣ, потери добраго имени удерживаетъ дѣвицу, супругу, юношу, ревнующаго о чести гражданина и чиновника, въ границахъ, предписываемыхъ долгомъ. Посему, гдѣ общественное мнѣніе теряетъ свою чистоту и строгость, какъ то бываетъ въ городахъ, цѣлыхъ земляхъ, или по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ сословіяхъ, въ коихъ нравственность приходитъ въ упадокъ, тамъ порокъ и преступленіе выступаютъ безъ боязни. Честь служитъ даже 3) и для человѣка, еще не возвысившагося до безкорыстнаго чувства долга, *сильнымъ побужденіемъ къ новой добродѣтели*. Сколь часто онъ ни твердитъ о чистой нравственности, какъ часто ни судитъ о другихъ по ея законамъ; но при многихъ своихъ дѣйствіяхъ онъ спрашиваетъ самъ себя: какая жъ за то будетъ

мнѣ награда? Положимъ, что онъ въ состояніи преодолѣть общія всѣмъ искушенія со стороны удовольствія и корыстолюбія; но только подъ тѣмъ условіемъ, что честь вознаградитъ его за то. Его добродѣтель не могла бы простираться далеко; если бы общество не льстило ей суетностію, если бы пріобрѣтенная честь не служила ручательствомъ будущей. Отнимите у молодаго художника, ученаго, воина и служащаго, надежду на будущее отличіе; то онъ тотчасъ утомится на своемъ поприщѣ, или по крайней мѣрѣ, не будетъ имѣть довольно силы и твердости стать выше посредственности. Сверхъ того честь 4) открываетъ намъ средство *распространить кругъ нашего дѣйствія,* вступить въ тѣснѣйшую связь *съ* людьми умными и добрыми, свободнѣе и безпрепятственнѣе выполнять полезные планы и предположенія, имѣть при нуждѣ сильный голосъ, представлять другимъ незнакомыхъ и быть имъ полезными и наконецъ собственнымъ примѣромъ поощрять другихъ къ подобному совершенству. Посему справедливость и благоразуміе требуютъ, чтобы мы руководили и направляли столь глубоко лежащее въ насъ побужденіе къ чести слѣдующими правилами:

1) *Не презирай гордо или легкомысленно чести.* Ибо хотя и можетъ случиться, что другіе, себя окружающіе, иногда ложно и неправильно осуждаютъ доброе и похвальное твое дѣй-

ствіе; но при всемъ томъ опасно противиться множеству, и если мы вовсе не хотимъ уважать совѣтовъ даже безпристрастныхъ и опытныхъ людей, то едва ли можемъ избѣжать упрека въ своенравіи и упорствѣ. Положимъ даже, что они не могутъ судить о внутреннемъ, нравственномъ достоинствѣ нашихъ поступковъ; по крайней мѣрѣ ихъ приговоръ вѣренъ относительно внѣшняго достоинства, законности и слѣдствія каждаго поступка, и слѣдовательно они могутъ помочь нашему безпристрастію, умѣрить нашъ энтузіазмъ и подкрѣпить наше малодушіе. Кто безусловно отвергаетъ честь, тотъ или совершенный мудрецъ и герой добродѣтели, или слѣпой невѣжда и злодѣй. Но кто можетъ ручаться, что онъ одинъ мудръ и благороденъ!

2) *Не слишкомъ высоко цѣни честь.* Люди обыкновенно хвалятъ и почитаютъ насъ только по своимъ *понятіямъ,* и если хвалитъ чернь, то похвала эта не много значитъ; оглушительный крикъ и шумъ работниковъ еще не приноситъ никакой славы мастерству. Другіе хвалятъ только блистательныя и шумныя дѣянія, съ удивленіемъ слушаютъ оглушительный голосъ какого нибудь Эсхина и пропускаютъ мимо ушей сладкое благозвучіе рѣчи Демосѳеновой; изумляются софизмамъ какого нибудь *Екка* и киваніемъ головы отвѣчаютъ на силлогизмы *Меланхтона.* Другіе припѣваютъ *vivat,* провозглашенное человѣкомъ ничтожнымъ; а большая часть *лицемѣріемъ выманываетъ* себѣ уваженіе, дабы

достигнуть своихъ низкихъ, или своекорыстныхъ цѣлей. Посему неумѣстная, навязчивая, въ пышныхъ фразахъ выраженная честь, по справедливости должна вдохнуть въ насъ недовѣрчивость и удерживать въ извѣстныхъ предѣлахъ наше самочувствіе, дабы ложное мѣрило другихъ, равно какъ и наше собственное, не послужили намъ ко вреду.

3) *Не требуй нагло и не вынуждай чести,* ни выставляя себя народу кандидатомъ общихъ похвалъ, ни отдавая славы своей другимъ въ ростъ, ни подкупая публичныхъ глашатаевъ, ни заставляя друзей своихъ съ энтузіазмомъ превозносить и хвалить тебя. Ибо ни добрые, ни злые люди не терпятъ насилія; даже они откажутъ тебѣ въ заслуженномъ тобою и уже пріобрѣтенномъ уваженіи, коль скоро замѣтятъ твою наглость. Но положимъ, что тебѣ и удалось бы перехитрить ихъ; эта, хитростію или невольно исторгнутая, похвала непродолжительна и въ коротkое время смѣняется укоризнами и забвеніемъ. Нѣтъ ничего сустнѣе письменной славы, ничего оскорбительнѣе пышнаго сплетенія похвалъ со стороны людей, не призванныхъ хвалить — этихъ несносныхъ людей, кои присвояютъ себѣ право ненаказанно оскорблять другихъ своими похвалами.

4) *Никогда не поставляй честь для себя цѣлію;* но смотри на нее, какъ на *возможное слѣдствіе* твоихъ *дѣйствій.* Если ты начинаешь

дѣйствовать съ тою цѣлію, чтобъ быть въ почтеніи у другихъ; то предпріятіе и начатіе твое не будетъ ли не только сомнительно и ненадежно, но даже противно здравому смыслу? Ты ищешь внѣ себя цѣли твоихъ обязанностей и твоего высочайшаго блага, и слѣдственно разрушаешь существо добродѣтели. Но если ты дѣйствуешь единственно изъ покорности внутреннему гласу совѣсти, то честь *слѣдуетъ* за тобою сама по себѣ; чѣмъ менѣе онъ искалъ чести, говоритъ Саллюстій о Катонѣ, тѣмъ чаще она доставалась ему (Catilina c. 54.). Слава есть тѣнь добродѣтели; тогда только, когда мы имѣемъ солнце мудрости передъ собою, наша тѣнь падаетъ предъ тѣмъ, кто не можетъ ходить въ открытомъ свѣтѣ.

5) *Не унывай, если не воздаютъ тебѣ заслуженной чести.* Весьма не многіе охотно отдаютъ другому честь; обыкновенно люди охотнѣе клевещутъ на другихъ, или даже воображаютъ, что они вправѣ презирать лучшаго въ своемъ кругу, дабы въ этомъ надменномъ высокоуміи найти нѣкоторое утѣшеніе на счетъ своей посредственности и слабости. Достойнѣйшіе уваженія и благороднѣйшіе сперва находятся въ неизвѣстности, или по крайней мѣрѣ, должны сдѣлаться предметомъ многихъ хорошихъ и худыхъ толковъ. Но твердая добродѣтель одерживаетъ наконецъ побѣду, и справедливость платитъ ей, за незаслуженное хладнокровіе, истиннымъ уваженіемъ. Сравни

Цолликофера, о достоинствѣ чести въ его проповѣдяхъ über die Würde des Menschen, Th. I. S. 147, f. *Аммона,* о вліяніи, какое обнаруживаетъ мудрое любочестіе на нашу добродѣтель, въ его Religionsvorträgen im Geiste Jesu. Göttingen, 1806. B. II. S. 537, ff. *Θилона,* über den Ruhm. Halle, 1803.

§ 20.

О честолюбіи.

Любочестіе обращается въ *честолюбіе*, или страсть къ чести, коль скоро мы ставимъ сужденіе людей о нашемъ нравственномъ достоинствѣ выше приговора самой совѣсти, и если страсть сія особенно стремится къ пріобрѣтенію почестей гражданскихъ съ ихъ отличіями, то она обращается въ *любоначаліе*, либо *тщеславіе*. Эта склонность сопряжена съ *величайшею опасностію* и во всякомъ случаѣ *безнравственна;* потому что обожаетъ честь, заглушаетъ совѣсть, подавляетъ чувство всѣхъ прочихъ обязанностей, причиняетъ ужасное

зло и готовитъ самому честолюбцу неописанную скорбь. Посему совѣтуется всякому, кто хочетъ обуздать и умѣрить сію склонность, строго размыслить о плачевной участи всѣхъ честолюбцевъ, о вредномъ вліяніи сей страсти на образованіе юношества и объ обманчивомъ призракѣ славы въ жизни и по смерти.

Честолюбіе есть *господствующая склонность къ человѣческой славѣ, какъ высочайшей цѣли всѣхъ нашихъ дѣйствій;* — порча души, происходящая единственно отъ того, что мы, обольщаясь поверхностными похвалами другихъ, помрачаемъ въ себѣ ясность самосознанія, заглушаемъ голосъ нашей совѣсти и ея приговоръ о внутреннемъ достоинствѣ нашихъ дѣйствій и вполнѣ предаемся страсти къ похваламъ другихъ. Честолюбіе начинается обыкновенно какою-то особенною *раздражимостію* въ дѣлахъ чести, расположеніемъ легко оскорбляться. Но если страсть сія достигаетъ высшей степени силы, то образуетъ честолюбіе *оборонительное,* опражающее всякое оскорбленіе; таково честолюбіе молодыхъ людей, которые приходятъ въ бѣшенство и берутся за оружіе, коль скоро кто замѣтитъ въ нихъ какую нибудь странность. Мало по малу честолюбіе превра-

щается въ *домогательство* и преступаетъ долгъ любви и вѣрности. Это составляетъ также честолюбіе молодыхъ людей, которые, добиваясь мѣста, или отличія, оттѣсняютъ старшихъ и достойнѣйшихъ себя и стараются достигнуть своей цѣли кривыми путями, или измѣною друзьямъ своей юности. Еще одинъ *шагъ* — и честолюбіе становится *нападательнымъ*, выступающимъ за предѣлы, полагаемые закономъ и справедливостію. Это честолюбіе зрѣлаго возраста, для котораго нѣтъ ничего священнаго, чтобы могло удержать, или остановить порывъ его дерзкихъ желаній. Изъ сего уже можно видѣть различіе *честолюбія* отъ *любочестія*. Честолюбца мы тотчасъ узнаемъ по *неукротимости его желаній*. Тогда какъ любочестивый спокойно ожидаетъ уваженія отъ другихъ; честолюбецъ старается какъ бы силою исторгнуть оное и дѣлается непримиримымъ врагомъ, коль скоро его желаніе не исполняется. При томъ же тотъ и другой руководствуются совершенно различными *правилами:* любочестивый смотритъ на уваженіе отъ другихъ, какъ на предметъ достойный желанія, но въ то же время какъ на случайное только слѣдствіе его поступковъ; а для честолюбца оно составляетъ единственную и высочайшую цѣль его дѣйствованія и стремленія. Еще разительнѣе открывается это различіе въ выборѣ средствъ; ибо любочестивый избираетъ только путь добродѣтели

и заслугъ; а честолюбецъ, для достиженія своей цѣли, не гнушается ласкательствомъ, лицемѣріемъ, подкупомъ и низостями всякаго рода. Потому и слѣдствія сего различнаго образа дѣйствованія совершенно различны: ибо любочестивый пріобрѣтаетъ наконецъ постоянное уваженіе отъ всѣхъ благородныхъ и благоразумныхъ людей; а честолюбцу удается только снискать непродолжительную благосклонность обманутыхъ доброжелателей и друзей, или обманчивую преданность толпы и недостойныхъ, низкихъ его поклонниковъ. Особенный родъ честолюбія есть исканіе титуловъ, или *любоначаліе*, которое означаетъ *страсть къ гражданской чести* и *внѣшнимъ отличіямъ оной въ обществѣ*. Строгій порядокъ и справедливость требуютъ, чтобы въ гражданскомъ обществѣ, въ которомъ, какъ и вездѣ, нѣтъ ничего равно совершеннаго, каждый *членъ* занималъ свое мѣсто относительно своего гражданскаго достоинства. Но здѣсь иногда является разительное противорѣчіе съ нравственнымъ порядкомъ вещей, который мы должны предпочитать всякому другому.

1) *Честолюбецъ обожаетъ наружную честь* точно также, какъ корыстолюбецъ — богатство, или сладострастный — плотскія наслажденія. Мысль, содѣлаться предметомъ всеобщихъ похвалъ, прогремѣть между современниками и въ потомствѣ, представляетъ столько очаровательнаго для честолюбца, что онъ под-

чиняетъ ей всѣ другія склонности и готовъ жертвовать ей самою жизнію. Такъ *Александръ Великій*, старшій *Сципіонъ* и *Помпей*, во цвѣтъ лѣтъ отвергаютъ любовь своихъ супругъ, чтобы только утолить жажду славы, и Агриппина, мать Неронова, открываетъ тайну своего сердца въ слѣдующихъ словахъ: онъ не пожалѣетъ убить меня, только бы сдѣлаться Императоромъ (occidat, modo imperet). И при всемъ томъ, эта слава есть бездушный кумиръ; она не основывается ни на истинѣ, или мудрости, ни на какомъ либо божественномъ приговорѣ совѣсти, но на суетныхъ похвалахъ обманутыхъ и взаимно обманывающихъ; она блеститъ, подобно воздушному явленію, и подобно ему исчезаетъ; но въ глубинѣ нѣдръ своихъ носитъ мерзость порока, суетности и обольщенія. Равнымъ образомъ честолюбіе

2) *Ограничиваетъ сознаніе* и похищаетъ у человѣка, ему преданнаго, внутреннюю свободу. Всѣ прочія страсти имѣютъ, по крайней мѣрѣ, извѣстные промежутки, во время которыхъ духъ и сердце успокоиваются. Одно честолюбіе непрестанно тлится, подобно сокрытому пламени, во глубинѣ души; оно не позволяетъ никакого упражненія, никакого разсѣянія, никакого удовольствія; его не забавляютъ никакія семейственныя радости, никакой очаровательный видъ природы; ослѣпленный имъ проходитъ безъ вниманія мимо прекрасныхъ, цвѣтущихъ дубравъ и мечтаетъ только о на-

нахъ и великолѣпныхъ чертогахъ; оно не даетъ покоя спящему, никакого упѣшенія въ старости; всегда глубже и глубже внѣдряется оно, подобно крутящемуся потоку, въ уязвленное сердце; подобно колесу Иксіона вертится непрестанно въ своихъ суетныхъ надеждахъ къ собственному мученію; и мысли честолюбца блуждаютъ подобно ворону (Сирах. XXXIII, 5).

3) Упоенный честолюбіемъ подавляетъ въ себѣ *чувство всякой другой обязанности*, и послѣ того бываетъ способенъ къ ужаснымъ порокамъ и преступленіямъ. Дабы предварить другихъ и свободно продолжать путь свой, честолюбецъ освобождаетъ себя отъ всякаго закона и правила. Исполненіе долга несовмѣстно съ его планами; мысль о Богѣ, вѣчности и воздаяніи, для него не имѣетъ никакого значенія; ему кажется позволеннымъ все, чего онъ ни желаетъ, и вся забота его состоитъ только въ томъ, чтобы искусно прикрыть преступленіе. Исторія Авессалома, Авимелеха, Аталія, жизнь Ромула, Александра Великаго, Катилины и другихъ, имъ подобныхъ, представляютъ примѣры ужаса. Нѣтъ ничего удивительнаго, что честолюбіе

4) *Причиняетъ ужасныя бѣдствія.* Въ школахъ оно производитъ духъ напряженный, поддѣльный талантъ, который ослабѣваетъ, какъ скоро медлитъ награда и дремлетъ ободритель. Въ семействѣ оно разрушаетъ внутреннее благосостояніе и миръ и поселяетъ гор-

досшь, ненависшь, раздоры. Въ общежишіи возжигаешъ брань и пробуждаешъ духъ паршій, и на шронѣ дѣлаешся бичемъ подданныхъ и опчаяніемъ народовъ. Наконецъ и самъ честолюбецъ часшо дѣласшся жершвою своей сшрасши; въ счасшіи онъ ненасышимъ и безпресшанно шребуешъ новаго ѳиміама; а въ несчасшіи нигдѣ не находишъ покоя и ушѣшенія.

5) Наконецъ *тщеславіе* всегда доказываешъ мелочный, низкій образъ мыслей. Почешное шишло досшавляешъ шолько условленное, наружное почшеніе, а не исшинное уваженіе; чѣмъ болѣе распросшраняешся нравсшвенное образованіе, шѣмъ ясніе опкрываешся, что шишло должно усшупишь высшимъ поняшіямъ общежишія.

Впрочемъ сколь ни ясны и ни убѣдишельны сіи доводы, но не безполезно присоединишь къ нимъ нѣкопорыя *предохранительныя средства* опъ сей сшрасши, сшоль сильно овладѣваюшей пылкими и сильными душами. Въ эшомъ опношеніи весьма важны слѣдующія размышленія и правила:

1) Мы должны взирашь на сшрасшь къ почесшямъ и славѣ, какъ на *случайное побужденіе добродѣтели*, копорое сосшавляешъ шю же самое для юносши, что игра для дѣшсшва. Необразованные люди, говоришъ Цицеронъ (de fin. V, 24), обладая опличными шаланшами, часшо увлекаюшся честолюбіемъ, имѣющимъ большое сходсшво съ добродѣшелію; но досшигнувъ извѣсшной сшепени нравсшвеннаго образованія,

узнаютъ обманчивость сего побужденія и начинаютъ слѣдовать вѣрному руководству своей совѣсти и обязанности. Кто сначала имѣетъ въ виду мнѣніе другихъ, а потомъ уже свою обязанность, тотъ скоро сдѣлается безъ свидѣтелей преступникомъ; но кто полагаетъ честь свою въ свидѣтельствѣ Бога и своей собственной совѣсти, тотъ и въ уединеніи будетъ исполнять свои обязанности.

2) Мы должны помышлять *о тягости, непостоянствѣ и ничтожности* внѣшнихъ почестей. Если онѣ не заслужены, то возбуждаютъ негодованіе и месть за то, что расточаютъ ихъ; если же заслужены, то почитатели скоро перестаютъ уважать ихъ и охотнѣе оказываютъ честь льстецамъ и расточителямъ. Въ каждомъ случаѣ слава есть пустая мечта; «я утомленъ ею, пишетъ Эразмъ къ Меланхтону, если только она имѣетъ вообще какое нибудь значеніе.» (Epist. I. XIX. C. 3.). Безмятежная и уединенная жизнь, о которой мы имѣемъ весьма назидательное небольшое сочиненіе Плутарха (Λάθε βιώσας, l. de occulte vivendo), особенно способствуетъ къ проясненію и усиленію въ насъ этой мысли.

3) Мы должны помнить, что слава въ потомствѣ есть, хотя благодѣтельная, но при всемъ томъ несомненная *мечта*. Сія мечта весьма обыкновенна, по свидѣтельству исторіи и опыта. Эпикуръ повелѣлъ въ своемъ завѣщаніи праздновать по смерти день своего рожденія и услаждался мыслію при этомъ будущемъ тор-

жествѣ своемъ (Diog. Laërt. C. X. § 10.). Цицеронъ говоритъ объ одномъ благородномъ своемъ соотечественникѣ, что онъ такъ живо переносился въ потомство, что будто бы начиналъ жить по смерти (de senectute. C. 23). Сія надежда благодѣтельна: ибо если бы не одушевляло насъ очарованіе славы въ потомствѣ; то многіе воины не пошли бы съ такою храбростію на опасность; многіе патріоты не рѣшились бы пожертвовать собою для отечества; многіе богатые люди не захотѣли бы воздвигнуть богоугодныхъ заведеній. Изъ сей господствующей въ родѣ человѣческомъ любви къ славѣ старались даже вывести доказательство безсмертія души человѣческой, и такимъ образомъ смѣшивали существованіе одного имени съ существованіемъ самой личности. Но какъ заблуждается тотъ, кто страшится истлѣть въ прахѣ по смерти своей; такъ питается ложною надеждою и тотъ, кто мечтаетъ быть присущимъ свидѣтелемъ славы своей по смерти (Antoninus de se ipso VI, 14). Тогда бы мы должны были терпѣть сугубое мученіе, представляя себѣ, что по смерти скоро будемъ забыты, или содѣлаемся предметомъ презрѣнія и порицаній. Природа руководствуетъ насъ призракомъ къ добродѣтели только дотолѣ, пока мы не постигнемъ истиннаго существа ея. Питая въ себѣ такія мысли, мы лишаемся одного только ложнаго утѣшенія, и тѣмъ удобнѣе

разсѣеваемъ мечты честолюбія, рѣдко доставляющія намъ истинное спокойствіе.

Charron de la sagesse (пер. Виллемеръ) I, 56. III, 40. Проповѣдь *Бурдалу* sur l'ambition. Проповѣдь *Аммона*, о честолюбіи, ч. I. 6. Пропов. *Рейнгарда*, объ участи быть забытымъ. Проп. 1802 года, ч. II, стр. 500. О предстоящей намъ печальной участи забвенія; въ нравственныхъ урокахъ Аммона. Геттинг., 1804, ч. I, стр. 87 и пр.

§ 21.

Достоинство роскоши.

Не менѣе важны для нашего счастія издержки, употребляемыя на нѣкоторыя утонченныя наслажденія жизни, выходящія изъ предѣловъ крайней необходимости. Но какъ составленіе и раздробленіе понятія о роскоши соединено со многими трудностями: то и вопросъ о нравственномъ ея достоинствѣ открываетъ обширное поле для діалектики; ибо доказатель-

ства, защищающія и отвергающія роскошь, имѣютъ по видимому равную силу. Впрочемъ разумъ не осуждаетъ роскоши, и въ наше время она не можетъ быть изгнана даже изъ хижинъ низшаго класса народа.

Поняпіе о *роскоши* было предметомъ долговременнаго спора Политики, Экономіи и Нравоученія; потому что трудно опредѣлить ея границы. Впрочемъ нельзя не согласишься, что она состоитъ 1) въ извѣстныхъ *издержкахъ,* или въ изобиліи средствъ, способствующихъ къ благосостоянію, касательно пищи, прислуги, платья, или вида и внѣшняго образованія. Въ хижинѣ бѣднаго, въ храмѣ квакеровъ, на столѣ поденьщика, обмакивающаго кусокъ хлѣба въ воду, исчезаютъ всѣ слѣды роскоши; ибо здѣсь нѣтъ никакихъ средствъ къ тому, чтобы сдѣлать что нибудь болѣе, нежели сколько требуютъ самыя необходимыя нужды. Роскошъ имѣетъ цѣлію 2) болѣе утонченное удовлетвореніе потребностямъ жизни, которыя начинаются пріятною удобностію и оканчиваются самою утонченною пышностію. Роскошъ бываетъ различная, какъ-то: роскошъ вкуса въ приготовленіи пищи и питія, роскошъ обонянія въ употребленіи благовоній, роскошъ слуха въ музыкѣ, роскошъ зрѣнія въ платьѣ и

нарядѣ, роскошъ осязанія въ мягкихъ одеждахъ и ложахъ, роскошъ фантазіи въ произведеніяхъ искусства, роскошъ тона въ сентиментальныхъ обществахъ, роскошъ искусственнаго чувства въ употребленіи табаку и опіума. Во всѣхъ сихъ случаяхъ цѣль роскоши есть наслажденіе и притомъ наслажденіе свободное, которое превышаетъ непосредственныя простыя ощущенія и можетъ быть произведено только посредствомъ искусственнаго приготовленія. Такимъ образомъ, существенный признакъ роскоши состоитъ въ томъ, что она 3) *превышаетъ обыкновенныя и необходимыя потребности природы и разума.* Человѣкъ, находящійся въ естественномъ состояніи, и философъ не знаютъ роскоши. Нѣтъ роскоши природы вообще, нѣтъ роскоши истины и добродѣтели; но есть роскошъ разума и внутренняго чувства, когда успѣхи гражданскаго образованія способствуютъ искусственнымъ образомъ внутреннему наслажденію. Впрочемъ понятіе роскоши, равно какъ и самой нужды, есть понятіе *относительное;* ибо безъ чего можетъ обойтися человѣкъ въ здравомъ, или естественномъ состояніи, то, для человѣка больнаго и стоящаго на высшей степени гражданственности, привычка дѣлаетъ необходимымъ. Конечно употребленіе винограда не есть роскошъ, но употребленіе вина—роскошъ; только привычка и болѣзнь дѣлаютъ его потребностію. Полотно есть роскошъ для Готтентота, но для Евро-

нейца оно составляетъ потребность; большой гардеробъ есть роскошь для поселянина, но потребность для женщины большаго свѣта; богатая библіотека есть роскошь для ученика, но потребность для ученаго. Здѣсь все зависитъ отъ климата, состоянія, воспитанія и образованія. *Кантъ* (Антропол. стр. 200) раздѣляетъ роскошь на *пышность*, сопровождаемую излишними, хотя разорительными, но со вкусомъ сдѣланными издержками; какъ напримѣръ, на балы и театры, и на *расточительность*, сопровождаемую издержками, сдѣланными безъ всякаго вкуса, и гибельную для здоровья. Съ меньшимъ остроуміемъ, но съ большею правильностію можно раздѣлить ее на роскошь *чувственную* и *духовную*, или на роскошь *позволительную* и *непозволительную*. Роскошь чувственная не подлежитъ никакому сомнѣнію. Одно зрѣніе уже ненасытимо въ своихъ наслажденіяхъ; ибо для искусственнаго удовлетворенія ему мы не только раскищаемъ цѣлую природу, но и всячески стараемся поддѣлаться подъ нее; такъ мы имѣемъ поддѣльные камни, поддѣльные кашемиры, перлы, кружева, блонды, зубы, даже руки и ноги. Но есть роскошь и духовная, подъ которою разумѣется роскошь всѣхъ силъ души, кромѣ одного разума, неразлучнаго съ характеромъ необходимости. Такъ новѣйшая Мнемоника есть роскошь памяти, употребленіе опіума — роскошь фантазіи. Второе раздѣленіе сего понятія

на роскошь *позволительную* и *непозволительную* будешь гораздо проспѣе, если только оно не теряетъ силы своей отъ возраженія ригористовъ, которые безусловно отвергаютъ роскошь и считаютъ ее дѣломъ безнравственнымъ. Это приводитъ насъ къ разсужденію о роскоши вообще и ея нравственномъ достоинствѣ, въ которомъ сомнѣвались, полагая, что она

1) *Несогласна съ нравственнымъ назначеніемъ человѣка.* Мы имѣемъ нужду въ маломъ, говорятъ они, для поддержанія нашей жизни, и должны довольствоваться тѣмъ, что предлагаетъ намъ природа. Къ чему изобрѣтать нужды, которыя не доставляютъ намъ никакого счастія, когда мы удовлетворяемъ имъ, но рождаютъ только несчастія, когда отказываемся отъ нихъ? Кромѣ того она

2) *Разслабляетъ человѣка и погружаетъ его въ чувственность.* Она раздражаетъ нашу чувственность, напрягаетъ наши ощущенія, изнуряетъ организмъ и не позволяетъ чувствамъ достигать до яснаго сознанія самихъ себя. Тамъ, гдѣ господствуетъ роскошь, высшія науки приходятъ въ упадокъ, характеръ искажается, сила слабѣетъ, героизмъ исчезаетъ и народъ засыпаетъ въ объятіяхъ постыднаго сладострастія.

3) Наконецъ роскошь *вредна для добродѣтели и нравственности цѣлой націи.* Доколѣ Спартанцы, Римляне и Нѣмцы были умѣренны и

презвы, доколѣ они отличались мужествомъ и простотою нравовъ; но какъ скоро вторглась къ первымъ роскошь Азіятская и Египетская, къ послѣднимъ роскошь Итальянская и Галльская; то сіи благороднѣйшіе изъ всѣхъ народовъ древняго міра содѣлались робкими, низкими, сладострастными, вѣроломными и предателями своего собственнаго отечества. Еще и теперь въ большихъ городахъ роскошь и общественное повреждение нравовъ весьма тѣсно соединены между собою.

Но сіи возраженія потеряютъ большую часть своего значенія, когда мы замѣтимъ, что

1) Разумъ отвергаетъ расточительность, а не роскошь. Иначе онъ долженъ былъ бы запретить употребленіе вина, мяса, особенной одежды, лошадей, колесницъ и всѣхъ удобностей, признанныхъ въ жизни общественной. Напротивъ, служеніе Левитовъ было пышно, храмъ Іерусалимскій былъ чудомъ древняго міра.

2) Роскошь не дѣлаетъ людей ни бѣдными, ни изнѣженными, ни лѣнивыми, ни сладострастными; но все это дѣлаетъ злоупотребленіе ея. Римляне при Кесарѣ были роскошнѣйшимъ народомъ и не смотря на то покорили полсвѣта. Правда, бѣдная земля можетъ обнищать отъ роскоши; но плодоносное и благословенное государство можетъ сдѣлаться только посредствомъ ея истинно богатымъ и цвѣтущимъ.

Народы, живущіе безъ роскоши, вообще — варвары.

3) Напротивъ, *роскошь способствуетъ къ образованію и общественному соединенію людей;* она доставляетъ цѣлымъ классамъ занятія и, облагороживая вкусъ и чувство изящнаго, располагаетъ къ умственному и нравственному совершенству. Спартанцы не знали никакой роскоши; но за то они не имѣли ни Апеллеса, ни Фидіаса, ни Софокла, ни Димосѳена. Если бы цѣлый міръ, соединенный общими нуждами, пренебрегъ роскошь; то расторглись бы узы, связывающія всѣ его части. Потому можно сказать рѣшительно, что

4) Роскошь *необходима для міра образованнаго.* Она доставляетъ человѣку счастіе, услаждаетъ его душу, переработываетъ, усовершаетъ, облагороживаетъ грубыя произведенія природы и благоразумнымъ употребленіемъ оныхъ способствуетъ ко многимъ добродѣтелямъ, подавая поводъ къ ограниченію нашихъ желаній, къ умѣренности и благодѣяніямъ.

Braun de vestitu sacerdotum Hebraicorum. Amstelod. 1701. S. 264. *Böttigers,* Sabina oder Morgensonne an dem Putzische einer Römerin. Leipz., 1803. S. 141 ff. Pörschkes Einleitung in die Moral, S. 438 ff.

§ 22.

Нравственное употребленіе роскоши.

Но чтобы роскошь не препятствовала добродѣтели отдѣльнаго человѣка, для того нужно, чтобы она не ослабляла организма его, не нарушала правъ другаго, не стѣсняла свободы и независимости личной, не руководствовала къ тщеславію и неумѣренности; но чтобы всегда освѣщаема была благоговѣйными мыслями о благости Божіей.

Для предотвращенія вредныхъ послѣдствій роскоши, господствующей почти во всѣхъ состояніяхъ, необходимо долженъ каждый

1) *Избѣгать роскоши, разслабляющей тѣло и сокращающей жизнь его.* Каждый долженъ поставить себѣ за правило воздерживаться съ раннихъ лѣтъ отъ всѣхъ сильныхъ и особенно льстящихъ чувственности раздраженій жизни. Равнымъ образомъ

2) Каждый долженъ *избѣгать роскоши, ведущей къ несправедливости въ отношеніи другихъ.*

Это случается иногда, когда издержки наши превышаютъ доходы, или чрезмѣрная пышность дома подрываетъ довѣренность заимодавцевъ и разстроиваетъ ихъ имущество; это есть также родъ обмана, который находится въ самой разительной противоположности съ правами состояній образованныхъ. Не менѣе нарушается сіе правило роскошью, ведущею семейство *къ нищетѣ и безпомощности;* ибо хотя оно и не имѣетъ полнаго права на достаточное наслѣдство, но отнять у него, неумѣреннымъ удовлетвореніемъ мнимыхъ нуждъ, средство къ будущему пропитанію, или приготовить ему несчастную будущность, противно обязанности родительской. Даже роскошь, не имѣющая никакой связи *съ состояніемъ и личнымъ образованіемъ* недѣлимаго, заслуживаетъ порицаніе; если она ведетъ къ лѣности, гордости, тщеславію и особливо если помрачаетъ весь нравственный горизонтъ человѣка. Роскошь также не должна

3) *Стѣснять свободы и независимости личной.* Это случается тогда, когда она превращается въ какую нибудь страсть, напримѣръ, въ страсть къ модамъ, театру, картамъ; или когда она препятствуетъ благотворительности, умственному образованію и дѣятельности по званію. Сверхъ сего роскошь не должна вести

4) *Къ тщеславію и неумѣренности.* Такъ ис-

торія упоминаетъ намъ о пщеславной роскоши Аѳинянъ, носившихъ обувь съ золотыми гвоздями; о расточительности Императора Вителлія, угощавшаго своихъ гостей тысячами родовъ птицъ и рыбъ, языками павлиновъ и мозгомъ фазановъ; о роскоши Клеопатры, даривщей товарищамъ Антонія послѣ каждаго стола золотыя блюда и кубки; о роскоши Китайцевъ, подающихъ на столъ до 50 кушаньевъ. Искусственныя нужды не должны переступать границы природы и законовъ ея, если только они должны быть разумны и нравственны. Наконецъ особенно важно для нравственнаго употребленія роскоши

5) *Испытаніе, можемъ ли мы наслаждаться ею съ благодарностію къ Богу?* Если предметы роскоши суть облагороженные дары природы; если они соотвѣтствуютъ нашему вкусу, нашему нравственному и изящному чувству; если мы можемъ сохранить пріятныя ощущенія, доставляемыя ими, въ чистотѣ сердца; наконецъ, если мы принимаемъ ихъ, какъ даръ, какъ награду отъ Бога и какъ средство, способствующее высшей нравственности: тогда они освящаются чувствами благоговѣнія и благодарности къ Богу, а посему наслажденіе ими есть дѣло не только позволительное, но и нравственное.

Цолликоферъ о роскоши, въ *его предосте-*

реженіи отъ нѣкоторыхъ господствующихъ пороковъ вѣка, стр. 53 и пр. *Марецолля* проповѣди о роскоши, въ его проповѣдяхъ о религіозности. Любекъ, 1787, стр. 307 и пр. *Аммона* двѣ проповѣди о вредномъ вліяніи чрезмѣрной роскоши на нашу добродѣтель, въ урокахъ, преподаваемыхъ въ духѣ Іисуса Христа. Геттинг. 1804, ч. I, стр. 293 и пр. ч. II, стр. 1 и пр.

§ 23.

Нравственный взглядъ на общества.

Другой источникъ удовольствій жизни есть участіе въ обществахъ, собирающихся для общаго отдохновенія и веселья. Такъ какъ сіи общества въ своей сущности суть не что иное, какъ распространенный кругъ семейства: то нравственное достоинство ихъ вообще не подлежитъ никакому сомнѣнію. Ибо общества предохраняютъ отъ грубости и эгоизма, отъ застѣнчивости и робости, способствуютъ ко взаимному образованію,

къ увеличенію нашихъ наслажденій и иногда къ заключенію благородныхъ узъ дружества, хотя они и несоставляютъ предмета непосредственной нашей обязанности.

Когда мы причисляемъ общества и участіе въ нихъ къ удовольствіямъ; то разумѣется, что здѣсь говорится не о политическихъ, ни о литературныхъ обществахъ; ибо они принадлежатъ, по своей важной цѣли, къ обязанностямъ касательно образованія. Напротивъ, мы здѣсь говоримъ только объ обществахъ, назначенныхъ для удовольствія и отдохновенія, объ обществахъ, которыя *приближаются къ искренности семейства, хотя впрочемъ и не имѣютъ совершенной откровенности онаго.* Поелику же въ сихъ обществахъ требуется не только благопристойное, но и нравственное поведеніе: то нравоученіе должно разсмотрѣть, какъ *нравственную позволительность* обществъ, такъ и *обязанности* въ отношеніи оныхъ. Что касается до перваго вопроса, т. е. до нравственной позволительности обществъ, то нѣкоторыя секты вовсе отвергали оную. Стоики и Циники утверждали, что человѣкъ имѣетъ столь много важнаго для своего размышленія и своей дѣятельности, что онъ вовсе не долженъ искать увеселенія въ обществахъ. Также из-

вѣстно, что въ частныхъ собраніяхъ Квакеровъ господствуетъ необыкновенная важность и торжественное молчаніе; шутки, остроты, игры и веселость изгнаны изъ ихъ обществъ. Такимъ образомъ должно согласиться, что нравственная позволительность обществъ и посѣщенія ихъ отвергаются многими, и посему не можетъ быть никакой непосредственной, или безусловной обязанности въ отношеніи оныхъ. Конечно, можно представить себѣ, что человѣкъ трудолюбивый и дѣятельный проводитъ время то въ своихъ занятіяхъ, то въ прогулкахъ, то въ попеченіи о своемъ здоровьи, и ограничивается почти всегда обращеніемъ съ однимъ своимъ семействомъ. Другой, равнымъ образомъ, не терпя пустыхъ общихъ мѣстъ перваго привѣтствія и скучныхъ разговоровъ лучшаго общества, считаетъ сіи утомительныя удовольствія *потерею времени* и любитъ употреблять праздное время на чтеніе, музыку, или переписку съ своими друзьями. Въ такихъ же мѣстахъ, гдѣ нельзя сдѣлать выбора между обществами, нравственный тонъ и духъ оныхъ могутъ быть даже такого рода, что лучше убѣгать ихъ для сохраненія свободы, неприкосновенности и чистоты своихъ правилъ. Ибо, къ несчастію, общества, составляющіяся теперь почти во всѣхъ мѣстахъ довольно значительныхъ, бываютъ болѣе вредны, нежели полезны какъ для личнаго усовершенствованія многихъ лицъ, такъ

и для счастія многихъ фамилій. Но какъ злоупотребленіе нигдѣ не можетъ уничтожить надлежащаго употребленія вещи, то это же самое можно сказать и объ обществахъ; ибо они:

1) *Способствуютъ къ образованію человѣка*, или по крайней мѣрѣ *предохраняютъ его отъ грубости и эгоизма.* Они облагораживаютъ наши ощущенія, возбуждаютъ чувство къ приличію и благопристойности, образуютъ языкъ и выраженія, изощряютъ остроуміе, доставляютъ случай къ наблюденію характеровъ людей, исправляютъ наши понятія, обогащаютъ познанія, обуздываютъ педантизмъ, обращаютъ наше вниманіе на дурныя привычки, разсѣваютъ наши предразсудки и смягчаютъ нравы. Самый надменный и отчаянный эгоистъ вступаетъ въ общество съ какою-то скромностію; ибо его удерживаетъ въ границахъ то уваженіе, въ которомъ онъ не можетъ отказать соединенному въ обществѣ познанію и достоинству другихъ. Равнымъ образомъ общества предохраняютъ

2) *Отъ застѣнчивости, робости и недовѣрчивости*, обыкновенныхъ недостатковъ людей, сидящихъ въ своихъ кабинетахъ, и именно ученыхъ. Такъ какъ во время уединенныхъ своихъ трудовъ они занимаются только съ самими собою безъ всякаго посторонняго вліянія, то они дѣлаются односторонними, гордыми, сердитыми и своенравными; когда же вы-

ходящъ за порогъ своего кабинета и вступаютъ въ общество, то вдругъ приходятъ въ замѣшательство и хотятъ освободиться отъ него чрезвычайною учтивостію. Но это потерянное равновѣсіе скоро возстановляется въ обществѣ, которое доставляетъ каждому возможность дѣйствовать своимъ собственнымъ образомъ. Потому несомнѣнно, что общество

3) *Увеличиваетъ число нашихъ наслажденій въ жизни.* Человѣкъ мрачный, безчестный, преслѣдуемый своею совѣстію, конечно будетъ избѣгать общества; потому что онъ боится тамъ встрѣтить упрекъ, холодность, неуваженіе, или явное презрѣніе. Но человѣкъ добрый и свободный отъ занятій всегда лучше согласится быть между подобными себѣ, нежели оставаться въ уединеніи; потому что онъ тамъ удовлетворяетъ естественному своему стремленію къ общежитію; тамъ забываетъ онъ свои скорби и несчастія; тамъ, при веселыхъ шуткахъ, находитъ для себя отдохновеніе; тамъ наблюдаетъ онъ людей, сообщаетъ другимъ свои познанія, мѣняется своею опытностію, пользуется участіемъ, уваженіемъ и благорасположеніемъ другихъ людей, и наконецъ съ новыми силами опять возвращается въ объятія своего семейства. Сверхъ сего общество нерѣдко бываетъ

4) *Школою испытаннаго дружества.* Знакомство, пріобрѣтаемое въ обществѣ, хотя не есть еще совершенное сближеніе сердецъ, но по крайней мѣрѣ оно служитъ къ тому основа-

ніемъ; оно соединяетъ насъ тѣснѣе съ тѣмъ, кто имѣетъ одинакія съ нами мысли, чувствованія и правила жизни; оно утверждаетъ союзъ общественной, духовной и нравственной жизни, соединяетъ твердѣйшими узами сердца, одинаково настроенныя, и располагаетъ насъ ко всегдашнему образованію, облагороженію себя и къ вѣрности. Человѣкъ, не имѣющій друга, бѣденъ при всемъ своемъ изобиліи и богатствѣ; онъ долго ищетъ его и счастливъ, когда находитъ.

Першке, Введеніе въ Нравоученіе, стр. 326. *Книгге*, Объ обращеніи съ людьми. *Гарве*, Объ обществѣ и уединеніи. Бреславль, 1799.

§ 24.

Нравственное участіе въ обществѣ.

Но чтобы общество существенно способствовало къ нашему счастію, для сего нужно избирать и опредѣлять удовольствія онаго; уважать достоинство свободнаго и непринужденнаго обращенія; считать глав-

нымъ условіемъ истинно хорошаго тона приличіе и скромность; сохранять свободу друзей и уваженіе къ самимъ себѣ; оказывать обществу, въ которомъ участвуемъ, какъ нравственному лицу, справедливость и вѣрность; стараться о благородной вѣжливости и учтивости, которая хотя составляетъ одну только внѣшнюю форму и одно обыкновеніе, но ведетъ къ истинному благорасположенію и къ истинной любви ближнихъ.

Если бы люди, считающіе правомъ своимъ одно только писанное и утвержденное законами, сошлись въ обществѣ и начали дѣйствовать по своимъ положительнымъ правиламъ: то общество ихъ было бы самое скучное и самое несносное; ибо члены онаго, по своей взаимной холодности и равнодушію, должны молчать, или разыгривать свои выученныя роли. Но кто проникнулъ въ самую глубину нравоученія, безъ помощи котораго никто не можетъ дать силы законамъ, тотъ не можетъ сомнѣваться, что каждое внѣшнее право основывается на внутреннемъ, и достойное участвованіе въ обществѣ зависитъ отъ тонкаго и вѣрнаго чувства къ симъ

внутреннимъ правамъ каждаго существа свободнаго. Основываясь на этомъ положеніи, мы должны поставить за обязанность каждому любителю общества

1) Быть осторожнымъ *въ выборѣ* и опредѣленіи *числа* лицъ, входящихъ въ кругъ его общества,—осторожнымъ *въ выборѣ* потому, что дурныя общества развращаютъ добрые нравы; кто обращается съ людьми вѣтренными, подозрительными, или развращенными, тотъ навлекаетъ подозрѣніе на свою собственную добродѣтель; во всякомъ случаѣ ни съ чѣмъ несообразно и безразсудно обращаться съ такими людьми, которые не могутъ доставить намъ въ замѣнъ никакихъ благородныхъ чувствованій и познаній. Вообще разговоры пѣхъ людей, которые прежде были чужды всякаго удовольствія, бываютъ самые пошлые, низкіе и опвратительные. Что же касается до *числа* друзей, то, по совѣту *Варрона* и, послѣ него, *Канта*, оно должно простираться отъ числа грацій до числа музъ: multas esse non convenit, quod turba plerumque est turbulenta (Gellii n. A. L. XIII, c. 11.). Хотя *Рейнгардъ* старался защитить большія общества (über den sittlichen Werth derselben in f. Pred. v. I. 1800. D. I. S. 61.), потому что они способствуютъ къ познанію людей, питаютъ наше благорасположеніе къ нимъ и весьма важны для собственнаго нашего обращенія съ другими; но онъ самъ долженъ согласиться, что такія обще-

ства способствуютъ болѣе къ разсѣянности; пышности и ласкательству, и походятъ на биржу, куда собираются только за тѣмъ, чтобы начать разговоръ и не кончить его. Не менѣе нужно, чтобы

2) *Свободный и непринужденный разговоръ былъ душею хорошаго общества.* Посему надобно посѣщать такія общества, гдѣ лице, могущее сообщить многое, играетъ первую роль и имѣетъ всѣ права на достоинство и гражданскія преимущества. Неправильное же присвоеніе сей роли, основывающееся или на знатности рода, или на богатствѣ, или на чинахъ, или на ученой гордости, всегда разстроиваетъ общество, налагаетъ на лучшихъ и болѣе скромныхъ членовъ онаго узы несноснаго принужденія и подавляетъ удовольствія общества въ самомъ ихъ зародышѣ. Общество большаго свѣта часто бываетъ неловко и безжизненно только потому, что присутствіе особъ важныхъ налагаетъ на уста печать молчанія, или потому, что многіе, опасаясь своей живости и самостоятельности, всегда прерываютъ разговоръ, какъ скоро онъ начинаетъ быть живымъ и занимательнымъ. Посему

3) *Пристойность и скромность*, или благородная семейственная жизнь должна быть образцемъ и главнымъ условіемъ истинно *хорошаго тона* въ обществѣ. Почти всякой разговоръ начинается *съ мѣстъ общихъ*; кто скорѣе отдѣлывается отъ нихъ, тотъ избѣгаетъ *вялo-*

сти разговора, несносной *для* человѣка мыслящаго и умнаго. Кто не хочетъ раскаяваться въ словахъ своихъ, тотъ долженъ отзываться объ отсутствующихъ такъ же, какъ бы онъ сталъ говорить объ нихъ въ ихъ присутствіи. Педанты и журнальные ученые стараются выказать свои небольшія познанія съ большею самонадѣянностію; но оракоръ и ученый желаютъ болѣе блистать въ аудиторіяхъ, а не въ обществѣ, гдѣ *каждый* хочетъ слышать, или говорить что нибудь вообще занимательное. *Въ жару разговора* иной забывается и отъ нелѣпостей переходитъ къ рѣзкимъ пословѣчіямъ, грубостямъ и оскорбленіямъ: таковъ обычай *вздорныхъ эгоистовъ*, которые, какъ нарушители спокойствія, несперпимы во всякомъ благонамѣренномъ обществѣ. Самая *острота* и *сатира* имѣютъ свою скромность, и потому тщательно должно стараться, чтобы она не была личною и оскорбительною, хотя и трудно человѣку съ геніемъ удержаться отъ рѣзкаго слова. Потому

4) Мы должны *сохранять свободу друзей своихъ и уваженіе къ самимъ себѣ.* Свобода другихъ стѣсняется, когда мы заграждаемъ уста ихъ своею *необдуманною откровенностію,* или обыкновенною болтливостію, либо когда хотимъ догматическимъ тономъ учить ихъ тому, чего не знаемъ сами, или по крайней мѣрѣ узнали недавно. Ибо каждому человѣку желательно приложить къ общему разговору что

нибудь свое собственное, и потому приведеніе другихъ въ замѣшательство столь же достойно порицанія, какъ и та *нескромная молчаливость*, которая или происходитъ отъ страха и робости, или имѣетъ источникомъ своимъ недовѣрчивость къ другимъ, или къ самому себѣ. Съ другой же стороны, *уваженіе къ себѣ самому* не позволяетъ благородному человѣку принимать на себя роль шута и возбуждать общій смѣхъ двусмысленными и пошлыми шутками, или забавными разсказами и уродливыми гримасами. Забавникъ хотя и бываетъ любимъ, но не уважаемъ; самые *анекдоты*, на разсказываніи которыхъ многіе основываютъ славу своего свѣтскаго таланта, суть только выходки, или вставки, служащія болѣе къ сокращенію скучнаго времени, или къ возбужденію вольности, нежели къ содѣйствію истинной веселости. При томъ отдѣльное общество, какъ лице нравственное, имѣетъ

5) Право на *справедливость и вѣрность своихъ сочленовъ*. Потому неприлично нарушать тишину общества сильными порывами чувствительности и горячности, хотя бы мы и возбуждены были къ тому другими, и еще неприличнѣе злоупотреблять довѣренностію друзей своихъ, пересказывать другимъ тайны ихъ и унижаться до презрѣнной роли лазутчика. Общая веселость дружескаго общества часто доводитъ до откровенности, и нерѣдко самые добрые люди, разсуждающіе о другихъ по се-

бѣ самимъ, доходятъ до неосторожности, погрѣшающей болѣе противъ благоразумія, нежели противъ долга и истины. Кто, уловляя такія минуты искренняго изліянія сердца, пользуется ими ко вреду своего друга; тотъ человѣкъ самый негодный, достойный презрѣнія и нетерпимый въ обществѣ. Напротивъ, главное условіе веселости въ обществѣ есть

6) *Истинная и благородная услужливость*, которая состоитъ въ искреннемъ стремленіи освободить другихъ отъ какой нибудь непріятности и возбудить въ нихъ словами и поступками пріятныя чувствованія. Нѣжное и благородное чувство доставляетъ къ сему множество поводовъ, не принуждая насъ унижаться до пустаго ласкательства, или до безнравственной угодливости. Услужливость человѣка добродѣтельнаго совершенно отлична отъ пустой, притворной услужливости модника, и потому заслуживаетъ, по своей искренности, величайшее уваженіе и взаимную любовь.

Ср. *La Bruyère*, Caractères, chap. V, de la société et de la conversation, и особенно *Delille*, Sur la conversation, Paris, 1812, гдѣ въ первой и второй пѣсни подробно говорится о недостаткахъ общественной бесѣды.

§ 25.

О семейственномъ счастіи.

Къ самымъ благороднымъ наслажденіямъ въ жизни принадлежитъ *семейственное счастіе*, или домашнія удовольствія, вкушаемыя нами въ кругу семейства. Достоинство его не подлежитъ никакому сомнѣнію; ибо оно составляетъ неисчерпаемый источникъ наслажденій, способствуетъ къ нравственному образованію и имѣетъ весьма сильное вліяніе на благосостояніе отечества. Впрочемъ семейства рѣдко наслаждаются симъ счастіемъ; они находятъ препятствія къ тому въ невѣрности супружеской, въ расточительности, непокорности, безпечности и недовольствѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Потому средствами къ семейственному счастію служатъ вѣрность супружеская, бережливость и умѣренность, исполненіе своей обязанности, попеченіе о домѣ и сохраненіе нравственнаго семейственнаго порядка.

Еще шьснѣе, нежели всѣ прочія удовольствія,

соединено съ природою человѣческою *семейственное счастіе,* которое лучшіе изъ иностранныхъ проповѣдниковъ весьма сильно и живо изображали и со стороны религіозной. Подъ именемъ *семейственнаго счастія* обыкновенно разумѣютъ *общее наслажденіе чистыми семейственными удовольствіями* — совокупность пріятныхъ ощущеній, испытываемыхъ въ тѣсномъ обращеніи съ своими домашними, съ которыми мы составляемъ отдѣльный кругъ, дѣлимъ плоды своихъ трудовъ и, бесѣдуя, вкушаемъ тихое, непринужденное удовольствіе, не доставляемое намъ никакими дарами счастія; ибо оно есть плодъ взаимнаго согласія, любви и участія всѣхъ членовъ семейства въ общихъ удовольствіяхъ. Касательно *наслажденія* симъ счастіемъ, великое и важное достоинство онаго не подлежитъ почти никакому сомнѣнію: ибо здѣсь развиваются чувства дружбы и преданности; здѣсь находится источникъ тихихъ удовольствій; здѣсь сосредоточивается все, что взаимная помощь имѣетъ благодѣтельнаго, любовь — усладительнаго, соревнованіе — возбудительнаго, тѣсное сообщеніе — назидательнаго и благотворнаго. Несчастливъ и никогда не можетъ быть истинно счастливымъ тотъ, кто не находитъ удовольствія въ кругу своихъ домашнихъ. Сверхъ того, семейственное счастіе есть самое превосходное средство *къ нравственному образованію:* ибо здѣсь каждый является такимъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ,

и узнаетъ въ тайномъ, или явномъ неудовольствіи своихъ домашнихъ недостатки, происходящіе или отъ темперамента, или отъ дурной привычки; здѣсь мы можемъ имѣть право порицать другихъ тогда только, когда сами не заслуживаемъ никакого порицанія; здѣсь каждый, желая быть достойнымъ уваженія своихъ домашнихъ, держится въ границахъ порядка и приличія. Ревностное желаніе усовершенствованія находитъ здѣсь свою пищу; преданность, искренность, расположенность и любовь связываютъ членовъ семейства тѣснѣйшими узами; здѣсь царствуетъ простота, невинность, и чистота нравовъ; ненависть, зависть и раздоръ здѣсь умолкаютъ, недовѣрчивость исчезаетъ. Посему кто убѣгаетъ семейства, тотъ во многихъ случаяхъ имѣетъ причину сомнѣваться въ своей правотѣ, въ своемъ нравственномъ достоинствѣ, въ своемъ миролюбіи и расположеніи къ нему. Семейственное счастіе имѣетъ весьма тѣсную связь съ самыми *общими благами;* ибо гдѣ нѣтъ въ семействѣ согласія, любви и расположенія другъ къ другу, тамъ характеръ человѣка грубѣетъ, тамъ страсти всегда получаютъ новую пищу, тамъ воспитаніе дѣтей пренебрегается и возникаетъ зародышъ къ будущимъ порокамъ и преступленіямъ. Съ другой стороны, порядокъ домашній тѣсно соединенъ съ порядкомъ общественнымъ; домашняя дѣятельность возбуждаетъ ревность къ общественной должности; домашнее спо-

койствіе содѣйствуетъ къ спокойствію отечества и взаимная любовь членовъ семейства— къ истинному, сильному патріотизму. Впрочемъ *домашнее счастіе* рѣдко бываетъ въ семействахъ; ибо оно повсюду встрѣчаетъ величайшія *препятствія*. Многіе *не желаютъ даже* его, ибо имъ кажется оно слишкомъ *простымъ* и *обыкновеннымъ;* такимъ людямъ нельзя и пособить, потому что они хотятъ упиваться, а не наслаждаться удовольствіями. Другіе нарушаютъ *супружескую вѣрность,* или по крайней мѣрѣ легкомысленно разсуждаютъ о святости супружескаго союза; но гдѣ самыя главы семейства не согласны, или исполнены недовѣрія и презрѣнія другъ къ другу, тамъ не можетъ процвѣтать довольство и истинное счастіе. Нѣкоторымъ не достаетъ *умѣренности* и *бережливости*, чтобы соразмѣрять свои расходы съ приходомъ; а отъ сего исчезаетъ внутреннее счастіе семейства; слѣдствіемъ легкомыслія почтасъ бываютъ разстройство, заботы и печаль, нерѣдко презрѣніе, позоръ и бѣдствіе. Во многихъ семействахъ господствуетъ неограниченная *роскошь*, вконецъ разоряющая ихъ; *склонность къ безпорядочной жизни и къ разстьянію,* отчуждающая и разъединяющая членовъ семейства; *страсть къ чтенію, не управляемая разсудкомъ*, увеличивающая въ умахъ поверхностность, самохвальство познаніями и кичливость разума и едва скрываемая *безрелигіозность,* предпочитающая романы Библіи,

а театръ храмамъ; *высшія,* или полуобразованныя *состоянія* подаютъ другимъ состояніямъ соблазнительный примѣръ домашнихъ безпорядковъ, и такимъ образомъ вездѣ встрѣчаешь людей *недостойныхъ*, за постыдную цѣну жертвующихъ пороку невинностію и вѣрностію, супругами и дѣтьми. Посему кто хочетъ наслаждаться домашнимъ счастіемъ, тотъ не долженъ упускать изъ виду тѣхъ условій и средствъ, которыя могутъ доставить ему это завидное счастіе и его упрочить. Во первыхъ, онъ долженъ заняться своимъ собственнымъ *исправленіемъ* и *облагороженіемъ;* ибо своенравный, самолюбивый, обладаемый страстями и несогласный съ самимъ собою человѣкъ неспособенъ къ тому единодушію, которое гармонически настраиваетъ души и соединяетъ ихъ согласіемъ и счастіемъ. Потомъ онъ долженъ стараться о *воздержности* и *умѣренности,* и отказаться отъ того пустаго тщеславія, будто бы честь и слава дома зависятъ отъ большихъ расходовъ и роскошной жизни; долженъ *тщательнымъ и вѣрнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей* пріобрѣтать почтеніе своихъ родныхъ и удаляться частыхъ разсѣяній, увлекающихъ его въ чужія общества и удовольствія и раздружающихъ съ домашними. Даже въ дружескомъ обхожденіи съ людьми близкими долженъ онъ сохранять *благородную важность* и *достоинство,* соединенное съ кротостію, дабы не потерять ихъ уваженія, или по крайней мѣ-

рѣ не быпь уважаему ими менѣе, нежели сколько пребуетъ положеніе его въ семействѣ и общее благополучіе онаго. Болѣе всего ему нужно стараться о *нравственномъ порядкѣ* въ семействѣ, дабы между домашними его господствовали справедливость, живое чувство къ истинѣ, праву и добродѣтели. Если глава семейства хорошо управляетъ домомъ, то въ немъ не бываетъ ни безчестности, ни вѣроломства, ни роскоши, ни властолюбія; тамъ господствуетъ спасительное омерзѣніе къ пороку.

Цолликоферъ, о достоинствѣ семейственнаго счастія, въ его проповѣдяхъ о достоинствѣ человѣка, D. II, S. 168 ff.; о причинахъ недостатка въ семейственныхъ удовольствіяхъ, въ проповѣдяхъ, изданныхъ послѣ его смерти. B. III. S. 227 ff.; *Шпальдингъ*, о счастіи семейной жизни, въ его проповѣдяхъ на особенные случаи. Frankfurt, 1775, S. 304 ff. Pischons Philoikos zur Beförderung hausslicher Tugend und Glückseligkeit, 2 Th. Leipzig, 1797. Marezoll's Predigten, Lehren und Warnungen für unser Zeitalter. Erste Hälfte. Kopenhagen, 1801. S. 303 ff. *Рейнгардъ*, о поддержаніи семейственнаго счастія, въ его проповѣдяхъ на 1805 годъ. B. I, S. 314 ff.

§ 26.

О зрѣлищахъ.

Многіе, если не всѣ, ищутъ главнымъ образомъ своего счастія въ *забавахъ*, совершенно противоположныхъ важнымъ занятіямъ; сіи забавы, обыкновенно весьма много занимающія образованную часть свѣта, состоятъ преимущественно въ *зрѣлищахъ* и *играхъ*, *управляемыхъ случаемъ*. Что касается до зрѣлищъ, или представленій занимательныхъ происшествій въ лицахъ, для возбужденія живыхъ чувствованій: то издавна спорили, *можно ли допустить ихъ и могутъ ли они быть полезны для нравственности*, и по неясности предмета вопросъ сей остался не рѣшеннымъ. Если мы даже ограничимъ сіи зрѣлища такими представленіями, которыя не оскорбляютъ нравственности: то и тогда они остаются *одною игрою*, которая никакъ не должна вредить высшимъ цѣлямъ жизни, или

быть нашею страстію и возбуждать въ душѣ нашей недостойныя чувства, покоряющія себѣ всѣ прочія.

При переходѣ человѣка отъ труда къ покою, чувственно-духовная природа какъ бы по необходимости располагаетъ его къ *забавѣ*, или къ такому занятію, которое уже само по себѣ пріятно, не требуетъ никакого напряженія и не имѣетъ никакой важной цѣли. Какъ всѣ животныя играютъ, чтобы насладиться своимъ существованіемъ; такъ играемъ и мы, ибо кромѣ непосредственнаго возстановленія силъ пищею и сномъ, мы имѣемъ нужду въ посредственномъ, состоящемъ въ легкой и самой по себѣ пріятной дѣятельности, которая освѣжаетъ умъ и сообщаетъ новую силу ослабѣвшимъ мускуламъ и нервамъ. Но такъ какъ удовольствіе и пріятность суть понятія относительныя и зависятъ отъ вкуса и эстетической способности каждаго: то можно напередъ сказать, что каждый человѣкъ будетъ забавляться своимъ особеннымъ образомъ. Одного привлекаетъ музыка, другаго театръ, третьяго игра въ карты. Посему забавы различны *забавы искусствами, забавы звуками, мыслями и играми, въ которыхъ господствуетъ счастіе, или случай* (Kants Kritik der Urtheilskraft, S.175). Забавы *искусствомъ* суть такія увеселенія, въ которыхъ побѣда зависитъ единственно отъ

личнаго искусства и навыка; такови были Олимпійскія и Истмійскія игры Грековъ, такова игра въ кегли, на биліардѣ и бѣганіе. Они очень часто приближаются, подобно фехтованію и маневрамъ (simulacrum belli), къ важнымъ занятіямъ и нѣкоторымъ образомъ входятъ въ составъ образованности. *Игра звуками* есть простой, или гармоническій говоръ мелодіи, или движеніе господствующаго чувства въ видѣ пѣсни, которая есть высшій идеалъ музыкальныхъ звуковъ. Въ какомъ отношеніи находятся между собою чувство и мысль; въ такомъ же находятся и тонъ съ рѣчію; только сіе послѣднее отношеніе мы не ясно сознаемъ, хотя уже первые звуки обнаруживаютъ важное или шуточное, веселое или печальное расположеніе духа. Посему нельзя называть игрою аккомпанированіе духовной пѣсни на органахъ, или на какомъ нибудь другомъ музыкальномъ инструментѣ; ибо это можетъ быть занятіемъ весьма важнымъ. Но метафизика, или трансценденціальная эстетика, такъ какъ и нравственное достоинство собственно игры звуками, могущей быть, подобно всякому движенію чувствъ, сколько вредною, столько и полезною *для души*, есть такой предметъ, отъ котораго мы, хотя и неохотно, должны здѣсь отклонить свое вниманіе, чтобы обратить оное на *игру мыслями* и на тѣ *игры, гдѣ господствуютъ счастіе, или случай*. Ими издавна занималось нравоученіе. *Игра мыслями*, въ про-

противоположность логическому и систематическому мышленію, заключается или въ стихотвореніяхъ вообще, или въ олицетворенныхъ представленіяхъ, куда относятся *зрѣлища*, или *представленія въ лицахъ идеальныхъ и занимательныхъ сценъ изъ человѣческой жизни, для возбужденія живаго участія въ зрителяхъ*. Безъ сомнѣнія, основаніемъ каждаго театральнаго представленія служитъ *какое нибудь занимательное происшествіе въ человѣческой жизни*; потому что обыкновенныя дѣйствія и происшествія въ кругу семействъ, или общественной жизни, не способны возбудить особеннаго вниманія. Отъ сего-то не изгоняются изъ театровъ ни духи, ни демоны; только они всегда должны бываютъ являться въ человѣческомъ видѣ и имѣть съ нами связь посредствомъ одного съ нами языка и образа дѣйствованія. Но хотя драма почти не можетъ обойтись безъ историческаго, или исторически возможнаго начала, для произведенія обмана: однако избранныя сцены изъ человѣческой жизни должны быть представлены идеально, или посредствомъ вымысла извлечены изъ предѣловъ дѣйствительности; это нужно для того, чтобы изображеніе характеровъ было совершенно свободно и чтобы ихъ оригинальностію, какъ въ добрѣ, такъ и въ порокѣ, сдѣлать впечатлѣніе гораздо сильнѣйшее, нежели какое можетъ произвести исторія. Посему театральныя представленія, подобно романамъ, преувеличиваютъ

происшествія и составляютъ идеалы и карикатуры, для того, чтобы посредствомъ контраста произвести въ человѣкѣ извѣстныя чувствованія. Они представляются *въ лицахъ*, въ отличіе отъ простыхъ стихотвореній и картинъ, потому что такимъ образомъ зритель невольно увлекается изъ дѣйствительности и поставляется при самомъ дѣйствіи. Посему участіе въ лицѣ актера, старающагося съ пожертвованіемъ своей самостоятельности сдѣлаться орудіемъ общаго удовольствія и заслужить благоволеніе другихъ, нерѣдко съ потерею ихъ уваженія къ себѣ, — это участіе есть непроизвольно. Ибо главная цѣль представленій не есть ни споспѣшествованіе нравственности, ни страхъ и умиленіе, какъ думаетъ Аристотель; но возбужденіе *живаго и прямаго участія* въ успѣшной игрѣ, будетъ ли предметъ оной важный и трагическій, или веселый и шуточный. Впрочемъ сіе участіе зависитъ въ человѣкѣ отъ образованія и направленія его сердца; пьеса благородная и соотвѣтствующая всѣмъ правиламъ искусства требуетъ и зрителей благородныхъ. Но такъ какъ большая часть оныхъ не можетъ заслуживать такого названія; то представленія обыкновенныя, соблазнительныя, или по крайней мѣрѣ смѣшныя, всегда нравятся имъ болѣе, нежели чисто трагическія, или чисто комическія. Не надобно обвинять театръ въ томъ, что собственно происходитъ отъ испор-

ченнаго, или необразованнаго вкуса зрителей. Все это открываетъ намъ, почему многіе изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей были предубѣждены противъ нравственнаго вліянія зрѣлищъ. *Тертулліанъ* написалъ противъ нихъ особенную книгу, гдѣ онъ называетъ ихъ училищемъ безстыдства и сатаны; tragoedos cothurnis extulit diabolus; est enim theatrum privatum impudicitiae consistorium. De spectaculis c. 17. *Златоустъ*, въ своихъ Бесѣдахъ, часто вооружается противъ зрѣлищъ; а *Юліанъ* до него еще запретилъ языческимъ жрецамъ осквернять свой санъ участіемъ въ театрахъ. (Sozomeni hist. eccles. l. V. c. 16). Многіе Христіанскіе нравоучители были того же мнѣнія; даже Руссо, который былъ самъ театральнымъ поэтомъ, въ одномъ любопытномъ письмѣ къ д'Аламберту, считаетъ театръ въ малыхъ городахъ вреднымъ для нравственности (Oeuvres, ed. de Deuxponts t. XI, S. 131 ff. Всѣ сіи писатели ссылаются на соблазнительное содержаніе древнихъ и новыхъ представленій; на вредное вліяніе, какое они имѣли во всѣхъ вѣкахъ на добрые нравы народа и на худую славу актеровъ, на которыхъ Римляне налагали пятно общественнаго позора (quisquis in scenam prodierit, infamis esto) и которыхъ каноническое право совершенно исключило изъ Христіанской Церкви (histrionibus sacra non committantur mysteria. Decret. III, 2, 25). Срав. Walchs Einleitung in die Religionsstreitigkeiten innerhalb der luthe-

rischen Kirche, Th. II, S. 390 ff., и особенно Ständlins Gechichte der Verstellungen von dem Sittlichen Werth der Schauspiele. Göttingen, 1823. Съ другой стороны, со времени реформации, многіе великіе писатели старались защитить зрѣлища. Люперъ говоритъ: «отъ того, что въ комедіяхъ иногда бываютъ грубыя шутки и дурачества, которыя будто бы заставляютъ насъ забыть о Библіи, Христіане не должны совершенно убѣгать ихъ. Они напротивъ служатъ средствомъ противъ постыднаго безженства и возбуждаютъ въ людяхъ охоту къ супружеству (Walch. Ausg. Th. XXII, S. 2277).» Нѣкогда въ Каѳолической Церкви общественныя бесѣды въ Страстную недѣлю походили на торжественныя представленія, и въ Іезуитскихъ школахъ воспитанники представляли библейскія комедіи и трагедіи. Г-жа Ментенонъ, которая была въ послѣднее время столь благочестива, велѣла воспитанникамъ своего воспитательнаго заведенія въ Сентъ-Сирѣ, въ присутствіи Лудовика XIV, представить нравственныя драмы и торжественно пригласила на оныя Епископовъ (vie de Maintenon. Paris. 1806, t. I, p. 235 ff.), хотя строгій Боссюэтъ былъ симъ очень недоволенъ (S. Maximes sur la comédie, Paris, 1694). Во время Египетской экспедиціи Наполеона Французское правительство торжественно признало, что нравственное образованіе всей новозавоеванной земли можетъ быть ускорено только посредствомъ театра. Нако-

нецъ одинъ изъ глубокомысленнѣйшихъ и благороднѣйшихъ поэтовъ употребилъ все свое стараніе, чтобы защитить театръ отъ обвиненій касательно нравственности (die Schaubühne als eine moralische Anstalt betrachtet, in Schillers Werken, Stuttgart, 1812. B. II. S. 392 ff.). И въ самомъ дѣлѣ можно согласиться, что театральныя представленія, посредствомъ искуснаго изображенія отдѣльныхъ характеровъ, могутъ способствовать къ пріобрѣтенію познаній о человѣкѣ; посредствомъ вѣрнаго представленія господствующихъ глупостей, напримѣръ скупаго и пустосвята — у *Мольера*, они истребляютъ пороки; примѣромъ мужества и величія души, какъ напр. въ Теллѣ и Дѣвѣ Орлеанской Шиллера, возвышаютъ духъ; посредствомъ трогательныхъ представленій нерѣдко сдружаютъ насъ съ семейными добродѣтелями, намъ не извѣстными, образуютъ и облагораживаютъ вкусъ, а иногда глубоко напечатлѣваютъ въ умѣ нашемъ превосходныя нравственныя изреченія. *Софоклъ* и *Эврипидъ*, *Плавтъ* и *Теренцій*, *Шекспиръ* и *Расинъ*, *Шиллеръ* и *Гёте* сдѣлали, можетъ быть, болѣе пользы міру, нежели большая часть правоучителей, которые только утомляли читателей и наскучивали имъ, или даже ложными правилами совращали ихъ съ праваго пути. Между тѣмъ нельзя говорить о *нравственности*, или *безнравственности* зрѣлищъ вообще; потому что они не имѣютъ цѣлію ни исправлять, ни портить сердца, но только поражаютъ его,

трогаютъ и увлекаютъ; они берутъ для себя добрые и злые, важные и смѣшные, пылкіе и тихіе характеры, дабы посредствомъ контраста и самыхъ запутанныхъ положеній людей въ жизни, привлечь вниманіе и участіе зрителя въ представленіи; частою смѣною страха и надежды, негодованія и одобренія, гнѣва и состраданія произвесть въ душѣ его живыя чувства, и тѣмъ доставить ему, не нравственное, но эстетическое наслажденіе. Драмы Шекспира часто непристойны въ высшей степени, и между тѣмъ весьма уважаются въ театрѣ; Мессинская невѣста Шиллера запутываетъ зрителя въ какой-то противный разуму фатализмъ и между тѣмъ находитъ своихъ поклонниковъ; Донъ Жуанъ, можетъ быть, не одного распутнаго, или не одну распутницу обратилъ къ долгу; лучшія трагедіи оканчиваются самоубійствомъ своихъ героевъ, и чувствительные зрители жертвуютъ имъ горячими слезами, между тѣмъ какъ въ дѣйствительной жизни они едва ли бы получили приличное погребеніе. Посему, если драматическій писатель хвалится, что онъ своими твореніями исправилъ нравственность народа; то сія слава столь же тщетна, какъ если бы какой нибудь романистъ вообразилъ себѣ, что онъ для своихъ читателей сдѣлался нравственнымъ проповѣдникомъ. Довольно если они оба не повредили добродѣтели и не представили съ выгодной стороны и въ ложномъ свѣтѣ нѣкоторыхъ пороковъ. Съ дру-

гой стороны, строгіе судьи столь же несправедливо обвиняютъ театръ за то, что на немъ выставляются иногда на сцену безнравственные характеры. Если бы по сей причинѣ посѣщеніе зрѣлищъ было непозволительно; то надобно было бы изгнать изъ школъ поучительнѣйшія эпическія стихотворенія древнихъ и новѣйшихъ временъ; наконецъ нельзя бы было принимать участія ни въ какомъ большомъ обществѣ, потому что здѣсь можно слышать умныя и глупыя бесѣды и быть свидѣтелемъ добрыхъ и худыхъ дѣяній. Посему, если нравоучителю предложенъ будетъ вопросъ: что совѣсть повелѣваетъ намъ дѣлать въ отношеніи театра? — то онъ всякому человѣку, любящему добродѣтель, можетъ дать слѣдующія правила:

1) *Не поставляй никакого особеннаго достоинства въ театрѣ вообще;* ибо онъ есть только отдохновеніе и увеселеніе и рѣдко согласенъ съ достоинствомъ мудраго. Пусть праздно-любцы, люди легкомысленные, пустые, роскошные, терзаемые скукою, ищутъ въ театрѣ своего каждодневнаго развлеченія; но человѣкъ, занимающійся важнымъ, человѣкъ разумный, любящій свою свободу и дорого цѣнящій время, довольствуется великимъ зрѣлищемъ исторіи, природы и семейной жизни. Высшее сословіе, городъ, или цѣлый народъ, занимающіеся преимущественно театромъ, какъ Аѳиняне и Римляне, едва ли избѣжатъ обвиненія въ нрав-

ственномъ легкомыслiи. Самые лучшiе отцы Церкви были непричастны къ зрѣлищамъ; желательно, чтобы Христiанскiе нравоучители не упускали изъ виду сего примѣра, или по крайней мѣрѣ не пренебрегали имъ.

2) *Непремѣнно избѣгай тѣхъ зрѣлищъ, которыя оскорбляютъ или вкусъ, или нравственное чувство,* и которыя по своимъ правиламъ, или заманчивому представленiю, вреднымъ образомъ дѣйствуютъ на твое сердце. Извѣстно, что перваго рода порокъ находится у *Шекспира,* который нерѣдко свою удивительную геніальность безчеститъ самою низкою плоскостiю. Этому нарѣканiю, не говоря о безнравственности, господствующей нынѣ почти безъ исключенiя во всей Французской литературѣ, — подвержены также многiе изъ Нѣмецкихъ самыхъ любимыхъ драматурговъ, которые, хотя веселятъ и трогаютъ, но своимъ нравственнымъ ничтожествомъ, или отсутствiемъ нравственныхъ началъ, производятъ большой вредъ для нравственности народа. И такъ, если всякiй благовоспитанный человѣкъ обязанъ, даже въ кругу обыкновеннаго общества, прекращать разговоръ съ тѣмъ лицемъ, которое не нравится ему по своимъ грубымъ шуткамъ, или по худымъ правиламъ: то онъ долженъ также остерегаться и отъ такихъ представленiй на сценѣ, которыя по своему нравственному ничтожеству достойны одного порицанiя и презрѣнiя.

3) *Не принимай слишкомъ большаго участiя*

въ театръ, дабы онъ не привелъ тебя въ страдательное состояніе, которое можетъ имѣть слѣдствіемъ самыя пагубныя страсти. Конечно нельзя требовать, чтобы прежде вступленія въ театръ мы вооружались противъ него стоическихъ безстрастіемъ; ибо тогда потерялась бы главная цѣль — веселіе и разсѣяніе. Но обманъ, которому при живомъ представленіи подвергаются и самыя твердыя души, легко увлекаетъ къ такой веселости и къ такому движенію души, которыя выступаютъ за границу личнаго достоинства; заставляютъ проливать слезы, которыхъ надобно стыдиться, или производить неумѣренный смѣхъ, о которомъ послѣ будешь сожалѣть; тамъ овладѣваетъ нами такая склонность, которая и безъ того довольно сильна въ насъ, — склонность быть самимъ актерами въ кругу нашихъ дѣйствій. Счастливо выбранныя и представленныя пьесы часто напечатлѣваются въ насъ столь глубоко, что мы долго не можемъ и не хотимъ изгладить ихъ изъ души своей; ибо то, что собственно есть минутный шумъ, воздушные замки, мы считаемъ нравственнымъ возвышеніемъ духа. Посему тщательно должно отличать забаву отъ жизни, дабы лишній восторгъ нашъ не повредилъ уму и сердцу.

4) При удовольствіяхъ отъ театра никогда *не забывай о времени*, дабы не посвящать ему такихъ часовъ, которые принадлежатъ дѣламъ по долгу; *не забывай* также и *о своей сво-*

бодѣ, чтобы пустое и обманчивое удовольствіе не сдѣлалось для тебя потребностію; — о своемъ истинномъ *образованіи*, дабы твоя память и твоя библіотека не наводнились драматическими сочиненіями, и ты не лишился бы основательныхъ познаній и поучительныхъ сочиненій; наконецъ и о благочестивомъ *возвытеніи своего духа*, чтобы не сдѣлаться тебѣ сильнымъ пагепикомъ въ партерѣ и холоднымъ зрителемъ въ храмѣ Божіемъ. О сію скалу разбилась вѣра многихъ мужей и женъ. Еще менѣе должно позволять посѣщеніе шеатра дѣтямъ; притомъ надобно допускать ихъ къ представленіямъ по выбору и съ тою осмотрительностію, которая умѣетъ предупредить всякій соблазнъ отъ души неиспорченной, но способной ко всякимъ впечатлѣніямъ.

Von Wessenberg über den sittlichen Einfluss der Schaubühnen. Zweite, sehr verbesserte Auflage. Constanz, 1826.

§ 27.

О нравственномъ достоинствѣ такихъ игръ, гдѣ преимущественно участвуетъ счастіе.

Игры, гдѣ преимущественно участвуетъ счастіе, суть такія легкія занятія, предпринимаемыя для удовольствія, въ которыхъ искусство

борится со случаемъ для полученія положенной награды. Какъ ни одна искусственная игра не свободна отъ вліянія случая; такъ нѣтъ ни одной игры, зависящей отъ счастія, гдѣ бы не требовалось искусства, или навыка, хотя сіи игры можно еще раздѣлить на *дѣятельныя* или *благородныя*, и на *страдательныя* или *неблагородныя*. О ихъ *нравственномъ достоинствѣ* долго спорили безъ всякаго успѣха, по недостатку въ ясномъ понятіи о ихъ свойствѣ и цѣли. Между тѣмъ можно защитить это достоинство, если только сіи игры не превратятся въ *занятіе важное* и будутъ оставаться въ предѣлахъ отдохновенія умѣреннаго и пріятнаго, а слѣдовательно и безвреднаго.

Понятіе объ этихъ играхъ издавна было очень запутано; потому что область возможности и случая безконечна и фантазія наша неистощима въ созиданіи воздушныхъ своихъ зданій, которыя хотя подобно мыльнымъ пузырямъ распадаются и превращаются въ ничто, но прежде того своею пестротою и своимъ блескомъ доставляютъ слабой душѣ нашей небольшое

удовольствіе. Впрочемъ, касательно ихъ можно сказать, 1) что онѣ *не суть что нибудь важное*, или не должны быть таковыми, подобно дневнымъ трудамъ, или турнирамъ; но составляютъ легкое занятіе для удовольствія, отдохновенія и возобновленія силъ душевныхъ, которое, по законамъ психологіи, пріятнымъ образомъ сообщается душѣ, когда она принуждена колебаться между легкимъ страхомъ и надеждою. Какъ скоро сей страхъ доходитъ до сильнаго опасенія и боязни, а надежда до нетерпѣливаго ожиданія; то игра измѣняется въ существѣ своемъ и подъ симъ обманчивымъ именемъ дѣлается чѣмъ-то подложнымъ, противорѣчащимъ и вреднымъ. Подъ льстивымъ покровомъ игры скрываютъ тогда измѣническое намѣреніе обмануть другихъ и лишить собственности. 2) Предметомъ сего занятія есть нѣкотораго рода борьба играющихъ со случаемъ, опредѣленная извѣстными правилами и которая по предписаннымъ же правиламъ должна рѣшить, кто побѣжденъ и кто побѣдитель. Главная идея употребительнѣйшихъ игръ, каковы напримѣръ шахматная и ломберная, почти всегда заимствуется отъ сраженій, которыя оканчиваются побѣдою, или пораженіемъ. Чѣмъ разнообразнѣе, запутаннѣе и остроумнѣе порядокъ боя, тѣмъ занимательнѣе и благороднѣе самая игра; посему выборъ игры всегда зависитъ отъ духовнаго и нравственнаго образованія играющихъ. 3) Побѣдителю

въ бою, въ которомъ случай играетъ роль судьи, опредѣляется *извѣстная награда*, которая увеличиваетъ занимательность игры и можетъ состоять или въ одной славѣ тріумфа, или въ извѣстныхъ преимуществахъ и денежныхъ преміяхъ. Онѣ не составляютъ сущности игры; Францисканы и Капуцины, при игрѣ въ кегли и при другихъ позволенныхъ имъ играхъ, обнаруживаютъ самое живое участіе и даже самыя сильныя страсти; но презираютъ всякій денежный выигрышъ, подобно великимъ Государямъ, которые хотя платятъ за свой проигрышъ, но, какъ господа всѣхъ денегъ, не пользуются правомъ выигрыша и не принимаютъ монеты, которая имъ и безъ того принадлежитъ. Неумѣренное опредѣленіе сихъ премій и происходящія отъ того ссоры часто уничтожаютъ въ хорошія стороны, которыя могутъ имѣть игры. Во всѣхъ искусственныхъ играхъ болѣе или менѣе господствуетъ случай; ни одинъ шахматный игрокъ не имѣетъ столько проницательности, чтобы предвидѣть всѣ планы и дѣйствія своего соперника, и опять нѣтъ ни одного бильярднаго игрока, который не могъ бы ошибаться въ глазомѣрѣ при движеніи шаровъ, или въ направленіи своей силы, и потому не долженъ бы былъ въ своей игрѣ многое предоставить случаю. Посему, что сказано объ играхъ, гдѣ преимущественно участвуетъ счастіе, то нѣкоторымъ образомъ можно сказать и объ искусственныхъ играхъ.

Но собственно мы теперь разсуждаемъ о первыхъ, и раздѣляемъ ихъ на *дѣятельныя*, или *благородныя*, гдѣ собственный умъ и ловкость могутъ умѣрять владычество случая, и на *страдательныя*, неблагородныя, или такъ называемыя *азардныя*, которыя совершенно покоряются власти счастія. Послѣ сего объясненія и ограниченія понятія объ играхъ, гдѣ господствуетъ счастіе, обратимся къ нравственному ихъ достоинству, о которомъ и прежде господствовали весьма различныя мнѣнія. Въ Иліадѣ герои вынимаютъ жеребій изъ шлема при торжественной молитвѣ къ Богу (VII, 171 ff.). Напротивъ въ Талмудѣ игрокъ на доскѣ (Κοβεια, משחק בקרברא) представляется безчестнымъ и неспособнымъ быть законнымъ свидѣтелемъ (ראש חשחק c. 1, § 8). И Римляне почитали свою alea дѣломъ безчестнымъ (Sueton, in vita Claudii, c. 5); но подобную сей игру, называемую latrunculi, Сенека весьма жарко защищаетъ и называетъ пріятнымъ препровожденіемъ времени, освѣжающимъ силы (ludimus latrunculis, in supervacuis teritur subtilitas. Epist. 106. Ср. de tranquillitate animi c. 14). Древнее каноническое право запрещаетъ игру на дискѣ и въ кости (aleas et taxillos) только духовнымъ, не позволяя даже имъ быть зрителями сего удовольствія (decret. III, t. I.). Магометъ и Японцы положили смертную казнь за участіе въ азардныхъ играхъ (Voyages au Nord tom. IX. p. 98). Въ Италіи и Франціи съ шестнадца-

таго вѣка карточная игра начала приходить въ упадокъ по причинѣ распространенія игры такъ называемой *ланскне*, *ландскнехтъ* (lansquenet, Landsknecht); перекрещенцы и другія подобныя имъ секты истребили и сожгли музыкальные инструменты и карты, найденные ими въ Мюнстерскихъ монастыряхъ, чтобы очистить свое новое богослуженіе отъ сего безчинія (*Jochmus*, Geschichte der Kirchenreformation zu Münster durch die Wiedertäufer. Münster, 1815. S. 127). Изъ реформаторовъ противились сей строгости *Барбераке* (traité du jéu. Amsterdam, 1737) и *Лапласетъ* (des jeux de hazard. Amsterdam, 1704); но *Фокксродтъ*, *Будде* и вся школа піетистовъ весьма ревностно опровергали ихъ и требовали, чтобы карточные игроки лишены были Св. Причастія; потому что они считали карточную игру противною многимъ мѣстамъ Новаго Завѣта (Ефес. V, 16. Фил. II, 12), (Walchs Einleitung in die Religionsstreitigkeiten innerhalb der lutherischen Kirche, B. I, 767. II, 292). Такъ какъ вредныя слѣдствія игры гораздо значительнѣе пользы, ими доставляемой: то нельзя осуждать строгости сихъ нравоучителей, доведенной уже до излишества; ибо у нихъ было намѣреніе доброе. Между тѣмъ ихъ благочестивая ревность, очевидно, болѣе вредила нравоученію; ибо она породила съ одной стороны лицемѣровъ, которые, отказавшись отъ сего удовольствія, вмѣняли это себѣ въ особенную честь, а съ дру-

гой стороны робкихъ, страшащихся своей совѣсти, игроковъ, и наконецъ тѣхъ слишкомъ снисходительныхъ правоучителей, которые думая, что они имѣютъ право играть свободно предъ цѣлымъ свѣтомъ, преступаютъ даже границы истиннаго долга и считаютъ ихъ слѣдствіемъ фарисейскаго малодушія и робости. Чтобы положить конецъ этимъ спорамъ, надобно глубже вникнуть въ природу игры и сличить цѣль оной съ требованіями святаго долга, независимыми отъ заблужденія зилотовъ и фанатиковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ, какъ нравственное существо, долженъ болѣе и болѣе удаляться изъ царства чувственности и обольщенія и приближаться къ царству правды, долга и нравственнаго порядка, т. е. къ царству свободной необходимости, откуда изгнана всякая случайность. Ибо всякій, кто вѣритъ случаю и безпечно предается ему, — мыслитъ и дѣйствуетъ безразсудно. Поэтому съ мудрецомъ, равно какъ и съ Христіаниномъ, всякая, даже самая невинная, игра находится въ прямомъ противорѣчіи. Но мы не спрашиваемъ здѣсь, есть ли игра сама по себѣ доброе и *нравственно-похвальное* дѣйствіе, къ которому можно всякаго обязывать. Ибо на это безъ сомнѣнія намъ должно бы было отвѣчать отрицательно; мы даже должны были бы почтить глубочайшимъ уваженіемъ того человѣка, который умѣетъ не нуждаться ни въ какой игрѣ. Нашъ

вопросъ заключается въ слѣдующемъ: *позволено ли человѣку заниматься какою нибудь игрою*, и нѣтъ ли въ нравственномъ порядкѣ міра такихъ случаевъ, гдѣ бы нѣкоторымъ людямъ можно было даже вмѣнить это въ обязанность? На этотъ вопросъ мы безъ всякаго опасенія отвѣчаемъ утвердительно; потому что 1) не возможно и не по силамъ человѣка быть всегда *важнымъ* и со всею силою воли *всегда стремиться къ высшимъ цѣлямъ жизни*. Онъ, какъ чувственное существо, имѣетъ нужду въ совершенномъ покоѣ, и какъ чувственно-духовное — въ полупокоѣ при легкой дѣятельности ума и тѣла; ему нужно снисходить иногда изъ невидимаго и тѣснаго порядка чисто разумныхъ мыслей въ область воображенія, шутокъ, остроты, поэзіи и сновидѣній. И такъ ничего не будетъ лишняго въ словахъ нашихъ, если мы скажемъ, что 2) *каждый человѣкъ играетъ* и *долженъ играть;* потому что онъ не можетъ не имѣть необходимости оставлять иногда свѣтлую область идей и входить въ образный міръ своего внутренняго чувства и созерцать себя въ немъ. Кромѣ того, 3) какъ цѣль игры есть отдохновеніе и пріятное развлеченіе: то по цѣли она не только не противна долгу, но и *предписывается намъ разумомъ* и, *всего лучше и сообразнѣе съ природою души*, можетъ быть достигнута посредствомъ такого легкаго занятія и происходящей при немъ перемѣны чувствованій. Дѣятельный хозяинъ, глубокомыс-

лѣнивый ученый, ипохондрикъ, больной и печальный находятъ въ игрѣ разсѣяніе, сообразное съ ихъ образованіемъ, вкусомъ и склонностями; мудрые врачи души и тѣла должны даже совѣтовать имъ это и, можетъ быть, даже *обязывать* ихъ къ тому, дабы извлечь ихъ изъ обыкновеннаго круга ихъ мыслей и, съ возвращеніемъ ихъ связанной и утомленной душѣ свободы, вдохнуть въ нихъ новую живость и новую бодрость. Правда, что это удовольствіе можетъ быть опасно для ихъ дремлющихъ страстей; ибо опытъ показываетъ, что часто люди, которые въ обыкновенномъ быту тщательно бодрствуютъ надъ собою, въ игрѣ забываютъ себя и безъ всякаго стыда выказываютъ своекорыстіе; запальчивость, бранчивость и недостатокъ честности. Но именно по этой причинѣ 4) игра можетъ быть также *училищемъ нравственности*; она можетъ побуждать насъ къ тому; чтобы внимательно смотрѣть за самими собою и примѣчать свои недостатки и слабости; можетъ представлять намъ множество случаевъ показать себя благоразумными, сострадательными, снисходительными, терпѣливыми, благосклонными, человѣколюбивыми, великодушными, нѣжно чувствующими и благородными; и отъ того бываетъ не только веселѣе, но и умнѣе, богатѣе въ познаніи людей и добрѣе. И такъ кто не хочетъ показать ума ограниченнаго и зараженнаго общими предразсудками или даже заставитъ обви-

нять себя въ суевѣріи, лицемѣріи и мрачности, тотъ не станетъ называть совершенно не позволеннымъ и безнравственнымъ такого удовольствія, которое представляетъ столь много сторонъ, психологически примѣчательныхъ и даже очень важныхъ. И такъ скажемъ о *благоразумномъ и должномъ употребленіи* игры и заключимъ его въ слѣдующихъ правилахъ:

1) *Играй только тогда, когда имѣешь необходимую нужду въ отдохновеніи,* и когда ты своими трудами по долгу сдѣлался того достойнымъ. Кто совсѣмъ не трудился, или имѣлъ уже другое какое нибудь развлеченіе; тотъ столь же мало имѣетъ нужды въ игрѣ, сколько сытый въ обѣдѣ. Потому благоразумный человѣкъ никогда не можетъ смотрѣть хладнокровно, какъ люди съ ранняго утра собираются около карточнаго стола. Игроковъ по ремеслу должно считать совершенно наравнѣ съ праздношатающимися и дневными ворами; государство должно наказывать ихъ какъ негодяевъ, сколько бы ни были они значительны по званію.

2) *Избирай такую игру, которая сообразна съ твоимъ духовнымъ и нравственнымъ образованіемъ.* Игры, заимствованныя изъ *обыкновенныхъ и низкихъ сценъ* жизни, портятъ вкусъ и легко увлекаютъ въ худое общество и къ соблазнительнымъ разговорамъ. Игры *азардныя,* но есть основанныя не на *искусствѣ,* а на чистомъ *случаѣ,* предосудительны даже и въ на-

комъ случаѣ, когда цѣлію ихъ не бываетъ денежный выигрышъ; потому что онѣ пишаютъ въ насъ расположеніе *ожидать успѣха* отъ *случаевъ*, пріучаютъ къ неосновательнымъ надеждамъ и ложнымъ расчетамъ, нерѣдко внушаютъ даже и предразсудки, и слѣдственно такимъ образомъ заставляютъ и даютъ привычку дѣйствовать безъ руководства разума.

5) *Избѣгай всѣхъ тѣхъ игръ, которыя, переставая быть тѣмъ, чѣмъ должны по своей цѣли*, то есть *отдохновеніемъ, оканчиваются чѣмъ нибудь важнымъ*. Игра, которою можно сдѣлать или значительное пріобрѣтеніе, или большой проигрышъ, сама по себѣ безнравственна, какъ опасная, а можетъ быть и безчестною. Игра, возбуждающая *сильныя страсти*, гнѣвъ, ненависть, неучтивость, своекорыстіе и тому подобное, предосудительна какъ развращительная. Наконецъ игра бываетъ предосудительна, если *продолжается* болѣе того времени, какое нужно для отдохновенія, особливо же если она утомляетъ и уже прямо вредитъ здоровью. Чѣмъ приманчивѣе и привлекательнѣе какая игра, тѣмъ болѣе нужно наблюдать при ней мѣру и не упускать изъ виду ея цѣли.

4) *Берегись, чтобы игра не обратилась въ привычку и потребность*. Кто играетъ каждодневно, въ извѣстные часы и только въ извѣстныя игры и съ одними и тѣми же лицами; тотъ лишаетъ себя разнообразія въ развлеченіи, дѣлается одностороннимъ, однообраз-

нымъ, ограниченнымъ въ своихъ мысляхъ и наконецъ неспособнымъ оставить тѣсный кругъ своихъ удовольствій и вообще возвысить себя и облагородить. Всякое нравственное рабство для насъ позорно, въ чемъ бы оно ни состояло, въ служеніи ли деньгамъ, или картамъ, забавамъ, или вообще чувственности.

Brandes Betrachtungen über das weibliche Geschlecht, Th. III. S. 93 ff. *Garve* über Gesellschaft und Einsamkeit, Th. I. S. 285 ff. Rosaliens Nachlass (von Jakobs). Leipzig, 1812. S. 417.

§ 28.

Объ особенной безнравственности игръ, которыми преимущественно управляетъ случай.

Всѣ игры, управляемыя преимущественно случаемъ, безнравственны вообще; но дѣлаются постыдными, когда рождаютъ *страсть къ игрѣ, къ выигрышу*, особливо когда обращаются въ *обманъ*, или подаютъ поводъ къ такимъ страстямъ, которыя могутъ доводить человѣка до великаго ослѣпленія. Тѣ несчастные, которые подвер-

гаются имъ, жертвуютъ тогда своимъ глупымъ пожеланіямъ истиною, вѣрою, честностію и семейнымъ благополучіемъ, и всѣ свои надежды основываютъ не на томъ, что предписывается разумомъ и долгомъ, а на слѣпомъ случаѣ, который наконецъ исчезаетъ, подобно сновидѣнію, и оставляетъ за собою разстройство души и отчаяніе.

Склонность къ игрѣ, такъ легко овладѣвающая человѣкомъ незанятымъ и преданнымъ удовольствіямъ, отклоняетъ его отъ пути чести, если переходитъ въ страсть. Тотъ, кто прежде игралъ только по временамъ, пристрастясь, дѣлается игрокомъ, забываетъ свои важныя занятія, играетъ, не разбирая времени и мѣста, и въ самыхъ низкихъ обществахъ ищетъ себѣ товарищей. Систематическія, техническія и слѣдующія строгому порядку игры не имѣютъ этой приманки и по свойству своему менѣе подвержены злоупотребленію. Напротивъ игры азардныя убиваютъ разсудокъ, увлекаютъ фантазію въ пустую и обманчивую область случая, и такимъ образомъ открываютъ обширное поле всѣмъ заблужденіямъ ума и сердца. Онѣ питаютъ лѣность и склонность къ спокойствію, потому что тогда кругъ мышленія

и дѣйствованія у человѣка бываетъ чрезвычайно ограниченъ и онъ находится въ состояніи страдательномъ. Кромѣ того, онѣ приводятъ къ ложнымъ спекуляціямъ; играющій безпрестанно ласкаетъ себя пщетною надеждою разгадать ходъ случая, между тѣмъ какъ самое простое разсматриваніе должно бы было удостовѣрить его въ невозможности. Къ сожалѣнію, человѣкъ, ослѣпленный страстію, не внимаетъ гласу разсудка и, превожимый боязнію, скорѣе чѣмъ къ нему, прибѣгаетъ къ какимъ нибудь суевѣрнымъ средствамъ, къ заклинаніямъ, къ гадательнымъ способамъ, пока наконецъ, будучи долго обманываемъ, не сдѣлается самъ обманщикомъ. Въ тѣсной связи съ сею страстію находится *страсть къ выигрышу*, или то превратное направленіе воли, по которому игра, основанная на своекорыстіи, дѣлается предметомъ ремесла. Кто играетъ часто, счастливо и за большія деньги, тотъ легко можетъ увлечься этою страстію; онъ считаетъ выигрышъ, который при игрѣ совѣмъ не долженъ былъ бы входить въ расчетъ его, за плодъ своего труда; и такъ какъ трудъ легокъ, пріятенъ и вмѣстѣ прибыленъ, то онъ дѣлаетъ изъ игры промыслъ, оставляя свои собственныя занятія, приносящія честь и пользу. Здѣсь открывается путь *обману*, гдѣ игрокъ для того, чтобы склонить ходъ случая на свою сторону, безчестнымъ образомъ нарушаетъ порядокъ игры и дѣлается измѣнникомъ

и нарушителемъ договора, ясно или не ясно заключеннаго между играющими. Это случается или со стороны того, кто распоряжаетъ игрою, или со стороны самихъ игроковъ, когда напримѣръ предлагаются фальшивыя карты, или другія поддѣльныя орудія игры, которыя облегчаютъ побѣду, или даже преклоняютъ ее къ одному изъ играющихъ. Въ большихъ игорныхъ домахъ и обществахъ игроковъ это случается весьма часто; туда входятъ съ надеждою, а оттуда выходятъ съ ужасомъ и отчаяніемъ (Mercier, Nouveau Paris, t. VI, p. 90). Даже *лотерейную игру въ числахъ* спокойный наблюдатель никогда не почтетъ совершенно честною. Извѣстно, что банкиру, по свойству игры, изъ всей положенной суммы приходитъ гораздо болѣе, нежели сколько слѣдуетъ ему по справедливости; отъ того-то, гдѣ правительство не вступается въ эту игру, тамъ много бываетъ желающихъ заниматься ею, какъ очень прибыльнымъ ремесломъ для содержателей. (*Pütters* Selbstbiographie, S. 702 ff. *Hess* Durchflüge durch Deutshland. Hamburg, 1798. B. V. S. 161 ff.). Правительство, которое заступаетъ мѣсто опекуна для подданныхъ слабыхъ душею, никогда не должно покровительствовать столь развратительной промышленности и особенно не должно само ею заниматься. Постыдныя выгоды, столь явно и столь сильно порицаемыя нравоученіемъ и политикою, однодь не должны осквернять его, тѣмъ бо-

лѣе, что просвѣщенная и высшая государственная экономія открываетъ несравненно выгоднѣйшіе источники общественнаго блага, могущіе доставить ему вмѣстѣ честь и славу. Но не одни распорядители игры обманываютъ; часто и прочіе игроки бываютъ вѣроломны, нарушая правила игры безчестнымъ и коварнымъ обманомъ и забывая долгъ справедливости и честности, чтобы только воспользоваться случаемъ и поправить свое такъ называемое *счастіе*. Безнравственность такого рода поступковъ рѣшительно и ясно можно доказать слѣдующими доводами:

1) *Страсть къ игрѣ* есть одна изъ самыхъ несчастныхъ и самыхъ опасныхъ страстей. Кто предался ей, тотъ вездѣ думаетъ только о числахъ, о костяхъ, о картахъ, не исключая даже мѣстъ, посвящаемыхъ благочестію; тотъ пренебрегаетъ своимъ званіемъ и своими обязанностями супруга и отца и жертвуетъ своимъ имѣніемъ глупой надеждѣ на невѣрное счастіе. Первый недостатокъ въ деньгахъ тотчасъ побуждаетъ его къ обманамъ, къ вѣроломству, часто къ воровству, грабежу и еще къ большимъ преступленіямъ. Если проигрышъ не выгоденъ для игрока, то тѣмъ опаснѣе дѣлается для него выигрышъ; ибо онъ, получивши что нибудь безъ труда, столь же легкомысленно и расточаетъ полученное, и никогда не можетъ обладать чѣмъ нибудь безопасно и спокойно. Почти всегда страсть къ игрѣ бы-

ваетъ гробомъ для добродѣтели и источникомъ самаго горькаго бѣдствія.

2) *Пристрастившійся къ выигрышу* есть всегда лицемѣръ и обманщикъ; ибо онъ тщательно скрываетъ свои намѣренія и чувства касательно игры; иначе, если бы онъ захотѣлъ явно признаться, что играетъ только для полученія выгоды и обогащенія, то его презирали бы и убѣгали самые лучшіе друзья его. И такъ игрокъ по ремеслу всегда притворяется великодушнымъ и безкорыстнымъ. Такого рода игроки никогда не могутъ сходиться въ одномъ кругу, точно такъ какъ не могутъ быть вмѣстѣ многіе обманщики; ибо они открыли бы другъ друга и другъ другу вредили, а потому разрушали бы общую ихъ цѣль. Это замѣчаніе преимущественно можетъ быть отнесено

3) Къ *страсти къ лотереямъ;* потому что въ этой игрѣ даже въ предположеніи не бываетъ пріятнаго развлеченія и отдохновенія; выигрышъ всегда составляетъ въ ней единственную и открытую цѣль, какъ игрока, такъ особливо *учредителя*, который всегда *навѣрное* и даже *опредѣленную* сумму выигрываетъ. Сначала *легкое* колебаніе души между опасеніемъ и надеждою, которому игрокъ добровольно еще подвергается, не представляетъ въ себѣ, повидимому, ничего достойнаго порицанія. Но какъ ни невѣроятна, какъ ни ничтожна сія надежда, *глупость* и *самолюбіе* человѣческое жадно за нее хватаются; ослѣпленные не думаютъ о

тысячахъ, потерявшихъ въ этой игрѣ, а всегда думаютъ объ одномъ выигравшемъ, особливо если ему досталось большое богатство, и тѣмъ болѣе объ немъ думаютъ, чѣмъ болѣе это богатство. Всякой ласкаетъ себя надеждою, что этотъ *одинъ*, избранный счастіемъ, будетъ онъ. Занятый такою мыслію, бѣдный несетъ свои послѣднія, а можетъ быть, уже украденныя копѣйки къ колесу счастія, и будучи снова обманутъ, въ горести, выдумываетъ новые обманы для самаго себя къ поддержанію надежды. Такимъ образомъ въ играхъ, единственно отъ случая зависящихъ, страсть къ выигрышу бываетъ гораздо опаснѣе, нежели въ прочихъ. Благоразумный и честный человѣкъ пріобрѣтаетъ имущество своимъ трудолюбіемъ и презираетъ тѣ выгоды, которыхъ не заслужилъ и которыя суть не иное что, какъ добыча, собираемая съ невѣжества и глупости другихъ; благоразумное и добросовѣстное правительство тѣмъ болѣе презираетъ всѣ подобныя средства доходовъ.

4) Наконецъ еще постыднѣе *фальшивая игра* и *обманъ въ ней*. Общее участіе въ семъ увеселеніи всегда предполагаетъ вѣрность и взаимное довѣріе. Этому довѣрію ложный игрокъ посмѣвается самымъ *коварнымъ* образомъ; онъ показываетъ, будто играетъ только для удовольствія, но въ самомъ дѣлѣ хочетъ выигрыша и слѣдовательно есть *лжецъ*. Онъ нарушаетъ условія игры, намѣренно не соблюдая

правилъ ея, и слѣдовательно поступаетъ *вѣроломно*. Наконецъ онъ отнимаетъ у своего пріятеля, ничего не подозрѣвающаго, его собственность и такимъ образомъ дѣлается *воромъ*. Потому, хотя обманъ въ важныхъ дѣлахъ по гражданскимъ законамъ обыкновенно подлежитъ строжайшимъ наказаніямъ, нежели фальшивая игра; но на вѣсахъ нравственности такая игра еще хуже и достойнѣе порицанія, и по этой причинѣ вездѣ наказывается заслуженнымъ презрѣніемъ и позоромъ.

§ 29.

Взглядъ на пляску съ нравственной стороны.

Сужденія о *пляскѣ* всегда были чрезвычайно различны. На нее смотрѣли какъ на такое движеніе, которое ведетъ только къ разсѣянности и чувственнымъ пожеланіямъ. Но такой взглядъ несовершенно оправдывается началами разума, не смотря на то, что есть очень много причинъ, заставляющихъ думать, что *нравственное достоинство* этого удовольствія вовсе сомнительно. Пляска, въ Европѣ, имѣя цѣлію сблизить и дѣйстви-

тельно сближая оба пола, можетъ быть *занятіемъ одного юношества* и несовмѣстна съ важностію старости. Она должна быть *выраженіемъ благородныхъ*, или по крайней мѣрѣ позволительныхъ и приспойныхъ чувствъ, и во всякомъ случаѣ должна быть сообразна съ правилами *умѣренности* и съ *личнымъ достоинствомъ танцующихъ*.

Такъ какъ сужденіе о нравственномъ достоинствѣ пляски зависитъ главнымъ образомъ отъ понятія, которое объ ней имѣютъ; то для вѣрности сужденія необходимо нужно опредѣлить съ точностію самое понятіе объ этомъ родѣ удовольствія.

Лукіанъ, оставившій намъ короткое сочиненіе объ этомъ предметѣ, называетъ пляску *мѣрною поступью* (εὔτακτος ἔμβασις ποδῶν. De saltatione, по Цвейбр. изданію, ч. V, стр. 130 сл.). Но это опредѣленіе не говоритъ, кажется, о самомъ существенномъ признакѣ удовольствія, для многихъ столь привлекательнаго. Конечно, пляска есть *мѣрная поступь* и мѣрное движеніе всего тѣла; но не всякое мѣрное движеніе есть пляска. Плясовое движеніе зависитъ отъ *пѣсни*, или звуковъ *инструмента*. Слова пѣсни и волшебная сила звуковъ рождаютъ въ душѣ

особенную живость и веселость, которыя сообщаются тѣлу и обнаруживаются въ немъ особеннаго рода мѣрнымъ движеніемъ ногъ. *Пляска* есть только выраженіе тѣхъ ощущеній, которыя музыка вливаетъ въ душу, и слѣдственно она сообразна, или несообразна съ нравственностію, смотря по качеству музыки, или возбуждаемымъ ею чувствованіямъ и мыслямъ. Нѣкоторое забвеніе важности, забвеніе своихъ трудовъ, веселое легкомысліе, бодрость, радость, расположеніе къ шуткамъ, нѣжности и любви, — все это есть дѣло музыки. Въ ней-то должно искать причины того различія, которое находится между разными родами танцовъ. Мы находимъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, что и Давидъ скакалъ предъ ковчегомъ, въ благоговѣйномъ восхищеніи и къ тайному прискорбію своей жены Мельколы, обвинявшей его въ непристойности (2 Кн. Цар. VI, 14 и дал.); и еще прежде его Маріанна торжествовала съ липаврами переходъ чрезъ Черное Море (Исход. XV, 20). Въ Силомѣ дѣвы ежегодно приходили во храмъ съ плясками (Кн. Суд. XXI, 19); дочь Іефтая встрѣтила однажды отца своего игрою и пляскою (Тамъ же XI, 34); священные пророки возбуждали народъ къ прославленію Бога также пляскою (Псал. 149, 3. 150, 4). Слѣдственно не *вещь*, а *чувства*, изображаемыя и возбуждаемыя вещію, могутъ быть по нравственности позволительны и непозволительны въ пляскѣ. И такъ

1) Какъ *чисто механическое движеніе тѣла*, пляска есть нѣчто *безразличное*; даже она можетъ быть достойною одобренія, какъ тѣлесное движеніе, которое пріучаетъ къ правильной и благопристойной походкѣ, даетъ привычку держать себя прилично и благородно и сообщаетъ тѣлу легкость и ловкость.

2) Нельзя также почитать порочнымъ, если кто съ приличною пріятностію выражаетъ движеніями своего тѣла *обыкновенныя, нѣжныя, приличныя* и *благородныя чувства;* ибо иначе должно было бы запретить и движенія оратора.

3) Что любовь къ танцамъ въ Европейскихъ обществахъ происходитъ *изъ привязанности одного пола къ другому*, это очевидно во всѣхъ случаяхъ; иначе почему бы не танцовать отдѣльно одному полу отъ другаго? Но и самая эта привязанность пола къ полу не предосудительна сама въ себѣ, а можетъ быть зломъ по злоупотребленію. Если не позволишь пляски, но должно запретить и встрѣчу половъ въ обществѣ, и общія прогулки; должно принять вообще Азіятскіе нравы. Но опытъ народовъ доказываетъ, что благоразумное сближеніе половъ, вмѣсто зла, служитъ дѣйствительнѣйшимъ, или по крайней мѣрѣ благороднѣйшимъ средствомъ къ образованію народныхъ нравовъ.

Но 4) никакая пляска не можетъ быть *согласна съ разумомъ и нравственностію*, если она служитъ *къ выраженію непристойныхъ*, или *соблазнительныхъ чувствъ*, или *возбуждаетъ ихъ*.

Къ несчастію, довольно часто забываютъ это правило, даже въ кругу образованныхъ людей. Что повѣствуютъ Шокъ и Шпенеръ о пляскахъ своего времени, то же самое нынѣ встрѣчается иногда въ обществахъ. Такого рода пляска, гдѣ бы она ни происходила, въ домашнихъ ли, или общественныхъ собраніяхъ, если и можетъ быть терпима, какъ меньшее зло для избѣжанія большаго, сама по себѣ однако жъ, предъ судомъ нравственности, не можетъ быть одобрена.

§ 30.

О хозяйствѣ и бережливости.

Средства къ наслажденіямъ и поддержанію жизни вообще тѣсно связаны въ гражданскихъ обществахъ съ *правомъ собственности*, безопасность коей есть непремѣнное условіе просвѣщенія и истинной добродѣтели гражданъ. Благоразумное пріумноженіе, сохраненіе и употребленіе собственности называется вообще хозяйствомъ, а въ тѣсномъ смыслѣ *бережливостію*. Эта добродѣтель облегчаетъ исполненіе высшихъ обязанностей,

защищаетъ отъ опасности голода, подаетъ случаи къ истинно доброму образу дѣйствованія, или къ пріобрѣтенію духовнаго богатства и даетъ намъ разнообразныя средства ко внутреннему и внѣшнему счастію.

Къ обязанностямъ пещись о своемъ счастіи принадлежитъ благоразумное вниманіе ко внѣшнимъ благамъ. Частная собственность есть слѣдствіе разумной дѣятельности и бережливости человѣка. Человѣкъ отъ природы получилъ способность, посредствомъ дѣятельности удовлетворять, сообразно съ разумомъ, своимъ намѣреніямъ и желаніямъ. Этою дѣятельностію и благоразумнымъ употребленіемъ своихъ силъ, онъ *пріобрѣтаетъ себѣ собственность;* то есть онъ вноситъ произведенное имъ въ сферу своей свободы и пріобрѣтаетъ чрезъ то право исключительно владѣть своимъ произведеніемъ. Такъ называемая общность имѣній, которую съ давнихъ временъ защищали великіе философы (Plato de Republica l. V.), кажется, какъ замѣтилъ и Аристотель (Politic. l. II, c. 3), противна природѣ человѣка и несовмѣстна съ разумомъ (Kants Rechslehre, стр. 61). По крайней мѣрѣ она не можетъ долго существовать (Schlözers allgemeines Staatsrecht, S. 46 ff.) и исторія показываетъ, что вездѣ, гдѣ ни пытались ввести ее, она была

весьма вредна для нравственности. Мечтательный король Мюнстера, Іоаннъ Лейденскій и его первый министръ Книпперделлингъ, старались со всѣми ужасами насилія ввести въ обычай общность имѣній и женъ (Iochmus, S. 140 ff.); но этимъ самымъ они разрушили связь и согласіе своей секты и ускорили безъ того уже близкую ея погибель. И такъ согласное съ нравственными законами пріобрѣтеніе собственности и исключительное, разумное владѣніе ею составляютъ хозяйство. Чтобы домоводство было полно, нужно не только пріобрѣтать, но и *сберегать пріобрѣтенное* (haud minor est virtus, quam quaerere, *parta tueri*. Ovid.), или приводить въ равновѣсіе свои доходы съ издержками, дабы расходы не превышали доходовъ и наслажденія не поглощали всего накопляемаго плода нашей дѣятельности. Это попеченіе о сохраненіи пріобрѣтеннаго называется *хозяйствомъ*, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Добрый отецъ семейства долженъ стараться даже болѣе пріобрѣтать и болѣе умножать свое имѣніе, чѣмъ издерживать, дабы защитить себя отъ возможной въ послѣдствіи бѣдности. Эта часть хозяйства называется *бережливостію*. Кто не трудится для пріобрѣтенія, тотъ не достоинъ и владѣть чѣмъ нибудь; а кто не умѣетъ хорошо управлять своею собственностію, тотъ и въ другихъ своихъ занятіяхъ и дѣйствіяхъ не будетъ слѣдовать правиламъ благоразумія и осторожности. Толь-

ко тотъ, кто умѣетъ измѣрять свои нужды и сообразно съ ними распоряжаться издержками, можетъ быть свободенъ отъ запрудненій и тяжкихъ заботъ по хозяйству.

Посему *бѣдность вообще происходитъ отъ лѣности, или безпорядочнаго образа жизни.* Кто не трудится, тотъ ничего произвести не можетъ. Кто не жалѣетъ своихъ силъ для трудовъ, по его званію, или ремеслу; кто пользуется своими дарованіями и направляетъ ихъ къ полезнымъ цѣлямъ: тотъ при обыкновенномъ благоразуміи почти всегда можетъ пріобрѣсти себѣ нужное; если только чувство собственнаго достоинства и поддержанія своей жизни для него важнѣе, чѣмъ ложный стыдъ и пустая гордость. Совершенная бѣдность, исключая самые частные случаи, всегда есть доказательство лѣности, или дурнаго образа жизни, или дурно расчитанныхъ предпріятій.

Часто нужда и бѣдность служатъ сильнымъ искушеніемъ для добродѣтели. Лживость, лесть, низость, обманъ, суевѣріе, даже воровство и разбойничество, суть сопутники суровой, тяжкой бѣдности. Люди, лишенные средствъ пропитанія и страшащіеся работы, въ большихъ городахъ, образуютъ классъ хитрыхъ и опасныхъ злодѣевъ. Честность бѣдняка достойна всякаго уваженія; она рѣдка, особенно тамъ, гдѣ бѣдность и лѣность соединились между собою.

Напротивъ достатокъ и изобиліе находятся

въ тѣсной связи со *счастіемъ* и *нравственнымъ достоинствомъ*. Отецъ семейства, пріобрѣвшій вмѣстѣ съ собственностію и самостоятельность, не только имѣетъ возможность наслаждаться удовольствіями жизни, но чувствуетъ радость и отъ того, что видитъ плоды своихъ усилій, исполняетъ семейственныя обязанности, дѣйствуетъ въ обществѣ для благородныхъ цѣлей, разширяетъ кругъ своихъ занятій и вліяніе своихъ добродѣтелей, и наконецъ съ чистою, покойною совѣстію разстается съ этимъ міромъ.

См. проповѣдь Аммона über den Werth der Wirthschaftlichkeit; см. Christ. Religionsvorträge über die wichtigsten Gegenstände der Glaubens-und Sittenlehre. Erlangen, 1795. B. II.

§ 31.

Скупость.

Если бережливость выступаетъ за предѣлы благоразумія; то она становится *скупостію*, или слѣпою страстію къ пріобрѣтенію и дѣлаетъ человѣка *любостяжательнымъ* и *безпокойнымъ*, заставляетъ его цѣнить внѣшнія блага выше всѣхъ совершенствъ ума и сердца. Такъ какъ эта

страсть принадлежитъ къ числу холодныхъ; но она со временемъ возростаетъ, всегда болѣе и болѣе ожесточаетъ сердце скупаго, болѣе и болѣе дѣлаетъ его презрительнымъ, и до самой смерти мучитъ несчастнаго, который вѣчно собираетъ и вѣчно скопляетъ свои богатства. И такъ этотъ *безразсудный порокъ* есть рѣшительное идолопоклонство; онъ дѣлаетъ человѣка обожателемъ золота, лишаетъ его всякаго почтенія въ глазахъ ближняго, ведетъ его отъ одной глупости къ другой и наполняетъ душу его страхомъ смерти.

Всякая бережливость, выступая за предѣлы благоразумія, превращается въ скупость, или слѣпую страсть къ пріобрѣтенію, сохраненію и умноженію имущества. Кантъ справедливо дѣлаетъ различіе между *любостяжательною* и *безпокойною скупостію. Любостяжательный* человѣкъ запахиваетъ межу сосѣда, грабитъ безжалостно своего должника для полученія съ него своихъ процентовъ, безъ плапы никогда не хочетъ помочь несчастному; напротивъ человѣкъ, страждущій *безпокойною скупостію,* отказываетъ себѣ во всѣхъ удовольствіяхъ,

иногда даже въ первыхъ потребностяхъ жизни, для того, чтобы не издержать и не расточить сокровищъ, которыя ему такъ пріятны; онъ не знаетъ другаго удовольствія, кромѣ мысли о деньгахъ. — Между прочими причинами скупости можетъ быть и то безпокойное расположеніе духа, по которому человѣкъ уже не возвышается до высокихъ и благородныхъ цѣлей, но боязливо, съ трепетомъ и недовѣрчивостію къ Промыслу и людямъ, ожидаетъ отъ будущности однихъ несчастій. Часто къ сребролюбію ведетъ *тайная гордость*, поставляющая все свое достоинство въ золотѣ и ищущая въ своемъ богатствѣ преимуществъ надъ доблестями и заслугами другихъ; скупой всегда обращается грубо и жестоко съ тѣмъ, кто проситъ его о помощи. Во всякомъ случаѣ, скупости предшествуетъ *слѣпая страсть* имѣть *деньги*, которыя тѣмъ уже однимъ, что принадлежатъ скупому, рождаютъ въ душѣ его невыразимое удовольствіе. Нѣтъ ничего легче, какъ доказать самымъ яснымъ образомъ *сумасбродство* этой страсти и *несообразность ея съ нравственностію;* ибо она

1) *Въ сущности есть идолопоклонство,* поставляющее маммону, какъ Финикіяне своего Плутона, за верховное благо, выше котораго нѣтъ ничего совершеннаго, достойнаго и святаго, — идолопоклонство, искореняющее въ душѣ вѣру, благочестіе и религію.

2) По этой же причинѣ скупость, *болѣе чѣмъ*

всякая другая страсть, ограничиваетъ свободу нашего духа; она не такъ, какъ другія движенія души, не скоро проходитъ, но все глубже и глубже проникаетъ въ сердце и вытѣсняетъ изъ него всякое чувство благородства.

3) Скупость заключаетъ въ себѣ не одинъ порокъ, а *многіе;* потому что она ведетъ человѣка къ лихоимству, дурному обращенію съ другими, къ несправедливости противъ себя самаго, или по крайней мѣрѣ къ забвенію своихъ обязанностей, къ забвенію состраданія и любви къ ближнимъ и лишаетъ человѣка всѣхъ радостей жизни и всѣхъ удовольствій душевныхъ.

4) Скупой мучитъ себя въ продолженіе цѣлой своей жизни, терпитъ отъ всѣхъ насмѣшки и презрѣніе, страшится смерти и однако жъ наконецъ съ горестію видитъ себя принужденнымъ отдать въ чужія руки все имъ собранное, не получа за то ни благодарности, ни уваженія.

Xenophontis Cyropaedia l. VIII. Persii Satyra VI. Seneca, Epist. CXV. Platners Aphorismen по новому изданію, ч. II. §. 882 и слѣд. Charron de la Sagesse, l. 1. chap. 22. Pärschke's Einleitung in die Moral, S. 307 ff.

§ 32.

Расточительность.

Противуположный скупости порокъ есть *расточительность*, или потеря богатства отъ неумѣренныхъ расходовъ. *Главные источники* этого порока суть безразсудное невниманіе къ достоинству богатствъ, легкое ихъ пріобрѣтеніе, нерасчетливость и неспособность управлять имуществомъ, неумѣренность въ наслажденіяхъ, неразмышленіе о будущемъ и легковѣрная надежда на счастіе. Какъ дѣйствіе *нерасчетливости* и *слабоумія*, ведущихъ за собою гибельныя послѣдствія, и какъ злоупотребленіе благъ, назначенныхъ къ достиженію нравственныхъ цѣлей, этотъ порокъ *отвратителенъ* и сопровождается обыкновенно великими несчастіями.

Римское право называетъ того расточителемъ, кто не умѣетъ располагать своими расходами (prodigus est, qui expensarum neque modum habet, neque finem. Dig. XXXVII, 10. 1.).

Это есть неумѣренность въ наслажденіи своимъ богатствомъ, при очевидной несоразмѣрности расходовъ съ доходами. Едва ли бы можно было повѣрить существованію этой безразсудной страсти, если бы не было людей, совершенно не знающихъ *цѣны богатства*, не понимающихъ того напряженія и трудовъ, которыхъ стоитъ для людей законное пріобрѣтеніе имуществъ. Расточителю кажется, что богатство, доставшееся ему легко и безъ всякихъ заботъ, не можетъ истощиться. По своей *безхарактерности*, онъ готовъ удовлетворять каждой своей фантазіи, готовъ покупать всякую вещь, которая ему нравится, бросается ко всѣмъ удовольствіямъ, влашится за всякой прельщающій его блескъ, стыдится всякой скромности въ расходахъ. При потерѣ довѣренности къ себѣ, онъ даетъ ростовщику вдвое противъ того, что отъ него получаетъ. За расточительностію слѣдуютъ разнаго рода *проступки и преступленія:* разсѣянность, лѣность, напыщенность, небрежность въ исполненіи своихъ обязанностей, страсть къ игрѣ, роскоши и тщеславной пышности, неустойка въ словѣ предъ заимодавцемъ, дурной, соблазнительный примѣръ для другихъ, пріученіе своего семейства къ неумѣренному образу жизни и потомъ погруженіе его въ тягостную бѣдность.

Наконецъ расточительность всегда почти влечетъ за собою *ужасныя бѣдствія*. Преслѣдуемый заимодавцами, оставленный друзьями,

раздѣлявшими его удовольствія, презираемый всѣми честными людьми, не уважаемый цѣлымъ обществомъ, онъ влачитъ послѣдніе дни свои безъ крова и помощи, въ ужасной нуждѣ, съ тяжкимъ чувствомъ стыда и раскаянія, или оплакиваетъ жизнь свою въ мрачной темницѣ.

Конецъ.